

СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ДВИЖЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

Явления и сущность

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1982

В монографии детально анализируются общественная жизнь как высшая форма движения материи и ее основные характеристики: универсальность, регулируемость, сознательность целеполагания. Исследуется специфика противоречия социальной формы движения, различаются генетический, функциональный и результативный ее аспекты.

Ответственный редактор доктор философских наук С. И. ГОНЧАРУК

Издательство «Наука», 1982

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
<i>Глава первая</i>	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	5
1. Специфика предмета исследования.....	5
2. Биологическая и физическая редукция.....	13
3. Взаимосвязь понятий «движение», «развитие» и «взаимодействие».....	21
<i>Глава вторая</i>	
СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	31
1. Биологическая и социальная формы движения. Труд . . .	31
2. Универсальность и синтетичность. Современная экологическая ситуация.....	52
3. Производство по законам красоты. Два ряда мер	73
4. Революция в соотношении способностей и потребностей . Бескорыстие созидания — «душа» социального движения.	88
<i>Глава третья</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЦЕЛОГО.....	103
1. Опосредствование. Все орудия труда — посредники . . .	103
2. Раздвоение жизнедеятельности. Регулирование и управление	123
3. Раздвоение производства. Созидание вещей и идей . . .	148
4. Удвоение деятельности человека. Целеполагание как мера необходимости свободы и свободы необходимости ...	173
<i>Глава четвертая</i>	
НОСИТЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ.....	200
1. Оценки и ценности. Субъективный механизм временной связи социальных явлений.....	200
2. Вечное и преходящее. Носители социального единства и разнообразия	213
3. Субстанция и субстрат социального движения. Определение понятия.....	245
4. Место социальной формы движения в бесконечном развитии природы.....	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	257
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	260
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	263

ОТ АВТОРА

Объектом размышления в предлагаемой вниманию читателя книге является

общественная жизнь, рассматриваемая в глобально-планетарном масштабе как всеобщий способ человеческого бытия, как особая форма движения материи, высший уровень ее развития. В качестве предмета исследования избрана сущность социального движения, т. е. совокупность тех фундаментальных свойств социальных явлений, благодаря которым они и образуют особый вид объективной реальности, качественно отличной от всех досоциальных, природных ее видов. Иными словами, социальное движение необходимо рассматривать как относительно самостоятельный по отношению к природе способ бытия, содержание которого раскрывается в теории исторического материализма. Сущность социального движения как относительно самостоятельного феномена условно можно назвать сущностью первого порядка (в себе и для себя) и обозначить ее термином «социальное движение». Однако само по себе существование людей (общества) по необходимости предполагает постоянное взаимодействие их с природой, обмен веществ между ними, изменение в этом процессе и того и другого. Поэтому, раскрывая сущность социальных явлений (в себе и для себя), невозможно игнорировать те изменения, которые вносятся людьми (сознательно и непроизвольно, стихийно) в природную среду. В содержании, глобальной направленности этих изменений и следует усматривать сущность второго порядка, которая проявляется не в каких-то особых явлениях, а в тех же самых обычных социальных явлениях, но взятых в их соотнесенности с производимыми изменениями природной среды. Поэтому проникновение в сущность первого порядка, все более глубокое ее раскрытие, по сути дела, есть одновременно и движение знания к сущности второго порядка, к выявлению места и глобального значения социального движения в бесконечно-вечном развитии — круговороте материи. Сущности второго порядка более соответствует термин «социальная форма движения».

3

В течение десятков тысячелетий социальное движение протекало в условиях первобытнообщинных отношений (так называемые дикость и варварство). И хотя вся эпоха первобытности отличается исключительно медленными темпами развития общества, тем не менее логично предположить, что она сыграла едва ли не решающую роль в формировании социального движения как нового типа развития, как особого его витка и стабилизации существования человеческого рода. В самом деле, медленное течение тех или иных процессов предполагает не просто и не только консервативность, но и устойчивость, надежность закрепления происходящих изменений, органичность их подключения к традиции. Отсутствие внутренних социальных антагонизмов, монолитность родоплеменных общностей, равенство участия людей в производстве и потреблении, труде и наслаждении, работе и отдыхе, безусловно, не стимулировало ускорение темпов социального развития, но зато обеспечивало одновременность развития способностей и потребностей всех членов социальной общности, что как закон обуславливало относительную равномерность социального развития общностей в эпоху первобытности (правда, известная неравномерность наблюдается и здесь, но главная ее причина — различие естественных условий обитания человека в тех или иных географических регионах).

Несмотря на медленные темпы развития, в первобытную эпоху был накоплен огромный фонд возможностей дальнейшего прогресса человечества в сфере материальной и духовной жизни (технические изобретения начиная с «открытия» огня, производительное хозяйство, прежде всего на базе земледелия и скотоводства, оседлый образ жизни, языковое многообразие, неисчерпаемые богатства стихийно-художественного творчества родоплеменных общностей, мощный потенциал созидательных, довольно гибких универсальных и специальных способностей и динамичных потребностей человека с его целеполаганием и волей), а главное — был выработан первый в истории вариант неантагонистического типа социального развития.

Всего лишь первый вариант (ограниченный бедностью, однообразием форм жизнедеятельности людей и узкими рамками внутриобщинных отношений). Ему на смену

пришел иной, антагонистический тип социального развития, предпосылки которого возникли в первобытную эпоху в

6

йде индивидуального хозяйства и личной собственности на средства и продукты производства. Это изменение исподволь подтачивало, а потом и взорвало все устои первобытнообщинной жизни и вместо них утвердило совершенно иные, прямо противоположные устои, совокупность которых впоследствии была названа «цивилизацией» (в противоположность «дикости» и «варварству»). Противопоставление первобытности и цивилизации оправдано и логично.

Совершенно очевидна противоположность этих великих периодов в истории человечества (первобытность в такой же мере история, как и цивилизация) по темпам их развития, которые резко ускорились сразу же по вступлению тех или иных социальных организмов в сферу действия цивилизации и продолжают скачкообразно нарастать, принимая едва ли не катастрофический характер в наше время, особенно в связи с ростом средств массового уничтожения и разрушения. При этом все более проявляется как закон неравномерность развития различных регионов и социальных образований, возвышение одних за счет прозябания и даже ограбления, безграничной эксплуатации других.

Не подлежит сомнению противоположность названных исторических периодов и в отношениях «природа — общество». От стихийного сотрудничества с природой в эпоху первобытности человек перешел к борьбе с ней с целью господства, бесконтрольного расхищения ее минеральных, энергетических и прочих богатств, встал на путь бессмысленного истребления многих видов флоры и фауны, что неизбежно ведет к нарушению круговоротов вещества в природе, загрязнению лито-гидро-и атмосферы земли и в итоге к реальной возможности экологического кризиса. Такова оборотная сторона экспоненциального роста темпов социального прогресса в условиях классово-антагонистических формаций.

Бесспорна противоположность названных стадий истории и по линии отношений «человек — человек». От взаимопомощи, взаимопонимания и взаимовыручки в отношениях между членами монолитных, хотя и малочисленных, родовых объединений, которые составляли все тогдашнее население планеты, человечество по мере укрепления частной собственности все более становилось на путь господства и подчинения, соперничества и конкуренции, не доверия и подозрительности в отношениях между членами больших и малых общностей, раскалываемых острейшими

7

антагонизмами между богатыми и бедными, эксплуататорами и эксплуатируемыми — членами этих общностей, чаще всего «своими», а не только чужими, что было характерно для первобытности.

Появились вражда и зависть, алчность и преступность. «Человек совершает преступления с такою же правильностью, с какой ежегодно насчитывается количество рождений, смертей или браков»². Преступления в условиях господства частной собственности являются необходимым результатом буржуазной организации общества. Весьма симптоматично и то, что развитие цивилизации, накопление богатств, совершенствование всех ее институтов (государства, морали, образования, культуры) не только не смягчают антагонизмов, но порождают новые и новые противоречия. А. Кэтле писал: «Прогресс цивилизации увеличивает число сумасшедших,— заявляет один авторитетный ученый; другой заявляет: не идиотизм, а сумасшествие находится в прямой зависимости от цивилизации»³. Как следствие отношений господства-насилия складываются и соответствующие отношения между народами и государствами с их войнами, враждой и конкуренцией, которые по мере исторического развития классово-антагонистического общества не ослабевают, а приобретают все более чудовищный размах и угрожают гибелью человечеству (правда и первобытные общности враждовали между собой, воевали, но в силу того, что они были, как правило, равномошны и

стабильны, эти столкновения не приводили к подчинению, порабощению одного рода или племени другим). Развитие и углубление антагонизмов между различными классами, обществом, государством и личностью, материальным и духовным производством, трудом и наслаждением, целями и результатами их осуществления, сущностью и существованием воспринимались на индивидуально-эмпирическом уровне как безграничный разгул вселенских, враждебных человеку иррациональных сил, приближение конца света и в прочих аналогичных образах. На самом же деле все эти противоречия представляют собой, в сущности, новые стимулы и движущие силы социального развития, источники постоянного ускорения его темпов. Конечно, совершенствовались способности и ум-

² *Кэтле А.* Социальная физика или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев, 1911—1913, с. 344.

³ Там же, с. 149.

8

ножались потребности человека, но они не были прямой целью социальных изменений, исключая периоды революционных взрывов.

Таким образом, как будто следует, что цивилизация по всем линиям отрицает первобытность, является едва ли не полной ее противоположностью, т. е. первобытность как бы представляет собой не социальное движение, а всего лишь продолжение естественно-природных процессов. Встречаются, и не так уж редко, исследователи, которые выдают эту видимость за сущность. В действительности же дело обстоит не так просто: социальное движение подчиняется всем принципам и законам диалектики, в том числе и возможности перехода в свою противоположность. Однако это развитие — в рамках одного и того же уровня организации материи, предполагающее сохранение «социальности» путем преобразования, обогащения и совершенствования ее сущности.

Отсюда нетрудно заключить, что проблемы социальной формы движения, «социальное движение как таковое», его сущность и проявления, содержание и всеобщие формы относятся к общефилософским, потребность в дальнейшей творческой разработке которых «не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей»⁴.

Об этом свидетельствует и выдвинутая на XXVI съезде КПСС историческая задача о необходимости мобилизации творческого потенциала всего нашего общества, в осуществлении которой важную роль должна сыграть всесторонняя разработка проблем диалектического и исторического материализма. Творческое развитие философии, теории марксизма-ленинизма предполагает полет мысли, неустанный поиск нового⁵.

Ясно, что исследование развития общества как особого и высшего вида движения материи особенно важно для правильного понимания исторической перспективы, разработки методологии прогнозирования — построения «проекций в будущее человека», в частности динамики современных экологических осложнений и перспектив космической экспансии человека. Бесспорны эвристические и общеметодологические возможности решения проблемы исторического развития общества в русле дальнейшей раз-

⁴ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 531. е См.; Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 51, 145, 218.

9

работки учения диалектического материализма о материи и сознании, движении и развитии, обогащения новыми положениями и выводами исторического материализма.. Не исключено, что всесторонняя разработка на общефилософском уровне теории социального движения как способа существования мыслящих существ — живых, органических существ самой высокой и стабильной организации — станет дополнительным методологическим подспорьем в успешном развенчании все еще появляющихся биологизаторских и механистических (физикалистских, кибернетических) истолкований сущности человека и общества. На актуальность этой задачи обращает

внимание П. Н. Федосеев⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс разработку диалектико-материалистической философии, как известно, начали с четкого выделения качественного своеобразия общества во всей системе бытия, с материалистического истолкования общества. Обнаружив качественное отличие общественной жизни в производстве, труде, они определили место человечества, его истории в иерархии форм движения материи. Во всех своих трудах, в том числе и в «Капитале», основоположники марксизма дают общефилософскую характеристику человеческой истории как особой формы движения, разрабатывают основные принципы научной производственно-трудовой теории возникновения, развития и функционирования общества. «Область истории», «историческое развитие», жизнь «существ, сознающих себя и природу», «высший цвет (материи на Земле) — мыслящий дух» — и некоторые другие термины как раз и отражают качественное отличие социального движения на общефилософском уровне.

Однако до самого последнего времени общественное развитие, т. е. социальное движение как таковое, не было предметом специальных исследований на общефилософском уровне. Вследствие этого не только в многочисленных учебных и популярных книгах по диалектическому и историческому материализму, но и в фундаментальных монографических исследованиях, по существу, отсутствует общефилософский анализ социальной формы движения материи, без чего вряд ли возможно дальнейшее творческое развитие диалектического материализма. Более того, даже

См.: *Федосеев П. П.* Проблема социального и биологического в философии и социологии, — *Вопр. философии*, 1976, (№ 3,

10

в таком фундаментальном обобщающем труде, как «Философская энциклопедия», мы наблюдаем поистине парадоксальную ситуацию: в числе 150 терминов с определением «социальный», таких, как «социальная патология», «социальная норма патологии», «социальная патология знаков», «социальная физика», «социальная физиология», «социальное отклонение», «социальное расчленение», «социальные болезни», «социальный инстинкт», «социальные реакции у животных», и других, отсутствуют понятия «социальное движение», «социальная форма движения» и т. д. ^Правда, однажды приводится понятие «социальные движения», но в смысле «народные движения».

Данная ситуация явилась причиной некоторой односторонности в исследовании проблемы социального движения. И не случайно Ю. К. Плетников писал, что «анализ социальной формы движения обычно ограничивается общими рассуждениями о материальном производстве, производительных силах и производственных отношениях или констатацией того факта, что в обществе существуют системы различного порядка...»⁷. Вслед за выходом работы Ю. К. Плетникова по проблеме социального движения стали публиковаться статьи в философских журналах и книги о человечестве⁸.

Не преуменьшая значения этих и других публикаций, следует отметить, что это все же пока лишь первые шаги, первые подступы к всестороннему анализу одной из магистральных проблем диалектического и исторического материализма. Дело не только в том, что в имеющихся работах уже обнаружилось определенные расхождения по фундаментальным вопросам социального движения (характер труда, сущность социального движения, его место в системе форм движения, соотношение биологического и социального и т. д.), но и в том, что ряд принципиальных вопросов, поставленных К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, остались вне поля зрения исследователей. Поэтому заслуживает внимания замечание Л. Ф. Ильичева о том, что «можно перечислить по пальцам работы о социальной форме движения материи, да и они не представ-

Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 5. ⁸ См.: *Урсул А. Д.* Человечество. Земля. Вселенная. М., 1977; *Давидович В., Аболина Р.* Кто ты, человечество? М., 1975; *Забелин И. М.* Человек и человечество. М., 1970; *Фаддеев Е. Т.*

Космонавтика и общество. М., 1970, и др.

И

ляют собой капитальных исследований. Между тем это очень важный вопрос» . Явным образом обнаруживается и то обстоятельство, что работы, посвященные каким-либо частным вопросам социального движения, нередко оказываются методологически уязвимыми именно вследствие того, что до сих пор еще не решены более общие глобальные проблемы общественного развития.

Все изложенные соображения побуждают нас предпринять попытку исследовать сущность социального движения, руководствуясь производственно-трудовой концепцией человеческой истории К. Маркса и Ф. Энгельса. В свою очередь, это предполагает анализ под углом зрения единого принципа той совокупности многообразия явлений социального порядка, которая характеризует предмет в его зрелом, наиболее развитом виде, что, разумеется, не исключает и экскурсов к их истокам, генезису, первоначальным формам их бытия. Последним и определяется содержание данной работы, в которой предполагается выявить всеобщие формы социального движения и наиболее типичные конкретно-исторические их модификации. Главное внимание при этом уделяется анализу способов социальной связи (сцепления) самых разнообразных эмпирических фактов в целостное образование — социальный организм — и способов сохранения, поддержания этой целостности с учетом большей или меньшей обособленности, составляющих ту или иную социальную общность индивидов. Не обойдены вниманием также и универсальные способы и механизмы социального развития, изменение устойчивых образований на различных уровнях организации социальных общностей.

В генетическом и логическом плане исходной детерминирующей и структурообразующей клеточкой социального движения в данном исследовании признается производственно-трудовой цикл — совместная деятельность, универсальная по своим возможностям и общественная по способу реализации, в процессе которой происходит преобразование как самого человека, так и предметов окружающей его природы с целью производства средств существования людей. Именно из структуры трудового цикла, соотношения его необходимых моментов и предпосылок можно вывести все существенные особенности явлений

⁹ *Ильичев Л. Ф.* О методологических функциях исторического материализма.— *Вопр. философии*, 1977, № 6, с. 32.

12

и сущность социального движения, а также структуру социальных общностей и личности, структуру универсальных, всеобщих институтов и их исторических модификаций.

Особенно актуальной и, несомненно, трудной представляется нам выработка объективных критериев разграничения общественных и личных функций всякого социального действия, ибо все общественные связи и отношения, установления и институты, все виды человеческой деятельности осуществляются в конечном счете на личностном уровне, как сознательно-целесообразные акты. Хотя сознание, мысль и производны, вторичны по отношению к материальным процессам, совершающимся в трудовых действиях, эти действия осуществляются при активном участии сознания, в силу чего оно и является неотъемлемым атрибутом социального движения, могучим фактором ускорения темпов его развития.

Само собой понятно, что основным конструктивным материалом, тканью исследования выступает категориальный аппарат диалектического и исторического материализма, некоторые частные общественные науки и факты, добытые ими, а также типические ситуации из некоторых классических произведений мировой литературы. Одной из задач настоящей работы является анализ понятий, уточнение их содержания, введение новых, чаще всего вспомогательных терминов-образов, как-то «клин», «оборачивание социальных функций» и т. п., а также экспликация уже введенных

понятий, не имеющих более или менее общепринятой интерпретации. Научно обоснованный и разработанный категориально-понятийный аппарат — это не только важнейший инструмент построения теории, но и надежный ее логический каркас, позволяющий критически оценить любую ненаучную концепцию человека и общества, страдающую расплывчивостью, неопределенностью и многозначностью.

2. Биологическая и физическая редукция

Человек как существо разумное необходимо стремится уяснить свое место в мире, связь, единство и отличие своего я от этого мира как по происхождению, так и по существованию. Он нуждается в таких знаниях (пусть на

13

уровне представлений, интуитивных предчувствий, даже мистических взглядов), чтобы более или менее адекватно ориентироваться в настоящем, прояснить свое прошлое и прогнозировать будущее.

Собственно из этой необходимой естественной потребности и произрастают ближайшим образом решительно все варианты объяснения происхождения и сущности человека и общества: от самых фантастических (фетишизм, все религиозно-теологические доктрины) вплоть до современных квазинаучных концепций, с одной стороны, и действительно научных теорий — с другой.

Воистину тернистым, исключительно противоречивым оказался путь движения познания человеком своего происхождения и сущности. И причина тому — не ограниченность познавательной мощи интеллекта или только классовые интересы, а высшая степень сложности самого предмета, безграничное многообразие явлений единой сущности. Ведь каждый из классов этих явлений (производство, обмен, распределение, потребление материальных благ, речь, мышление, государственно-политическая жизнь, юридическая практика, нравственные отношения и оценки, художественно-эстетическая деятельность, познавательная активность, религиозные и прочие верования, классовые, этнические, расовые различия, конфликты, быт, семья, наслаждения, радости, удовольствия и страдания, преступления и различные извращения, в том числе сексуальные, безграничные модификации и сочленения этих явлений и т. д. и т. п.) может при соответствующих условиях выступить основанием концепции человека, его истории, хотя сущность воплощают они далеко не одинаково: в одних она лишь проскальзывает как видимость, искажающая ее, а в иных она и светится для умеющих видеть.

Подобная возможность неизбежно ведет к созданию ложных концепций человека при отсутствии объективного критерия выделения главных, существенных явлений из потока второстепенных, мало или вовсе несущественных, необходимых из случайных, фундаментальных из производных и т. д.

Именно в этом надо искать гносеологические истоки всех ненаучных версий происхождения и сущности человека и общества и более того: причины их правдоподобия, сходства с истинными концепциями и, следовательно, их живучести не в одном лишь массовом, обыденном созна-

14

нии. Явления ведь всякому знакомы как реальность, а сущность . . . сущность где-то прячется, она неуловима подобно синей птице — к тому же она — одна-единственная. Научная, действительно истинная теория всегда лишь одна-единственная, а мнимых и ложных, не говоря о фантастических конструктах, существует множество. Все они исходят из молчаливого признания извечной неспособности человека к самосовершенствованию, необходимости привлечения к этому каких-либо внешних сил — от бога до информации, накопленной внеземными цивилизациями. Ложные концепции непродуктивны в объяснении происхождения человека, его прошлого и совершенно бесперспективны как проекции в будущее, все они явно несостоятельны в применении к настоящему как теоретические основания жизненных позиций общества и личности. Было бы весьма поучительно подвергнуть справедливой критике все до- и ненаучные, в том

числе и теологические, концепции социального движения в аспекте их отношения к прошлому, настоящему и будущему. Но это задача специального исследования.

Здесь же придется ограничиться лишь общим взглядом на одну из наиболее распространенных в буржуазном мире наукообразных концепций человека и общества — доктрину биологического редуционизма. К тому же эта концепция — самая внушительная по возрасту, во всяком случае, ее можно обнаружить в «Левиафане» Т. Гоббса с его наивным уподоблением общества (государства) животному организму. Учитывая исторический контекст представлений Гоббса, можно сказать, что они отвлекали человеческую мысль от теологии, толкали ее в сторону науки, хотя его знаменитый тезис «человек человеку волк» был слишком тенденциозен.

В дальнейшем биологический редуционизм переходит от чисто умозрительных построений к широкому использованию естественнонаучных открытий: учения о клетке и особенно дарвиновского закона естественного отбора, его представления о происхождении человека. В труде «Происхождение человека и половой отбор» Ч. Дарвин писал: «Как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно столь же количественное, а не качественное». Он был убежден, что человек и высшие животные, особенно приматы, имеют «некоторое число общих инстинктов. У всех них одинаковые чувства, побуждения и ощущения; у всех одинаковые

15

страсти, привязанности и эмоции; даже самые сложные, такие, как ревность, подозрительность, соревнование, благодарность и великодушие; они способны обманывать и умеют мстить; они иногда способны понимать смешное и обладают даже чувством юмора; они любопытны и способны удивляться; обладают, хотя и в различной степени, способностями к подражанию, вниманию, рассуждению, памятью, воображением, ассоциацией представлений и разумом. Особи одного и того же вида представляют все ступени — от полнейшей глупости до большого ума». Ч. Дарвин обнаруживает тождество человека и животных и по другим линиям. «Человек и многие низшие животные одинаково наслаждаются одними и теми же красками, приятными оттенками и формами, одними и теми же звуками». Он полагал, что умственные и нравственные способности людей совершенствовались путем естественного отбора: «Привычки, существовавшие в течение многих поколений, вероятно, склонны, передаваться по наследству» — и, строя проекции в будущее, надеялся, что и «добродетели разовьются, станут, может быть, постоянными благодаря наследственности»¹⁰.

Учение Дарвина — это не наивные поиски аналогий соотношения социальных институтов разделению функций между органами живого тела или позитивистские рассуждения о законах выживания наиболее приспособленных (Г. Спенсер), а концепция знаменитого ученого, за отдельные положения которой не могли не ухватиться различные биологизаторы социальной жизни: социал-дарвинисты, расисты и т. п. Последние, конечно, игнорировали высказывание Дарвина о том, что «вопрос о первоначальном развитии дикарей в сторону цивилизации слишком сложен, чтобы его можно было решить в настоящее время»¹¹.

Впоследствии в биологическом редуционизме появляются своеобразные, зачастую противоположные течения. Вульгарно-социологическое (социал-дарвинистское) направление специализируется на примитивно-откровенной апологетике буржуазных порядков. Нигилистически-элитарное течение, отрицая мещански-буржуазный образ жизни, бичуя так называемую посредственность, фактически воюет против усиливающихся социалистических тенденций в жизни общества. Его родоначальник Ф. Ниц-

¹⁰ Дарвин Ч. Соч. М., 1953, т. 5, с. 239, 198, 210, 243 и 288.

¹¹ Там же, с. 245.

ше будущее отдает сверхчеловеку. Человек же, по его оценке,— «самое жестокое из всех животных», или «самый лучший хищный зверь», словом «нечто, что должно преодолеть», он всего лишь мост к сверхчеловеку. Эта философская доктрина, именуемая философией жизни, оказала сильное влияние на биологизаторские теории XX в. Разве тезис О. Шпенглера «человек — это хищный зверь» или идея З. Фрейда о решающей роли инстинктивных бессознательных влечений в жизни личности и общества чужды основным установкам творца речей Заратуст-ры? Не решает дела и то, что Фрейд считает своими отправными пунктами естествознание. Решает дело нигилистическое отношение к социальной сущности человека и абсолютизация его жизненно-органических проявлений.

Известно, что биологизаторские идеи нашли себе место в социально-философских конструкциях деятелей Франкфуртской школы, и особенно Г. Маркузе, хотя эти идеи и перемешивались с вульгаризованным марксизмом, что не сделало их менее враждебными демократическому и социалистическому движению, как только они были взяты на вооружение левозэкстремистскими группами¹². Абсолютный нигилизм никогда еще не приводил к содержательным социальным акциям.

Следовательно, связь, даже самая прямая, генетическая тех или иных идей с выводами науки совершенно не представляет однозначно социальных функций этих идей.

Возникла, к примеру, совершенно новая научная дисциплина — этология — наука о поведении животных. И вот ее основатель К. Лоренц берется объяснить такие социальные явления, как война, агрессия с позиций инстинкта агрессии, общего человеку и животным,— только у животных его проявление сдерживается тормозными устройствами, а у человека эти устройства якобы заблокированы, испорчены, из чего следует, что мы вовсе не люди, а всего лишь промежуточное звено между животным и истинно гуманным человеком, или сверхчеловеком.

Еще более откровенная биологизация социальных явлений предпринимается в книгах Р. Ардри. Ничто не может погасить нашу врожденную склонность к оружию. Инстинкт хищного зверя, освободившись от всех тормозов,

¹² Эволюция этих идей, их несостоятельность как проекций в будущее (сексуальная революция, культ эроса) убедительно проанализированы Ю. Н. Давыдовым в книге «Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы» (М., 1977).

17

может толкнуть к гибели род *homo sapiens*. Инстинкт всему виной и ничего с ним не поделаешь. К инстинктам Ардри относит собственнические нравы, национализм и т. д.¹³. Пропагандистский характер книг вроде книги Р. Ардри «Территориальный империализм. Личностное исследование происхождения собственности и наций у животных» не подлежит сомнению, они порывают даже с наукообразностью в терминологии, явно бросается в глаза обнаженность тенденции сочинителя: перенесение на животный мир терминологии, обозначающей сугубо социальные явления. Но существуют и более тонкие, вполне наукообразные приемы тех же операций. Например, в статье американского профессора Э. Уилсона «Степень животности», опубликованной 18 августа 1976 г. в «Литературной газете», речь идет о «социальном» поведении животных, о «зоосоциальной» психологии — новой науке. Профессор утверждает, что одно из основных открытий этой науки заключается в том, что «социальное поведение всех живых существ (от бактерий, медуз, насекомых до обезьян и человека) основывается, по существу, на одних и тех же принципах». Что это за принципы, из рассуждений автора понять трудно. Но он убежден, что «зоосоциальная психология поможет людям лучше познать самих себя, избавиться от суеверий и предрассудков — короче говоря, рационализировать человеческое общество». Да, это уже проекции в будущее. И вот опять же любопытная ситуация: больше всего сближает человека с животным, оказывается... агрессивность. «В разной степени и формах она характерна для всего животного мира».

Правда, в противоположность К. Лоренцу, Э. Уилсон не считает агрессивность неким слепым внутренним импульсом, требующим простого удовлетворения. Согласно его точке зрения, она вполне мотивирована, как, например, борьба за территорию. Очень многие виды животных ведут так называемые территориальные войны, «сражаются в соответствии с определенной тактикой, устраивают засады, окружения, внезапные атаки». Чувство облегчения появляется, когда узнаешь, что «на шкале агрессивности мы, люди, занимаем место где-то посередине. Мы менее агрессивны, чем гориллы, но более агрессивны, чем бабуины, шимпанзе и гиены».

Более подробно о социал-дарвинистских концепциях К. Лоренца и Р. Ардри см.: Холличер В. Человек и агрессия. М., 1975.

18

Кроме агрессивности, человека роднит с животными «стремление самца подчинить себе самку», моногамия, разделение труда (у термитов), биологические эмоции и т. д. Да и нашу мораль, по мнению Э. Уилсона, можно «определить как следование генетической программе». Словом, буквальное повторение дарвиновской концепции» но без его мудрого предостережения, без выпячивания на первый план агрессивности. Есть, правда, одно существенное новшество: человек «может и должен предвидеть и контролировать свое генетическое предназначение, т. е. прежде всего он должен установить контроль над экологией и экономикой на земном шаре, чтобы избежать вселенского хаоса и вымирания человека как вида». Таков неожиданный заключительный пассаж статьи Э. Уилсона, явно противоречащий всем его зоосоциальным аналогизированиям. Какова же в таком случае научная и жизненная ценность всех биологизаторских конструктов, если отвлечься от пропагандистских эффектов и сенсационности? Биологический редукционизм в наше время можно было бы отнести к разряду чистых заблуждений, если бы он не был прочно связан с мрачными проектами поклонников евгеники.

В этой ситуации само собой напрашивается сомнение в научной безупречности широко бытующего в нашей литературе тезиса о биосоциальной природе человека, мелькающих по страницам научных и популярных изданий рассуждений о развитии человеческих популяций, продолжающейся биологической эволюции человеческого рода и т. п.

Биологический редукционизм — не единственная альтернатива научной концепции социального движения. В последние десятилетия у него появился весьма серьезный конкурент — физический (информационно-кибернетический) редукционизм. Основной его тезис гласит: «не существует принципиальной разницы между живым «естественным» (точнее, естественно-социальным.— А. Б.) разумным существом и специально изготовленным искусственным устройством». Согласно этой формуле «к середине будущего столетия практически вся умственная и физическая деятельность человечества будет осуществляться кибернетическими устройствами. Процесс этот объявляется неодолимым. Отождествление социальных разумных существ с техническими устройствами (что, по существу, является возвратом к тезису механистов XVIII в.— человек-

19

машина — на электронно-кибернетическом пьедестале молчаливо предполагает отождествление социального уровня развития материи с высокоразвитой технической, машинной цивилизацией, т. е. одним из моментов его существования. Следующим этапом в конструировании физико-редукционной схемы является отождествление цивилизации с информацией, благодаря которому получается следующее «функциональное» понимание цивилизации на высшем уровне: «цивилизация — высокоустойчивое состояние вещества, способного собирать, абстрактно анализировать и использовать информацию для получения качественно новой информации об окружающем и самом себе, для самосовершенствования возможностей получения новой информации и для выработки сохраняющих реакций; цивилизация обособляется объемом накопленной информации,

программой функционирования и производством для реализации этих функций»¹⁴.

Словом, все ради информации — человек, его разум, история — все поглотили потоки информации, собираемой (а кто ее разбросал и где?) высокоустойчивым веществом (ну хотя бы существом!!) для ее же анализа и совершенствования. Хотя в этих массивах информации и мелькают самосохраняющиеся реакции, программа функционирования и производство, но они не выводят за пределы этого кибернетического абсолюта. Именно охота за кибернетическим абсолютом, по мнению автора, должна определять стратегию поиска внеземных цивилизаций. Именно информация, накопленная во Вселенной, поможет человечеству решить его жизненно-глобальные задачи, т. е. избежать возможности «уничтожения земной цивилизации в результате разрушительной войны или истощения природных ресурсов. Это произойдет неизбежно,— категорически заявляет автор,— если не будут предприняты меры для эффективного решения указанных проблем». Вот зачем нужна внеземная информация. И автор полон оптимизма в том, что организованная по его предписаниям «программа поиска внеземных цивилизаций может дать положительные результаты даже в течение ближайшего десятилетия и огромный объем информации, накопленный во Вселенной за миллиарды лет, станет доступным и для человечества»¹⁵.

¹⁴ Кардашев Н. С. О стратегии поиска внеземных цивилизаций.— *Вопр. философии*, 1977, № 12, с. 48.

¹⁵ Там же, с. 48, 54.

20

Таковы проекции в будущее дает физический-информационный редукционизм. Эти проекции, хотя и оптимистичней биологизаторских, но столь же фантастичны и шатки, ибо все они связываются с некими посторонними для социальной сущности человечества факторами его совершенствования (и предотвращения на этой основе грозящих ему бед). В доказательстве того, что у человечества есть реальная возможность самостоятельно решить стоящие перед ним глобальные задачи, заключен главный стимул всесторонней разработки проблемы «социального движения» на общефилософском уровне.

3.

Взаимосвязь понятий «движение», «развитие» и «взаимодействие»

Решение проблемы социальной формы движения предполагает не только раскрытие специфической сущности этой сверхсложной ступени эволюции природы (особенное) и определение ее места в этой цепи, но и обнаружение в социальном движении своеобразия проявления свойств, присущих любому виду движения и развития (общее). Между тем реализация такого подхода осложняется тем, что ряд общих вопросов философской теории движения в его связи с понятием развития не получили в нашей литературе всестороннего и общепринятого решения. Нет даже единого мнения о содержании этих фундаментальных понятий в их взаимоотношенности. В последнее время стал широко распространенным взгляд, согласно которому развитие — это частный случай движения и является не атрибутом материи, а одним из проявлений атрибута. «Развитие,— утверждает С. Т. Мелюхин,— не самостоятельный первый атрибут материи, а проявление ее движения и изменения»¹⁶.

Не отвергая формальной правильности такой трактовки вопроса (шире — уже), В. В. Орлов полагает, что точнее было бы считать: «движение есть сторона атрибута развития». Развитие, по его мнению, «хотя первоначально и кажется чем-то частным, а на самом деле выступает как

¹⁶ Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966, с. 257.

21

всеобъемлющий процесс, стороной которого является движение»".

Обе точки зрения, хотя и разными путями, приводят нас к трактовке социального движения как высшего типа развития от низшего к высшему. «В некоторых, особых условиях заключенная в природе тенденция к прогрессу превращается в действительность, и тогда происходит саморазвитие материи к высшим формам, порождение жизни и мыслящих существ»¹⁸.

Такой ход мысли не исключает понимания восхождения материи к жизни, в том числе и социальных форм как случайности «по отношению к целостной природе материального мира». По мнению же В. В. Орлова, развитие — это не частный случай движения, а фундаментальное свойство («способность» по его терминологии) материи. Он настаивает на том, что развитие от низшего к высшему, к социальной форме движения «должно быть признано фундаментальным и изначальным свойством (атрибутом) материи»¹⁹.

Видимо, споры по этому вопросу будут продолжаться, но на сегодня очевидным является то, что в рамках одних лишь категорий «общее — частное — особенное» окончательного решения получить нельзя, что необходим анализ соотношения понятий «движение — развитие — взаимодействие» и фиксируемых ими свойств материи с позиций всего категориального аппарата диалектического материализма. И в этом смысле В. В. Орлов прав, что развитие выступает сущностью движения как явления. Совершенно очевидным надо признать и то, что развитие невозможно понять в отрыве от движения как взаимодействия. Всякое движение есть взаимодействие образований (материальных и идеальных) между собой и окружающей их средой. Причем устойчивое, необходимое взаимодействие возможно не между любыми предметами, а только между однородно-различными образованиями и однородной им, но и различной средой. Взаимодействие однородно-тождественных или различных по сущности (природе) образований и столь же однородно-тождественной или существенно-различной среды исключается по той простой причине, что между ними невозможно ни притяжение, ни отталкивание.

¹⁷ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 88, 90.

¹⁸ Руткевич М. Н. Развитие, прогресс и законы диалектики.— Вопр. философии, 1965, № 8, с. 26.

¹⁹ Орлов В. В. Указ. соч., с. 94.

22

ние — эти изначальные (или основные, по Ф. Энгельсу) формы взаимодействия — движения.

Соотношение однородности и доступного ей разнообразия есть мера или граница устойчивости происходящих изменений в процессе данных взаимодействий. Устойчивый тип изменений означает преобразование неупорядоченного движения в упорядоченное, последнее же включается в цепь развития от низшего к высшему. Не исключено, что сам процесс упорядочения изменений осуществляется как преодоление сопротивления среды. Интенсификация развития, нарастание его темпов, вероятно, возможны при уплотнении соприкосновений различных устойчивых взаимодействий или резких изменений среды их протекания.

Соприкосновение, например, водных течений с устойчивыми участками суши дает толчок к ускорению геологических процессов, преобразованию и перемещению огромных масс твердой породы. Видимо, взаимодействие устойчивых воздушных течений и скоплений водных паров порождает устойчивый круговорот воды на планете. На перекрестках физических, химических и геологических преобразований вещества резко нарастает их интенсивность и создается возможность возникновения жизни как нового и могучего ускорителя всех предшествующих ей видов устойчивых изменений.

На гребне глобальных изменений климата, флоры и фауны (а возможно, и других условий биологического существования) произошла величайшая революция в космосе — биологическая форма движения материи раздвоилась, от нее отделился человек — носитель социального типа бытия живых существ, разумных, способных к

преобразованию, совершенствованию окружающей среды, существ устойчивой морфологической структуры. Появление социального движения резко увеличило темпы нарастания изменений.

Наука доказывает, что природа прошла путь от элементарных частиц до человека. При этом все материальные образования состоят из одного и того же вечного «строительного материала»(протон, электрон, нейтрон). А что же изменяется, что возникает, что уничтожается, а что сохраняется? При единстве материальности мира и фундаментальных законов его развития четко проявляется тенденция к нарастанию многообразия материальных образований, целостностей и усложнения способов их взаимодей-

23

ствий. Масштабы роста многообразия (в рамках известного однообразия) от микрочастиц до социальных явлений известны, поэтому не будем на них останавливаться.

Гораздо меньше внимания в исследовательских работах обращается на процесс усложнения способов взаимодействия и изменения на различных уровнях развития материи.

Среди способов взаимодействия (качественная определенность движения) следует выделить прежде всего непосредственное и опосредованное взаимодействие — изменение тел, дифференцирующее и интегрирующее, универсализирующее, индивидуальное и групповое, непрерывное и прерывное взаимодействие, постоянное и временное, ближнее и дальнее (взаимодействие частей тел, планет и центрального светила, галактик и т. д.), ускоряющееся и затухающее и т. д.

Остановимся на первых трех типах взаимодействия, имеющих принципиальное методологическое значение для понимания социального движения и развития.

Непосредственное взаимодействие — самый распространенный способ взаимодействия, связи материальных образований различных уровней сложности неживой и живой природы (микрочастиц, атомов, молекул, клеток, организмов, планет и т. д.). Хотя взаимодействия этих образований между собой и между ними и средой и опосредованы различного рода полями, но в силу их однородности с прочими материальными образованиями, в силу общности формы их движения и устойчивости структуры их роль во взаимодействии можно элиминировать. Главное для этого типа взаимодействия — это прямое участие в нем субстрата самих образований, полное или частичное их изменение-превращение (уничтожение-возникновение) в другие материальные образования. На уровне жизни непосредственное взаимодействие трансформируется во взаимодействие через органы — специализированные части организма. Наличие этих органов ведет к усложнению структуры организмов, дифференциации функций, ибо всякий орган — исполнитель какой-то определенной функции, а также и интеграции, органом которой выступает нервная система (цефализация). Обе тенденции эволюции жизни, т. е. дифференциация органов — функций и их интеграция, обобщение, создают реальные возможности возникновения нового типа взаимодействия, когда его непосредственное осуществление нере-

3В

ходит от органов существа к природным или Искусственно созданным предметам. Орудия — это продолжение, усиление органов организма; они-то и принимают на себя следствие взаимодействия — изменение, преобразование. Такие возможности реализуются как необходимость в ходе антропогенеза-формирования существ с универсальными органами. Так, рука — это орган, приспособленный к безгранично разнообразным действиям с предметами; мозг — орган, приспособленный к регулированию, контролю и управлению этими действиями посредством оперирования идеальными образами — заместителями этих действий и предметов, над которыми они осуществляются. Такая возможность реализуется, превращается в действительность в

процессе становления и утверждения *труда как нового типа взаимодействия* (обмена веществ) живых существ со средой опосредствованного орудийно-преобразующей деятельностью, взаимодействия человека с природой.

Фундаментальный, качественно новый шаг в эволюции природы состоял здесь в том, что произошло расчленение, раздвоение, отрыв субъекта взаимодействия от его непосредственного, материального органа и, собственно, от самого процесса взаимодействия, субъекта изменений и их непосредственного материального носителя, регулирующего эти изменения. Нельзя упускать из виду и своеобразие этого расчленения. Оно состоит в его относительности, не исключающей возможности субстанционального единства, даже известной целостности самого взаимодействия. Источник этой диалектики (расчлененность, единство, целостность) заключен в единстве, целостности самого субъекта. Ведь он тоже подвергается изменениям в процессе взаимодействия, но не структурно-морфологическим, необратимым, а функциональным, формирующим способности, цели, потребности субъекта. Да, это действительная революция в способах развития природы, формах функционирования, изменения и сохранения материальных образований, формах их организации, бытия, скоростях и темпах движения.

Расчленение субъекта взаимодействия, отделение его непосредственного органа от самого процесса, субъекта изменений — от их материального носителя внесло существенное преобразование в соотношение дифференциации, специализации и универсализации, интеграции в эволюции способов взаимодействия материальных образований.

25

Можно предположить, что на уровне неорганической природы, с негибкостью ее структур господствующим способом взаимодействия предметов друг с другом и окружающей средой выступает дифференциация, строгая специализация одних видов материальных образований на одни-единственные взаимодействия-изменения. Вероятно, лишь на уровне органических соединений начинает зарождаться возможность соотношения тех и других типов взаимодействий в пределах однородных образований. «Можно утверждать, что даже не столь сложные органические молекулы представляют собою уникальное средоточие противоположных свойств и определений, воплощенное противоречие», — пишет Ю. А. Жданов. Представив строение молекулы аланина с ее кислотной и основной группами соединенными вместе, Ю. А. Жданов продолжает: «За счет этих групп молекула аланина обладает бифункциональной способностью образовывать разными путями две амидные связи и включаться в молекулу белка. В мире неорганических молекул трудно найти пример такой бифункциональности»²⁰. Но это всего лишь зародыш того фундаментального свойства, которое затем развивается в противоречивое единство дифференциации функций и органов живого организма и сопутствующей интеграции их посредством нервной системы различных уровней, функции отражения и координации в живых существах и закрепления их в филогенезе.

Вся история жизни на Земле, от простейших ее форм до высших приматов, со всеми ее тупиками и зигзагами характеризуется прежде всего совершенствованием способов взаимодействия живых существ со средой, совершенствованием механизма обменных процессов на основе дифференциации, специализации органов и функций и универсализации отдельного существа вплоть до становления человека²¹. Появление человека знаменует возникновение принципиально нового типа соотношения специализации и универсализации взаимодействия живых существ со средой их обитания на основе искусственно создаваемых

²⁰ Жданов Ю. А. Исторический метод в химии.— Вопр. философии, 1977, № 10, с. 137.

²¹ Упреждая возможные упреки в «органоцентризме» замечу, что взаимодействие организмов с окружающей средой посредством специализированных органов не отменяет полностью и предшествующих ему способов. Но последние теряют значение источника

самодвижения, развития, сохраняясь в качестве элементов системы функционирования организма.

26

человеком образований, опосредствующих обменные процессы. «Обмен веществ между людьми и природой происходит не прямо и непосредственно, а через посредство сил производства. Между человеком и природой вырастает целый ряд опосредствующих звеньев, целый мир новых отношений (вся социальная действительность), которая не встречается нигде в мире зоологическом»^{2а}. Все сказанное ранее является ядром диалектико-материалистической концепции возникновения социального движения материи и ее развития как реализации возможности безграничного совершенствования специализации и универсализации искусственных образований и самого человека, его способностей, целей и потребностей.

В исследовании сущности социального движения и развития методологически не менее важно также и правильное представление о соотношении индивидуального и группового, ансамблевого способов взаимодействия материальных образований, о их месте в эволюции форм бытия. Формирование научных критериев различения этих способов взаимодействия крайне сложно; ведь различие индивидуальности и группы (системы) не абсолютно. И все же оно хотя и относительно, но реально объективно. Групповым можно считать такой способ взаимодействия, при котором участвующие в нем однородные образования сохраняют свою индивидуальность, не изменяют коренным образом своих существенных свойств.

В этом смысле вряд ли можно говорить о групповом взаимодействии микрочастиц, так как микрочастица, входящая в какую-либо группу (систему), динамически не идентична такой же частице, но свободной или входящей в группу (систему) другого типа. Например, свободный атом существенно отличается от атома, входящего в состав молекулы или кристалла²³. Видимо, имеет смысл говорить о соотношении индивидуального и группового взаимодействия на уровне макрообразований (агрегатные состояния вещества, планеты, планетные системы и другие космические тела, геологические образования, организмы, популяции, виды, социальные общности). И, видимо, необходимо выделять качественно различные уровни в пределах этого типа взаимодействия, особенно там, где существует

Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления.

Тбилиси, 1973, с. 33.

См.: *Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 432.*

27

кажимость единства, например в биологическом и социальном движении.

Пока речь не идет о необходимости создания планетарной или галактической социологии, как и физической, химической или геологической, а вот зоосоциология и даже зоосоциальная психология уже созданы как научные дисциплины (предлагают, правда, создать еще и биосоциологию). Существуют же какие-то причины довольно устойчивой тенденции обнаруживать в биологических сообществах то, чего там нет — социальные способы взаимодействия.

Тщательно исследуются муравейники, термитники, пчелиные улья, стада животных (хищников и травоядных), конечно обезьян и т. д. Если есть сообщество одного вида существ и имеются между ними какие-либо связи, порождающие совместные действия, значит и можно говорить об общественности в прямом значении термина. Отрицать реальность группового способа взаимодействия и действия у животных невозможно. Но столь же невозможно видеть там и социальный способ группового взаимодействия, даже в зародыше. Разделение деятельности (специализация) органов и даже организмов) у пчел и муравьев, стадные миграции у саранчи и леммингов, совместные перелеты птиц, групповая охота у гиен или волков, стадная жизнь обезьян и тому подобные явления совокупных взаимодействий совершенно и целиком входят в

разряд *биологического типа взаимодействия*. Будут ли это сверхорганизмы жесткой, устойчивой структуры типа «муравейник-улей», когда особь гибнет вне их пределов, или группы более гибкой, подвижной-структуры типа «стадо травоядных или обезьян», когда особь относительно автономна в осуществлении ряда важнейших функций своей жизнедеятельности, вся их совокупная деятельность и ее результаты есть лишь способ выживания, самосохранения по законам биологии. Какого-либо другого объективного эффекта их групповые взаимодействия не порождают. Ч["!"]тя

Подлинно""коллективное взаимодействие человека со средой осуществляется по совершенно иным, не биологическим, а социальным законам. В процессе своей жизнедеятельности субъект порождает новый тип объективных процессов, создает новую, неприродную реальность^ в качестве надстройки — реальность субъективную. Вот почему коллективное взаимодействие человека с природой является качественно иным по отношению решительно ко

28

всем способам индивидуальных и групповых взаимодействий на досоциальном уровне.

Таким образом, для установления более или менее четких границ, качественной определенности движения фундаментальное значение имеет характер изменений, результирующая часть взаимодействия. Конечно, суждение «движение-изменение вообще» по объему шире высказывания «изменение как результат взаимодействия». Но они органично связаны, одно предполагает другое. Известно, что в мышлении длительное время отождествляли «изменение вообще» с изменением положения тел в пространстве, хотя даже чувственному созерцанию доступны многообразные изменения. В настоящее же время мы говорим об изменениях количественных и качественных определенностей предмета, внутренних и внешних изменениях, структурных и функциональных. Более того, понятие «изменение» охватывает и такие явления, как возникновение и уничтожение, раздвоение и соединение, изменения обратимые (агрегатные состояния вещества) и необратимые (периоды жизни), устойчивые, повторяющиеся и неповторяющиеся, циклические и беспорядочные, действительные и мнимые, предвидимые и неожиданные, случайные и необходимые, объективные и субъективные и т. д. Причем богатство содержания понятия «изменение» исторично; в нем фиксируется нарастание многообразия изменений в ходе эволюции материи от простейших форм движения (притяжение и отталкивание микрочастиц) до социального движения как самого богатого многообразием проявлений. Ту же тенденцию можно обнаружить и в нарастании сложности такой компоненты движения и развития, как источник, импульс, побудитель и движущая сила (имманентные и внешние — механические, по определению Канта,— саморегулируемые и регулируемые извне, вечные и преходящие, восполнимые и невосполнимые, энергетические и информационные и т. д.).

Относительно дифференциации таких элементов движения, как «материальный носитель» и «среда, поле движения», которые в известном смысле совпадают с функциями сохранения и развития, следует заметить, что ее можно произвести без особых затруднений в рамках общепринятых понятий «основные формы движения материи» и «уровни организации материи» (неживая, живая и социальная).

Приведенные выше соображения⁵показывают, сколь велики возможности общефилософского рассмотрения лю-

29

бого вида движения с позиций диалектического материализма, особенно такого его вида, как социальное движение. Естественно, подобное исследование осуществимо лишь на уровне теоретического познания, т. е. при подходе к любому движению как целостной развивающейся совокупности (системе) взаимодействия определенных материальных образований, сочетающем генетический и функционально-структурный, исторический и логический методы познания.

На эмпирическом уровне познания эта цель недостижима, поскольку для него характерны односторонность, неполнота, неумение воспроизвести логику развития предмета как целостного образования²¹. Применительно к нашему предмету исследования односторонность эмпирического познания особенно очевидна. Эмпирик может четко фиксировать движение населения, изменения в технологии, потоки товаров, исследовать динамику потребительских запросов, колебания общественного мнения, изменения умонастроений и ценностных ориентации, идей и даже теорий, более того — даже улавливать некоторые действительные тенденции реальных процессов, происходящих в том или ином социальном организме, но он не способен видеть, исследовать социального движения в его целостности.

В самом деле. В действительной текущей жизни люди отчасти чувственно воспринимают, а отчасти сознают, что вокруг них протекают механические, физические, химические, биологические процессы, совершаются экономические, юридические, политические, моральные, художественные и многие другие явления, изменения, динамика которых постоянно нарастает. Но понять, *что* в этом стремительном потоке представляет именно социальное движение, а *что* таковым не является, не под силу не только массовому носителю этого движения, но и не всякому специалисту-социологу.

Эмпирическое исследование нетождественно эмпиризму, т. е. ориентации в познании на опыт, чувственные данные. Эмпирик, на наш взгляд, может оперировать и абстракциями самого высокого уровня вплоть до философских, но поступать с ними, как с данными опыта, как с первичным, требующим предварительной обработки материалом, по собственному усмотрению его систематизируя. Эмпирик или игнорирует, или не владеет, сознательно не применяет в своем исследовании диалектику как логику и методологию познания.

Глава вторая

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

1.

Биологическая и социальная формы движения. Труд

Соотношение биологического и социального способов бытия и развития материи и ее форм является центральным вопросом не только в области антропосоциогенеза, но и в теории социального движения. Откройте любую книгу по этой проблематике, чтобы в этом убедиться.

Так, например, первая часть книги С. С. Батенина «Человек в его истории» озаглавлена: «Взаимодействие социального и биологического в историческом развитии человека», а заключительный ее параграф назван «Биологическая культура общества». Далее, третья глава («Соотношение биологического и социального в человеке (обществе)») книги В. В. Орлова «Материя, развитие, человек» состоит из параграфов: «Природа человеческой биологии»; «Соотношение биологического и социального»; «Биология и социальный прогресс». Можно в достаточном количестве привести и другие примеры.

Совершенно ясно, что проблема соотношения биологического и социального в человеке не только реальная, но и фундаментальная для понимания происхождения и сущности социальной формы движения. Известный противник биологизации сущности человека Б. Ф. Поршнев сформулировал такую антиномию: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического»¹.

Большинство специалистов (антропологов, археологов, историков, философов), занимающихся происхождением человека, стремятся вывести одно из другого, разграничить эти качественно различные уровни движения материи

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974, с. 17.

с помощью понятия «Труд». Правда, одностороннее техническое понимание трудового взаимодействия человека с природой, самого процесса изготовления орудий

труда вызывает порой возражения, даже порождает нетрудовые концепции антропогенеза. Так, например, Б. Ф. Поршнев пишет: «Свойства человека не выведешь из свойств животного путем возведения чего-то в степень. Что же из того, если какое-то животное не только «изготавливает орудия», но «изготавливает орудия для изготовления орудий»? Мы не перешагнем, на самом деле, никакой грани, если мысленно будем возводить то же самое в какую угодно степень: изготовление орудий для изготовления орудий для изготовления ими орудий и т. д.»². Конечно, если видеть в труде сугубо автоматически технологический процесс, то никаких человеческих свойств из него не выведешь и придется обратиться к речевому общению — второй сигнальной системе как главной движущей силе антропогенеза, т. е., по существу, к одному из важнейших его результатов.

В связи с этим возникает острая необходимость рассмотреть труд с более широкой, а не узкотехнической точки зрения.

Уже в творчестве Н. Г. Чернышевского труд представляется «коренною формою движения, дающею основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью; они без предшествующего труда не имеют реальности»³. С одной технологией, возведенной «в любую степень», тут делать нечего. Отнюдь не автоматически технологический аспект труда имел в виду К. Маркс, когда утверждал: «Для социалистического человека *вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека»⁴. «Всемирная история» — это историко-социологический термин, служащий для обозначения социального движения в его становлении и развитии. «Всемирная история» рассматривается К. Марксом в тесной связи с человеческим трудом как главным ее двигателем и результатом. Труд является не только решающим фак-

² Поршнев В. Ф. О начале человеческой истории. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 88.

³ Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. М., 1939, т. XI, с. 120.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 42, с. 126. Правда, у К. Маркса есть высказывание о возможности напряжения человека в труде «как определенным образом выдрессированной силы природы». См.: Там же, т. 46, ч. 2, с. 110.

32

тором антропогенеза, но и главной движущей силой истории и, естественно, объективным источником всех существенных особенностей социального развития, в том числе мышления и языка.

Воспроизведем принципиальные положения К. Маркса и Ф. Энгельса о труде как решающем факторе становления и бытия человека и общества. Труд, производство основоположники марксизма рассматривают в качестве родовой жизнедеятельности человека. Труд, утверждает К. Маркс, «есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна... человеческая жизнь»⁵. Общим свойством всякого труда является то, что он представляет «собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д.»^б и в этом смысле представляет динамическое воплощение единства физических и духовных усилий, совместное применение различных способностей и навыков человека.

Труд в той форме, в которой он составляет исключительное достояние человека, есть «прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою

собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»⁷.

Из сказанного следует, что труд как объективный процесс взаимодействия человека с природой, обмена веществ между ними характеризуется регулируемостью и контролируемостью осуществляющегося процесса и происходящих в его ходе изменений природы и самого человека. Само собой понятно, что по всем этим позициям социально-человеческое взаимодействие качественно отлично от биологически-животного взаимодействия с природой, харак-

⁵ Там же, т. 23, с. 51.

⁶ Там же, с. 53.

⁷ Там же, с. 188—189.

2 А. П. Велик

33

теризующегося непосредственностью, стихийностью. В трактовке этого отличия принципиальное методологическое значение имеет сравнительный анализ труда — этой родовой жизнедеятельности человека — и жизнедеятельности животного по линии изменений, вносимых тем и другим в природу и стимулов их деятельности. Согласно К. Марксу, человек — это существо объективно-предметное, утверждающее себя посредством предметной деятельности, созданием нового предметного мира путем переработки, изменения окружающего мира. В этом состоит его родовая сущность, специфика, содержание его жизнедеятельности как в материальном, так и духовном производстве. Однако и все другие виды живых существ изменяют и природу, и самих себя, активно действуют, утверждают свою сущность, тоже «производят». Но животное «производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить и по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку: в силу этого человек строит также по законам красоты»⁸. Так писал К. Маркс о фундаментальных отличиях животного-биологического и социально-человеческого взаимодействия с природой в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Данный аспект проблемы рассматривает К. Маркс и в «Капитале».

Приведем соответствующее место полностью. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в сво-

⁸ Там же, т. 42, с. 93—94.

34

ей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как

игрой физических и интеллектуальных сил»⁹. Рассуждение о субъективно-психологическом содержании труда К. Маркс завершает указанием на его объективную структуру: «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»¹⁰. Здесь еще раз выделяется, но только уже структурно опосредствованность труда как сугубо человеческого способа взаимодействия с предметной средой. В том же, первом, томе «Капитала» Маркс обращает внимание еще на одно фундаментальнейшее отличие труда от чисто потребительской деятельности животных. «Живому труду по самой его природе присуща способность, создавая новую стоимость, сохранять старую»¹¹. Чтобы подчеркнуть всеобщность этого свойства труда, наличие ее во всех исторических его формах, Маркс повторяет: «Эта естественная способность труда представляется как способность самосохранения, присущая капиталу»¹². В действительности, по существу дела, это свойство не капитала, а труда.

Состоит эта способность труда, на наш взгляд, в том, что в процессе и результате создания новых предметов сохраняется не только вещество природы, хотя и в измененной форме, но и сущность, способности, творческие силы самого человека, более того, единичные, индивидуальные достижения могут стать всеобщим достоянием не только в пространстве, но и во времени существования челове-

⁹ Там же, т. 23, с. 189.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 620.

¹² Там же, с. 621.

2*

35

чества. Труд, таким образом, выступает не только самоохраняющимся, но и высокими темпами самовозрастающим явлением.

Итак, сравнительный анализ взаимодействия со средой животных и человека позволил К. Марксу открыть существенные особенности человеческого труда как объективного процесса изменения природной предметности.

Первая из этих особенностей состоит в универсальности вносимых человеком в природу изменений, которая предполагает возможность воспроизведения всей природы, всех предшествующих социальному видов движения.

Второй особенностью является опосредованность орудийно-трудовой деятельностью взаимодействия между человеком и природой, регулируемость и контролируемость изменений природы и самого человека, его способностей, потребностей, целей.

Следующей, третьей, фундаментальной особенностью труда является сознательность его целеполагания, которая обеспечивает превращение возможности регулирования и контроля в действительность. С целеполаганием труда как универсального способа взаимодействия человека с природой органически связана способность человека творить, производить по меркам любого вида, всюду, в любой деятельности прилагать к предмету присущую ему меру, производить «по законам красоты».

Отсюда вытекает четвертая фундаментальная особенность труда, заключающаяся в органическом сочетании в нем предметно-материальной объективной деятельности, оперирования реальными вещами с деятельностью идеально-предметной, субъективной — оперированием представлениями, понятиями и т. д. В последнем как раз и коренится реальная возможность раздвоения, разделения труда на физический и духовный, умственный труд в различных исторических модификациях, возможность выделения производства материального и духовного, в процессе которого происходит материальное и идеальное воспроизведение природы, так сказать, ее удвоение и даже утроение (за счет системы производительных сил общества).

Далее, принимая во внимание то, что человек свободно противостоит создаваемому им предмету и в отличие от животного физически может быть с ним не связан как с объективным явлением, возникают новые, социально-экономические способы соединения людей с ими же созданным предметным миром, опосредованные человеческими от-

36

ношениями, прежде всего отношениями собственности, образующими ядро всей совокупности производственно-экономических отношений. Они-то и представляют собой объективную основу формирования социальных организмов (общностей людей различного формационного уровня), что не исключает относительной автономности индивидов, личностей. На этой основе происходит реальное раздвоение человеческой жизнедеятельности на общественную и индивидуально-личную, которое приобретает самые различные исторические формы проявления вплоть до антагонистических. Это — пятая фундаментальная особенность общественного производства, труда как сущности социального движения.

Революция, совершенная трудом в соотношении потребностей и деятельности, т. е. наличная способность человека производить, творить, даже будучи свободным от давления физической индивидуальной потребности, (в чем и состоит истинно-человеческое, бескорыстное производство, творчество), в условиях свободного противостояния человека создаваемому им продукту, порождает реальную возможность многовариантности соотношения производства и потребления, в том числе и насильственного отчуждения продуктов деятельности, труда и отдыха и т. п. На этой основе возникают различные системы регулирования этих процессов, что и можно признать шестой фундаментальной особенностью труда.

Благодаря тому что человек способен действовать сознательно, осознавать будущие результаты своей деятельности, саму деятельность, различать объективную деятельность и деятельность сознания, он приобретает способность к самосознанию. «Животное,— пишет К. Маркс,— не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность—сознательная... Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности». Только благодаря возникновению способности целеполагания, умению сопоставлять цели и результаты своих действий человек становится родовым существом (сознающим свою родовую сущность, принадлежность к сообществу себе подобных). Человек удваивает себя не только интеллектуально, в сознании, «но и реально, деятельно и созерцает самого себя в создан-

37

ном им мире»¹³. Из сказанного можно заключить что седьмой фундаментальной особенностью человеческой жизнедеятельности является необходимое ее раздвоение на объективную и субъективную реальности, общественное бытие и общественное сознание, а не только на материальное и духовное производство.

И последней, восьмой особенностью человеческого труда следует признать его способность к самосохранению и расширенному, ускоряющемуся самовоспроизводству.

Даже на основе самой общей формулировки основных фундаментальных особенностей социального движения, непосредственно обусловленных трудовым взаимодействием человека с природой, видно, что социальная форма движения по всем выделенным позициям качественно отличается от биологической, хотя и функционирует как жизнедеятельность живых существ. И причиной всему стал труд.

Поэтому прежде чем непосредственно приступить к раскрытию фундаментальных особенностей социального движения, необходимо, хотя бы в самом общем виде, рассмотреть вопрос о происхождении, становлении труда¹⁴ и действительном соотношении биологического и социального в человеке, ибо это, по существу,— один и

тот же вопрос, но данный в различных формулировках. В строгом смысле слова становление труда как универсальной, сознательно-целесообразной орудийной деятельности и есть содержание теории антропосоциогенеза. Заметим, что вопрос этот не только чисто теоретический, но и практический, к тому же весьма актуальный. Он теснейшим образом связан с онтогенезом человека, с формированием личности.

Однако вернемся к сформулированной ранее антиномии: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести как из биологического». Как понять вторую часть антиномии применительно к труду: или в том смысле, что он является прямым продолжением, совершенствованием биологических способов взаимодействия со средой, или так, что он возникает в недрах биоло-

¹³ Там же, т. 42, с. 93, 94.

¹⁴ Г. С. Гургенидзе относит историю «становления труда» к «самым перспективным» направлениям исследований в области теории материалистической диалектики. См.: *Гургенидзе Г. С. Теория материалистической диалектики: актуальные проблемы, пути разработки.* — *Вопр. философии*, 1975. № 4, с. 97.

38

гического уровня движения, но в процессе преодоления, отрицания биологических способов взаимодействия? И то и другое можно понимать как выведение труда из биологического способа взаимодействия со средой. Суть дела состоит именно в том, что первым путем невозможно вывести труда, как противоположного биологическому типу деятельности. Более того, процесс возникновения труда невозможно ни понять, ни правильно выразить при помощи понятий биологии или физиологии. Между тем в нашей литературе сравнительно часто используются понятия «инстинктивный труд», «рефлекторный труд», «животнообразный труд» и т. п.

Правда, в «Капитале» К. Маркса тоже речь идет о «первых животнообразных инстинктивных» формах труда. Но эти термины следует воспринимать не столько как понятия, сколько как образные выражения, подчеркивающие качественное отличие человеческой трудовой деятельности от внешне напоминающей ее действительно инстинктивной деятельности животных (строительство ячеек сот, муравейников, гнезд, ткань паутины и т. д.). Труд как орудийная деятельность с самого начала, в наиболее примитивных и совершенно случайных его формах представляет собой отрицание, преодоление, торможение или замену инстинкта как особого, специфически биологического способа взаимодействия живого организма со средой. Инстинктом современная наука признает «наследственное, в самом строении организма закрепленное отношение к определенным объектам внешней среды... то, что в силу определенного строения организма представляет тип жизни во внешней среде»¹⁶, причем этот тип жизни жестко, наследственно связан с биологическим механизмом специфического отношения к внешней среде.

Труд же с самого начала означает вклинивание между живым существом, его органами и средой, опосредствующего его отношения предмета, с помощью которого и осуществляется сам процесс взаимодействия. Поэтому пчелы и муравьи, пауки и осы, птицы и бобры и прочие животные к ТРУДУ в самой даже примитивной его форме никакого отношения не имеют. Вся их жизнедеятельность — и роевая и индивидуальная — инстинктивно-наследственная, а соз-

Гальперин П. Я. К проблеме биологического в психическом развитии человека. — В кн.: *Соотношение биологического и социального в человеке.* М., 1975, с. 260.

30

Даваемые ими посредством органов сооружения являются типичными биологическими образованиями.

Тезис о труде как перерыве биологической, непосредственной связи, клине, вгоняемом между средой и биологическими органами, не исключает возможности возникновения труда, особенно его предпосылок, с биологическими формами

взаимодействия. Но эти возможности возникают не на основе инстинктивных способов жизнедеятельности. Правда, результативная часть даже инстинктивно-наследственной деятельности причастна к подготовке условий возникновения труда по линии интеграции и дифференциации функций и органов. При этом имеется в виду то, что не вся жизнедеятельность животных, точнее, не все в ней инстинктивно-наследственно; особенно заметна изменчивость, разновариантность в поведении животных, ее зависимость от индивидуального опыта, научения, привыкания, подражания и т. п. Изменение поведения животных имеет важное приспособительное значение. Поэтому в ходе прогрессивной эволюции позвоночных инстинктивно-наследственные формы поведения «все больше и больше вытесняются формами, основанными на индивидуальном научении»¹⁶. Сюда прежде всего относится «исследовательская» активность. «Большинство животных,— пишут К. Вилли и В. Датье,— проводит довольно много времени, исследуя новые ситуации и новые окружающие условия. Таким путем они «осваиваются» в окружающем мире, с тем чтобы использовать полученные сведения в будущем... Высшей формой научения считается научение в результате так называемого *инсайта* (усмотрения сути, «понимания»). Эту форму определяют как способность объединения двух или большего числа элементов прошлого опыта в новое целое, позволяющее достичь желаемой цели»¹⁷.

Так возникает способность научиться решать задачи путем «обходного» маневра (своеобразный предвестник опосредствования). Вполне логично поэтому предположить, что некоторые из высших животных не по инстинкту, а по инсайту, длительным путем проб и ошибок добиваются в конце концов «обходным» маневром решения той задачи (вообще-то вытекающей из инстинктивного способа жизнедеятельности), которая не поддается лобо-

¹⁶ Вилли К., Датье В. Биология. М., 1975, с. 642.

¹⁷ Там же, с. 645.

40

вому, предусмотренному наследственностью способу решения. Благодаря именно последнему образу действия и оказываются хвойная игла или тонкая веточка в клюве птицы-насекомоеда, камень у хищника, который лакомится страусовыми яйцами, в силу этого же механизма появляются палки и камни в передних конечностях обезьян. Все это действительные примеры трудообразной, но не инстинктивно-биологической деятельности животных. Животные порой действуют явно не соответствующим их биологической природе способом. Это уже парадокс. Он заостряется еще и тем обстоятельством, что ни один из животных видов не сделал трудообразную деятельность типичной, необходимой; нет для ее закрепления, сохранения адекватных биологических механизмов. Парадокс этот разрешается лишь на уровне социальной формы движения, характеризующейся трудовым способом взаимодействия индивида со средой.

Собственно человеческий, трудовой способ взаимодействия субъекта с природой во всей его конкретной универсальности отделяет от первых абстрактных намеков на реальную возможность отличного от биологического способа огромный, в миллионы лет период его становления на уровне гоминид — существ, переходных от животных к человеку.

Этот период до сих пор является предметом острых дискуссий. Большинство археологов, часть антропологов включают его в историю человека и деятельность австралопитеков, питекантропов, синантропов и неандертальцев расценивают в качестве трудовой, социальной. Противоположная позиция, наиболее последовательно изложенная в работах Б. Ф. Поршнева, отрицает сколько-нибудь значительную их роль в становлении труда. «„Орудия“ труда в нижнем и среднем палеолите были чисто природными новообразованиями,— пишет Б. Ф. Поршнева,— средствами разделки останков крупных животных и абсолютно ничем более. Для объяснения всего этого вполне достаточно биологических понятий»¹⁸. А орудия палеантропов, их камни «все более приспособлены

для резания и разделки мяса животных, поверхностно уже поврежденных хищниками»¹⁹. Иначе говоря, троглодитиды (даже с огнем) не выходили за рамки биологического бытия, хотя «и при,-

¹⁸ Поршнев В. Ф. Указ. соч., с. 110.

¹⁹ Там же, с. 112.

41

нуждены были оббивать камни камнями»²⁰. Согласно автору, решающую роль в возникновении человека, его труда сыграла речь, вторая сигнальная система.

Однако в начале было все же не слово, а дело, труд — пусть и не во всей своей конкретности и универсальности. Труд, как и все в мире, имеет свою историю, которую ни описать, ни понять в биологических терминах невозможно. Лишь понятия и категории диалектического материализма являются адекватным теоретическим инструментом для воспроизведения процесса становления труда, и в частности категории необходимости и случайности, возможности и действительности, конкретности и абстрактности, единичности и всеобщности, специализации и универсализации (а также движения, изменения, взаимодействия), а не питание, пробивание «шкур и кожи», рассекание связок, резание и разделка мяса животных и другие технические и биологические термины.

Мы глубоко убеждены в том, что анализ, данный К. Марксом, происхождения стоимости, движения ее форм от простой, единичной или случайной через полную или развернутую к всеобщей (и денежной) может явиться методологическим ориентиром научного исследования процесса становления труда. Хотя «стоимость», «форма стоимости» и не являются общесоциологическими, философскими понятиями, но фиксируемое ими движение объективной реальности все же однотипно происхождению труда, этого источника стоимости.

В структуре обоих названных процессов имеется нечто общее: движение от единичности, случайности к необходимости, всеобщности, а не от инстинктивности к сознательности. При описании всякого развивающегося предмета первостепенное методологическое значение имеет расчленение его на содержательные дифференцированные отрезки (периоды), выбор объективного основания этой познавательной операции. В нашей философской литературе периодизация становления труда производится по характеру его орудий, опосредствующего звена взаимодействия между субъектом и средой, который детерминирует и характер взаимодействия, трудовой деятельности.

Как правило, выделяются три этапа: «Первый, исходный, этап развития орудийной деятельности отличается обработкой материала естественными орудиями, т. е. ор-

²⁰ Там же, с. 113.

42

ганами тела животного предка человека... Второй этап характеризуется изготовлением орудий при помощи необработанных предварительно предметов природы... Третий этап характеризуется изготовлением орудий для изготовления орудий труда. Это уже производство в собственном смысле слова — этап развитой человеческой трудовой деятельности»²¹. Конечно, при отсутствии других и такая периодизация приемлема (за исключением первого периода), если не абсолютизировать ее эмпирической односторонности и учитывать возможность различных интерпретаций, например технологически-морфологической. И все же эта периодизация недостаточна — необходима иная, основанная на сущности, а не на явлениях. В периодизации такого рода должны приниматься во внимание по крайней мере следующие позиции: удельный вес труда в целостной жизнедеятельности субъекта; происхождение и субстратно-функциональный характер орудий-посредников, уровень их специализации-универсализации; соотношение стихийности и сознательности, участия в труде физических и духовных сил субъекта, раздельности и совместности в их использовании и

соотношение труда и характера производимых им изменений в субъекте и объекте взаимодействия; способ передачи другим трудовых навыков (научение) и самосохранения труда, объективации накопленного опыта. А если учесть и те позиции, которые характеризуют труд как движение, изменение, взаимодействие, развитие вообще, то станет очевидным огромный эвристический потенциал подхода к труду с общефилософских, диалектико-материалистических позиций, применения к его исследованию общефилософского категориального аппарата.

Какую из вышеназванных позиций ни взять, в ней фиксируется какая-либо существенная особенность труда в его целостности и развитии. Обратимся, например, к соотношению труда и характера производимых им изменений в субъекте и объекте взаимодействия, напоминающее диалектику относительной и эквивалентной форм стоимости. Труд как активное начало выражен здесь прежде всего со стороны орудия-посредника; изменения, их характер (пассивная его сторона, его следствие) в объекте и субъекте непосредственно обусловлены типом орудия и способом его применения. Важны здесь не просто материал или

²¹ Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976, с. 51—52.

43

форма орудия, а его функциональная определенность (аналитическая, синтетическая или смешанная), степень специализированности и универсальности. В самом деле, одни и те же изменения в предмете (операционная сторона ТРУДА) можно вызвать различными орудиями и, наоборот, одним и тем же орудием произвести различные операции. А это, в свою очередь, определяет и характер тех изменений, которые труд может произвести в субъекте, трансформировав его способности, навыки, умения, уровень мастерства. Орудия аморфные, низкоспециализированные и грубоаналитические весьма малоэффективны в их отношении к субъекту, и, наоборот, орудия устойчивой формы, высокой специализации, особенно орудия синтетического профиля и специальные, весьма эффективны в плане производимых изменений в субъекте. Здесь нет надобности раскрывать содержание каждой позиции. Отметим лишь, что предлагаемая ниже периодизация становления труда основывается не на одной из них, а на всей их совокупности, на их комплексе.

Итак, на основании вышеизложенного множества критериев можно выделить (сугубо ориентировочно, предварительно) следующие уровни становления труда как орудийно-опосредствованной деятельности.

1. Труд как единично-случайная, стихийная деятельность, возникающая под давлением естественного отбора.
2. Труд как абстрактно-необходимая, приспособительно-целесообразная деятельность гоминид.
3. Труд как всеобщая, конкретно-необходимая, сознательно-целесообразная человеческая деятельность.

Как явствует из определения, первый уровень глубоко связан с биологической формой движения и представляет собой первые, чисто случайные попытки выйти за ее рамки при помощи более или менее готовых предметов природы, используемых в качестве орудий-посредников. Путем многочисленных проб и ошибок, а также инсайта высшие животные, обезьяны, и особенно австралопитеки, применяют палки, камни, кости и подобные им природные предметы, «стремясь» повесить свои шансы на выживаемость. Однако как и орудия, так и деятельность при их посредстве носят здесь стихийный характер, как-то: сбивание плодов, разбивание костей, защита от нападения или средство нападения и даже драки. Быстрая изнашиваемость подобных орудий, их случайность, аморфность вряд ли способны породить осознанно-субъективное отношение к ним испол-

44

нителя деятельности, развить его способности. И все-таки усложняющаяся «и не имевшая прямого биологического значения» деятельность австралопитеков по розыску,

запасанию и *подправке естественных орудий*)²² (курсив наш.— А. Б.) была тем достижением, которое толкало эволюцию труда дальше, к изготовлению орудия как важного средства совершенствования морфологической структуры го-минид, их рук, прямохождения, мозга и их психики.

Переходя к общей характеристике второго уровня трудовой деятельности, необходимо заметить, что не существует полного соответствия уровней, прежде всего второго и третьего, определенным историческим эпохам. Дело в том, что не только в дошельской, шельской, но и в мусть-ерской и даже верхнепалеолитические эпохи применяли наряду с искусственными и естественные орудия. Более того. Даже вполне цивилизованные люди не столь редко прибегают к дубинам и камням как орудиям, если под рукой не оказывается более подходящих (вспомним скульптуру Шадра «Булыжник — оружие пролетариата»). И это вполне естественно. Подобные орудия уже в эпоху австралопитеков теряли статус чисто природных образований, включались в совершенно чуждые их природе новые связи, *приобретали новые функции*, т. е. почти не меняя своей природной формы, превращались в качественно иные образования. Подобные метаморфозы — не редкость на путях становления и дальнейшего развития труда, социального движения вообще.

Самым важным для второго уровня развития труда (что и зафиксировано в определении) является переход его от случайно-единичных форм к формам необходимости²⁸. Постепенная замена органов в качестве инструментов подправки естественно-природных орудий природными же предметами по необходимости приводила к вытеснению естественных орудий искусственно созданными. Сбрасывание трудом с себя случайной формы вело ко все более

²² Гурьев Д. В. Становление общественного производства. М., 1973, с. 129.

²³ Хотя согласно диалектике случайность есть форма проявления и дополнения необходимости, нов социальном развитии, а может быть, и в предшествующих формах не исключена возможность функционирования необходимости в адекватных ей, необходимых формах. Вообще нам представляется реально возможной тенденция движения общественных форм к необходимости и переход случайности в сферу содержания, функционирования как более подвижный аспект явлений.

45

Совершенствующемуся производству орудий устойчивой формы, отработке четкого технологического процесса, предполагающего набор определенных упорядоченных операций. В результате вырабатывалась также операционная устойчивость (необходимая повторяемость) функционирования орудий. Как производство, так и функционирование шельских, да и мустьерских, орудий не могло ограничиться методом инсайта или приемом «проб и ошибок»; в жизнедеятельность формирующихся людей постепенно входило научение путем подражания, привычное оперирование орудиями. На протяжении десятков, а может быть, сотен тысячелетий функционирование однообразных, но не биологически-регулируемых и мотивируемых действий приводило к морфологическим изменениям, к прямохождению, развитию руки, изменениям, которые передавались по наследству и закреплялись в новообразованиях мозговых структур.

-, Формирующаяся необходимость форм труда и трудовых операций, устойчивость этих форм становились теперь активным клином, все более регулярно прерывающим в пространстве и времени биологические формы связи, все чаще отделяла производство от потребления, служила орудием дебиологизации формирующихся людей, т. е. возникновению между ними небиологических, трудовых связей. Но этот процесс встречал активное сопротивление могучих сил биологического способа действия, прежде всего потребительского и полового инстинктов. Так сталкивались, пересекались две разнокачественные необходимости, порождая великое многообразие, необозримый океан случайностей. ^

Подчеркивание *абстрактной* необходимости труда означает, что на этом уровне он крайне однообразен, специализация орудий (скребло, рубило) и операций (анализм) приобретает жесткие формы, не переходит в универсальность, не сопровождается интеграцией (синтезом), т. е. безграничные возможности труда как нового способа жизнедеятельности весьма незначительно, односторонне (абстрактно) превращаются в действительность. Правда, производство даже сверханалитических орудий имеет известный синтетический аспект (оббивка, шлифовка), нарастающий вместе с совершенствованием технологии и мастерства. Рост же мастерства (совершенствование функциональных способностей) вообще благоприятствует пробуждению универсальных способностей. Можно даже сказать, что

46

такое переплетение способностей есть необходимый аспект медленно, но неуклонно нарастающей небиологической мотивации деятельности. Производство, изготовление даже примитивных орудий важно и тем, что оно порождает возможность небиологического (неполовозрастного) разделения труда и становления примитивной кооперации⁶¹.

Огромное активизирующее влияние на ход сапиентации гоминид оказало «приручение» огня, этого первого естественно-искусственного аналитически-синтетического орудия, которое сразу чрезвычайно повысило «производственно-энергетический потенциал» формирующегося человека. Это действительно величайшее, воистину революционное событие (вообще событийно-ситуационная форма, решающая в развитии социального движения) явилось красноречивым символом и одновременно началом совершенно нового включения в систему жизнедеятельности гоминид сложнейших сил и процессов природы, а не простейших ее образований типа палки, камня, ветки для решения примитивных задач.

Речь идет о применении сил и процессов природы в новых для них функциях, порождаемых посредством регулирования, извлекаемых из естественно-природного бытия процессов, предметов и вещей и включения их в новый порядок бытия — опосредствованное взаимодействие со средой. Не только огонь, но и вода, не только камень, но и металл, не только палки, но целые растения, не только убитые, но и живые звери, птицы и даже насекомые становятся своеобразными, воистину синтетическими орудиями человека. А главное: в процессе систематического трудового применения этих орудий преобразуются морфологическая структура и психика гоминид (сознание и речь) и возникает новая, социальная общность, родовая коммуна, которая опосредствует производственно-трудовое взаимодействие индивидов с природой и тем самым скрепляется производственно-трудовыми связями.

Именно в меру многообразного опосредствования ими своей деятельности гоминиды становятся людьми, существами, способными к универсализации сознательно-целесообразной деятельности, в процессе которой и происходит на уровне кроманьонца полное преобразование животной-биологической природы в органически-человеческую. Но это происходит на последнем, третьем уровне развития

⁷⁴ Оригинальная попытка реконструкции этого процесса предпринята в упоминавшейся книге Д. В. Гурьева.

47

труда как собственно человеческого, *социального* способа жизнедеятельности. Именно на этом, третьем уровне полностью осуществляется опосредствование всех процессов жизнедеятельности человека социальными предметами и установлениями, формируется родовая сущность человека.

Чтобы продолжить разговор о третьем уровне становления труда, т. е. труда в его развитой, человеческой форме, нам необходимо еще раз обратиться к проблеме соотношения биологического и социального в человеке.

Все предшествующие рассуждения были направлены на доказательство тезиса о

том, что социальное движение и человек как его живой носитель возникают и развиваются в преодолении, отрицании, снятии биологического способа бытия и утверждения совершенно нового, социального способа нового типа жизни, исключая биологическое из жизнедеятельности человека.

И тем не менее в отечественной философской и психологической литературе биология так тесно оказалась связанной с человеком, что сама сущность человека оказалась двойственной, биосоциальной. В результате возникла проблема «биологическое и социальное». Издаются книги под названием «Биология человека», настойчиво предлагается создать новую науку — «социальная биология». Нескончаемым потоком публикуются статьи о соотношении этих феноменов в самых неожиданных ситуациях, как-то: «соотношение социального и биологического в учебной деятельности студентов», «социальное и биологическое в структуре бреда», «о биологическом и социальном в личности» и т. п.

Но вот что симптоматично. В растущем массиве публикаций на эту тему отсутствует более или менее ясное определение самих понятий «биологическое» и «социальное»; их содержание сторонникам концепций представляется самоочевидным. «Неопределенность содержания биосоциальной проблемы следует уже из явной неопределенности понимания ее основных ингредиентов: биологического и социального. В наших словарях, энциклопедиях этих терминов нет. Представление о их содержании составляется обычно на основании тавтологических характеристик предметов биологии и социологии»²⁵. Эта проблема срав-

²⁶ Пономарев Я. А. О так называемой биосоциальной проблеме.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке, с. 53.

48

нивается с психофизической, «единственно верное решение которой заключается в отнесении ее к категории ложно поставленных проблем»²⁶. Я. А. Пономарев не одинок в скептическом отношении к эвристическому потенциалу этой проблемы. П. Я. Гальперин прямо заявляет: «Ошибочно само ее название: «Биологическое и социальное в развитии человека», как бы заранее признающее наличие биологического фактора в структуре и развитии человеческой психики. У человека нет биологического (в том смысле, в каком оно есть и характерно для животных)»²⁷.

Так намечается путь к решению реальной, но некорректно сформулированной проблемы. Я. А. Пономарев предлагает исследовать организмические и социальные формы взаимодействия; П. Я. Гальперин считает, что постановку проблемы «биологическое и социальное» надо заменить иной: «органическое» — это уже не содержит указания на «животное в человеке»... «Органическое» указывает лишь на анатомо-физиологические возможности и роль физического развития в общем развитии человека, роль совершенно бесспорную, очень важную, подчас решающую, но неспецифическую и относительную»²⁸.

Весьма перспективной нам представляются постановка и способ решения проблемы, предложенные А. И. Мещеряковым. Фундаментальная идея автора состоит в том, что «органическая нужда, удовлетворяясь сложными формами человеческой деятельности, превращается в человеческую потребность. Таким путем формируется важнейшее исходное психическое новообразование. Органическая нужда как фактор исходной мотивации поведения становится социальной по типу и форме своего осуществления»^{28B}. Хотя автор обобщает опыт социализации слепоглухонемых, т. е. имеет место патологический случай, но исходный его тезис о решающей роли социально-предметных, т. е. опосредствованных человеческими вещами, речью и сознанием, действий в этом процессе имеет общеметодологическое значение. Именно социальный способ, форма удов-

²⁶ Там же.

²⁷ Гальперин П. Я. К проблеме биологического в психическом развитии

человека.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке, с. 261.

²⁸ Там же.

²⁹ *Мецзяков А. И.* Соотношение органического и социального в первоначальном развитии ребенка (на материале обучения слепоглухонемых).— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке, с. 461.

49

летворения органических нужд делают их социальными (что не исключает возможности последующей деградации этих нужд, если деятельность долгое время будет ограничиваться потребительской).

С данным тезисом о социализации человека не согласен Б. Ф. Поршнев: «Идея о таком канале социализации иллюзорна. Ведь домашние животные или даже пчелы осваивают пользование предметами человеческого изготовления и употребления, тем более созданные для них кормушки, ходы, лазы, ничуть не делаясь от этого социальными»³⁰. Что верно, то верно: они остаются животными, не становятся людьми. Но из того, что домашние животные, употребляя человеком созданные для них предметы не «социализируются», вовсе не следует, что такой путь социализации иллюзорен в отношении человека. Автор не учитывает того, что животные — и домашние, и лесные — употребляют человеком, а не ими самими созданные предметы именно как животные, как элементы природной среды, а не орудия их деятельности.

Давно известно, что человеческий детеныш вне человеческих условиях бытия (люди, предметная среда, речевое общение в процессе предметной деятельности) не становится человеком; животные же, наоборот, из поколения в поколение живут вместе с человеком, в человеческой среде, не теряя при этом своих животнов-биологических свойств (даже попугай, научившись воспроизводить некоторые слова, ничего не теряет из своей птичьей природы).

Каков смысл этого феномена?

Состоит он, по всей вероятности в том, что человек и домашние (как и дикие) животные, хотя и отнесены вместе с человеком к классу плацентарных по биологической таксономии, но на самом деле они представляют два совершенно различных типа эволюции жизни: биогенный и социогенный. Причем с возникновением человека естественно-биологическая эволюция исчерпала свои резервы на Земле. Поэтому ни кошки, ни собаки, ни коровы, ни лошади (киты и дельфины тоже) никогда не продвинутся ни на шаг вперед по пути социализации как живые существа. Если сущность биологического типа эволюции состояла в восхождении от низшего к высшему путем совершенствования соотношения дифференциации и интеграции органов (организма), то социогенный тип эволюции совер-

Поршнев В. Ф. Указ. соч., с. 116.

50

шается на основе устойчивости, неизменности органического типа живых существ.

Содержание социогенного типа эволюции состоит в восхождении от низшего к высшему социальных организмов (и всего рода человеческого) в процессе совершенствования, преобразования структуры и функции предметности всех предшествующих уровней движения и форм материи. Человек и общество как движущая сила этого типа эволюции природы совершенствуются путем универсализации способностей, рационализации потребностей и гуманизации целей как устойчивых стимулов социальной связи.

Отсюда следует, что человек, строго говоря, вряд ли входит в состав биологических видов, что *homo sapiens* — это социальная общность разумных живых существ, возникающая, функционирующая и развивающаяся посредством трудового взаимодействия с природой, детерминирующего все другие фундаментальные свойства ее бытия.

Поэтому вряд ли плодотворными окажутся иные, обходные пути решения вопроса

о сущности антропогенеза, социогенеза и онтогенеза личности. Здесь имеется в виду прежде всего гипотеза Б. Ф. Поршнева, которая в качестве антропогенного явления абсолютизирует речь, отрывая ее от труда. Третируя все ранние, специализированные формы труда гоминид, он отождествляет их с инстинктивной деятельностью животных и насекомых. Отсюда его тезис: «весь строительный материал при возникновении общества, при начале человеческой истории имел биологическую природу»³¹. Что же превратило этот сплошь биологический материал в социальный? Оказывается, все произошло благодаря магическому действию депривации (запретов), интердикции, сугестии и контрсугестии. Но в таком случае открытым остается вопрос о том, что же чему предшествует: особые ограничения, запрещения пользоваться вещами (даже дотрагиваться до них, взаимно отчуждать безвозмездно материальные блага и т. д.) или все же сознание вещей, производство благ. Ведь животно-биологический мир не знает вещей, не производит их. Автор биологизирует явно небιологические явления производства: труд, орудия, трудовые связи, с тем чтобы всемерно возвеличить антибиологические формы потребления, непроизводственного употребления вещей.

Возра-

³¹ Там же, с. 399.

51

жений против гипотезы Б. Ф. Поршнева направлены не против огромной роли становления языка, всяческих запретов и нормативности на завершающей стадии антропо-социогенеза, а против выдвижения ее в качестве генерального направления исследований одновременности происхождения человека и общества, против отрыва от реальной основы этих процессов.

Ф. Энгельс был трижды прав, утверждая: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...»³².

Таким образом, прежде всего в труде как орудийно-опосредствованной сознательной целеполагающей универсальной деятельности, детерминирующей все другие существенные явления жизнедеятельности людей, в социальной общности необходимо усматривать границу между биологическим и социальным движением — этими качественно различными типами развития природы.

2.

Универсальность и синтетичность.

Современная экологическая ситуация

Труд в его развитой до производящего хозяйства форме представляет собой постоянно действующий универсальный способ разрешения вечного противоречия между природой, всеми досоциальными формами движения материи и обществом. Природа сама по себе, «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его», — такова ленинская формулировка сути этого противоречия³³. Труд, практика, взаимодействие человека с природой и есть его действия во имя изменения последней. Существенную особенность этого процесса (целеполагающая деятельность человека выступает второй формой объективного процесса) В. И. Ленин усматривал в том, что первая форма объективного процесса, «объективный мир» «идет своим собственным путем», и практика человека, имея перед собой этот объективный мир, встречает «затруднения

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 490.

³³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 195.

52

в осуществлении» цели, даже натывается на «невозможность»...³⁴.

Преодоление многочисленных «затруднений», превращение «невозможностей» в реальные возможности, воплощаемые в действительность, и есть содержание разрешения этого вечно живого и углубляющегося противоречия. В силу того что трудовой процесс

по своей природе социален,³⁴ воплощает в себе единство объединенных, совместных и отдельных, индивидуальных действий, орудийной опосредствованноеTM, предметной расчлененности и функциональной целостности, объективной и субъективной детерминации и т. д., он вызывает к жизни ряд новых противоположностей, являющихся источником важнейших социальных противоречий в их конкретно-историческом проявлении. Основополагающим для анализа существенных особенностей труда является признание его общественного характера и орудийной опосредствованности.

«Труд отдельного лица,— писал К. Маркс,— с самого начала выступает как общественный труд»³⁵. Поэтому в дальнейшем термины «человек», «субъект взаимодействия» в рассуждениях о труде будут применяться как синонимы понятия «социальная общность». В тех же ситуациях, где необходимо выделить, подчеркнуть отдельность, индивидуальность трудовых операций, формы самого процесса труда, будут фигурировать понятия «индивид», «отдельное лицо», «личность».

Вычленение, отделение от субъекта труда исполняющей его части (орудия) с самого начала обусловило активность, преобразующий характер труда в противоположность биологически-приспособительной деятельности животных. Человек с его устойчивым морфологическим строением преобразует природу в соответствии со своими потребностями, подвергает ее предметы самым разнообразным универсальным изменениям, а яе приспособливает себя к ней. Поэтому вряд ли можно согласиться с такого рода суждениями: «Превращение биологической приспособительной деятельности в *труд* не лишает его характера приспособления, ибо труд есть *общественная* приспособительная деятельность. Суть изменений в том, что приспособ-

³⁴ Там же, с. 196.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 116. Между прочим, Гете устами Мефистофеля замечает: «Как ни было бы общество невзрачно, но человек немислим без людей» (*Гете*. Фауст. М., 1953, с. 102).

53

сбление это становится целенаправленным и преобразующим»³⁶. Хотя автор и говорит о широком смысле «приспособления», его активности и даже творческом характере, суть дела этим не изменить. Приспособление к среде и преобразование среды при помощи универсально разнообразной орудийной деятельности — это два качественно отличных типа взаимодействия живых существ со средой. И вряд ли целесообразно игнорировать и терминологически снимать эти различия, а тем самым искусственно усложнять вопрос. Конечно, такая трактовка труда есть крайность, источник которой лежит в абсолютизации того обстоятельства, что человек воспроизводит, преобразует природу по ее же объективным законам. Но существует и противоположная ей крайность. Э. В. Гирусов, например, полагает, что деятельность человека «с самого начала получила возможность идти вразрез с порядком и направленностью природных процессов», что он даже может «смещать эпохи развития самой природы»³⁷. Здесь явно абсолютизируется момент преобразования среды в трудовом взаимодействии человека с природой.

Однако как бы ни трактовали взаимодействие природы и общества, открытый К. Марксом универсальный характер его не подлежит сомнению. «Всеобщее и универсальное содержание человека,— пишет В. В. Орлов,— проявляется в универсальном характере материальной трудовой и духовной познавательной деятельности человека»³⁸. В чем состоит универсальность труда как способа взаимодействия, изменения, каким образом она связана с синтетичностью социальной формы движения?

Очевидно, что со времени своего возникновения люди создали фантастически много разнообразнейших вещей — от примитивного скребла до заводов-автоматов, от хлеба насущного до изысканных деликатесов, предметов роскоши; много изобрели необходимых для жизни предметов и немало никчемных безделушек; наряду с производством средств обеспечения жизни человечество столь же старательно

изготавливает и средства ее же истребления, причем изготовление последних постоянно опережает рост производства и потребления (было бы логично выделить изготов-

³⁰ Чангли И. И. Труд. М., 1973, с. 52.

³⁷ Гирусов д. В. Система «общество — природа». М., 1976, с. 57.

³⁸ Орлов В. В. К общей философской концепции человека.— В кн.: Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1974, вып. VI, с. 91.

54

ление орудий ведения войны в особое подразделение общественного производства),— словом универсальность взаимодействия природы и общества не подлежит сомнению.

Односторонность «производства» даже таких древних видов, как термиты и муравьи, по сравнению с производством человека — самого молодого вида живых существ — поразительна. А если сравнивать в этом плане человека со всем многообразием биологических видов (ведь возникновение человека означало раздвоение всей живой природы на два уровня: биологический и социальный), то, может быть, односторонность их «производства», вносимых ими изменений в окружающую среду уже не будет столь разительной, ибо здесь также наблюдается предметное многообразие, своеобразная универсальность.

Однако эта универсальность чисто количественная, по способу же изменений она однотипна и не выходит за пределы биологического движения в форме самовоспроизведения животных и растительных организмов (изменение видов и популяций не меняет существа дела). Физические, химические и иные превращения здесь тоже происходят, но в снятом виде. Важно, что каждый вид в течение всей своей жизни занимает свою, строго ограниченную экологическую нишу, вносит в окружающую среду более или менее однообразные изменения.

Появление человека в этом отношении означало глубокую революцию, человек преодолел рамки биологических способов жизнедеятельности, стал на путь овладения решительно всеми способами изменения действительности — от механического до биологического на базе созна-тельно-целесообразной орудийной деятельности. В этом и состоит сущность антропосоциогенеза», в этом, вероят-

³⁹ Гомункул после долгих блужданий обращается, наконец, к самому Мефистофелю: «Как поступить мне в деле щепетильном и полностью на свет произойти». Ответ всемогущего носителя зла поражает своей точностью (не верить никому) и неопределенностью: «Кто не сбивался, не придет к уму, и если ты не крохо-борец жалкий, возникни сам, сложишься своей смекалкой!» (*Гете*. Фауст, с. 392). Фалес же советует: «Меняя формы и уклоны, Пройди созданий ряд законный,— До человека далеко».

Но самое любопытное пожелание Протея: «Носись по прихоти любой. Не думай только, диво эхо,

55

но, и надо прежде всего видеть содержание универсальности труда и производства, а не только количественную его сторону, ибо человек в отличие от животного воспроизводит всю природу; в природе же нет прямых аналогов ни машин, ни сооружений, ни вооружения, ни других создаваемых человеком предметов.

Вероятно, суть дела заключается также и в том, что, создавая все необходимые вещи, человек воспроизводит всю природу (не сразу, конечно) как систему процессов, движений. Причем сам процесс воспроизведения имеет свою историю и логику. В производстве человек анализирует, расщепляет движение на его элементы, отделяет одни его виды от других и использует их как бы в чистом виде. В самом деле, труд, пусть в случайно единичной форме, начинается с чисто механического соединения руки с палкой и разбивания камней; (анализ-синтез); овладевая трением, человек «приручает» огонь (химическое движение) и со временем приручает животных и растения (биологическое движение). Последнее современные ученые связывают с так называемой неолитической

революцией, которой, вероятно, завершается становление человека как особого рода живых существ (*homo Sapiens*). Приручение животных и растений ⁴⁰ повлекло за собой колоссальный

Догнать в развитии человека, А то все кончено с тобой» (Там же, с. 414). Натуралисты уверены, что процесс приручения животных продолжается. Приручение, например, китов — проблема, над которой трудятся ученые разных стран. А. Кларк на 2040 год прогнозирует: «Я почти не сомневаюсь, что наши потомки будут располагать множеством разумных животных для выполнения тех видов работ, которые в ином случае пришлось бы выполнять очень дорогостоящим и сложным роботам» (Знание — Сила, 1975, № 12, с. 57).

В связи с проблемой приручения животных и растений возникает более широкий вопрос: отношение человека к природе в древности. Часто пишут о страхе и трепете. Но есть и другие мнения. «Люди древности, — читаем у Г. Гессе, — ставили перед собой собственно ту же цель, какую стремились достичь в последующие тысячелетия наука и техника, т. е. покорение природы, умение управлять ее законами, но шли они к этому совершенно иными путями. Они не отделяли себя от природы и не пытались насильственно вторгаться в ее тайны, они никогда не противопоставляли себя природе и не были ей враждебны, а всегда оставались частью ее, всегда любили ее благоговейной любовью. Быть может, они ее лучше знали и обращались с нею более умно» (Гессе Г. Игра в бисер. М., 1969, с. 445). Как знать? Во всяком случае не один страх, но, возможно, и любовь регулировала отношение первобытных людей к природе. Вспомним о

56

рост производительности труда, стабилизацию образа жизни в пространстве и времени, повторяемость производственно-трудовых циклов, повысило темпы роста народонаселения, т. е. завершило конструирование социального движения как нового синтетического уровня эволюции материи. Особенности синтеза на социальном уровне в отличие от предшествующих (химическое и биологическое движение тоже синтетичны) состоят в том, что это — открытый синтез, который в процессе воспроизводства природы углубляется и обогащается все новыми и новыми составляющими.

Необходимо отметить, что уже на стадии становления социального движения возникают два принципиально различных технологических способа воспроизводства природы: технически-деструктивный и биологически-конструктивный. Первый предполагает разрушение или истребление природных образований в процессе создания необходимых человеку предметов (техника от палеолита до наших дней); второй же способ — это приручение, совершенствование природных образований (растения, животные) с целью получения необходимых человеку продуктов.

Если взглянуть на биотехнологию с позиций современного технического прогресса, то в прирученных растениях и животных нетрудно обнаружить биоавтоматические устройства для производства высококачественных продуктов питания и сырья.

Если принять во внимание, что сельскохозяйственное производство с самого начала своего возникновения и по сей день является производством безотходным (исключая гербицидное и подобное ему загрязнение природы), а также катастрофический рост отходов промышленного производства, засоряющих среду обитания всего живого на земле (из 100 единиц исходного материала лишь 3—4 используются для дела) и исчерпаемость в ближайшем будущем природных энергетических и сырьевых ресурсов, то станет очевидной перспективность и подлинная экологическая надежность биотехнологии как способа воспроизведения

магии. Разве она страхом диктуется? Ведь в магических действиях человек выступает с силами природы в договорные отношения, пытается их уговорить, подкупить, а то и припугнуть. Человек словом и действием стремился найти с природой общий язык, вывести некоторые ее тайны и применить их себе на пользу, но и не во вред природе. Конечно, это не только любовь, но и борьба, борьба равносильных соперников, борьба не

на взаимоистребление, а во имя приручения, «взаимопонимания».

57

природы, основанного на ее совершенствовании и приручении, а не на борьбе, разрушении и истреблении.

Отвлекаясь от различия социально-экономических условий, рассмотрим труд земледельца, земледелие как отрасль производительного хозяйства в его отношении к универсальности и синтетичности. Даже при условии рутинной, слаборазвитой техники земледельческий труд отличается от многих его видов сложностью, большим разнообразием, имеющим тенденцию к универсализации, особой пространственно-временной структурой, сочетанием аналитических и синтетических операций и другими особенностями. Начнем с предмета труда.

Поле или нива — это не просто земля как всеобщий предмет человеческого труда, который существует без всякого содействия со стороны человека. Пашня — не сырой материал, хотя она и претерпела (и постоянно претерпевает) изменения при посредстве труда. Сырой материал исчезает в продукте, а поле, возвращая злаки, плоды, овощи, фрукты и т. д., никогда целиком не переходит в растения, оно сохраняется для последующих вегетационных циклов. Поля, сады и огороды — это уникальнейший предмет труда и одновременно продукт, результат трудовой деятельности человека и естественных процессов природы; это подлинно синтетическое социально-природное образование, которое и обуславливает во многом универсально-синтетический характер труда земледельца.

Первая фундаментальная особенность его труда состоит в обязательном, особом сочетании физических и умственных усилий, исполнительских и управленческих действий. Ведь вспахать поле надо не просто умеючи, но и мастерски, и вовремя, иначе оно плохо уродит. Ручной же посев требует не только физических усилий, но и абсолютной ритмичности операций в пространстве и времени, отработки глазомера. Определение сроков вспашки и посева (самостоятельно, не по указке свыше) предполагает довольно высокоразвитую способность ориентации в метеорологических особенностях текущего года, специфических требованиях каждой культуры (одно дело — овес, другое — пшеница, совсем иное — гречиха, просо, горох, подсолнух или кукуруза). Севу предшествует отбор посевного материала, иногда по зернышку — ведь машины мы исключили. Посев надо заделать, т. е. пройтись по полю бороной — тоже искусство, т. е. новый ряд операций. Пока созревает поле, надо управиться с покосом, потом жатва —

58

|ювые орудия, новый набор рабочих операций, которые предполагают применение иных способностей, а еще более аншо — необходимость принимать новые самостоятельные решения о сроках покоса и жатвы. Убранные сено и леба следует доставить к месту жилища — тоже сложное дело (попробуй так уложить на воз сено, чтобы ни стебель-а не потерять по дороге — она же бывает не близкая), [отом предстоит обмолот, опять же вручную, цепями — исключительно тяжелый, изнурительный физический труд, менее всего требующий умственного напряжения. А вот отделение зерна от мякины, веяние — очень мудреное дело, где бы оно ни проводилось: на току ли лопатой, на ветру ли...

Хлеб обмолочен, измеряй, засыпан, его надо распределить по статьям: па посев, на помол — это питание, себе и, конечно, скотине, на рынок (подати вносить надо, орудия некоторые обновить, подремонтировать — все это требует денег). Короче говоря, это один большой круг работ земледельца, требующий немалых забот, тревог, волнений, а не только автоматизированных действий.

Второй вид забот составляет уход по содержанию, производственному и продовольственному применению имеющихся в хозяйстве животных (лошадь, бык, корова, свиньи, овцы, куры, утки и прочая живность). Ведь хозяйство земледельца комплексное, не хлебом единым жив человек, к нему требуется добавить молока и мяса, сала и масла. Здесь обращает на себя внимание не столько орудийное, сколько

операционное многообразие труда (кормление, поение, доение, чистка и т. д.).

По идее возле жилища крестьянина имеется огород и хотя бы небольшой садик, пусть несколько плодовых деревьев, ягодных кустарников. Работа по выращиванию, обработке и хранению плодов и овощей — третий комплекс трудовых операций и соответствующих им способностей земледельца (выращивание рассады, посев, прополка, прореживание, окучивание, копка, чистка, обрезка деревьев, защита их от грызунов, сбор плодов, ягод и т. д.).

Далее. Крестьянское хозяйство дислоцируется во дворе; кроме жилища, там расположены надворные постройки: овин, амбар, рига, кошара, коровник, птичник — иногда все под одной крышей, но бывает и отдельно. Двор обнесен оградой (плетень, тын или штакет). Не только сооружение всего этого хозяйства, но и поддержание его в

59

должном порядке, чистоте и опрятности предполагает систематические, опять же специализированные, работы. Так возникает еще один — четвертый круг трудовых, ремонтно-строительных и санитарно-гигиенических операций, опять-таки соответствующих орудиям (топор, пила, лопата, вилы, метла и т. д.) и способностей.

Не надо забывать и еще об одном, пятом, круге трудовых операций, связанных с циклом домашних работ (стряпня, стирка, изготовление и ремонт одежды, уборка жилища и т. д.), предполагающем свои специализированные орудия (посуда, очаг, ножи, ухваты, ступки, иголки, ножницы, веретено, прялка, веники, щетки и т. п.).

Десятки видов труда, сотни операций, масса орудий — и все это приводится в движение одной семьей, довольно ограниченным числом индивидов. Чередование работ, выделение первостепенных на данном отрезке времени, распределение наличных работников требуют в этих условиях известного минимума управленческо-организационных операций, осуществляемых главой семьи, руководителем этой сложной трудовой кооперации. Каждый участник такой кооперации — работник универсального профиля, мастер на все руки.

Пишу я это и думаю, что найдется же читатель, который будет возмущаться. Что ты мол в наш ракетно-космический, электронно-управленческий, телевизорно-транзисторный век, век развитой сети бытового обслуживания и универсальной системы общественного питания вспомнил о всех этих рутинных орудиях и операциях, изнурявших и отуплявших людей, низводивших их до уровня рабочего скота. Уж если тебе охота копаться в истории, то лучше рассказал бы о том, как тогда человек отдыхал, проводил свой досуг, какие песни пел и танцы отбивал, на каких инструментах играл, как он вообще мог терпеть идиотизм деревенской жизни. С позиций современного потребителя и работника он будет, пожалуй, прав.

Но здесь речь идет о другом, — о том, что человек в своей основной массе тысячелетия вел именно такой образ жизнедеятельности и не только сохранил свой человеческий облик, но и создал неисчислимы этические, эстетические, технические и другие ценности. Ведь разве можно забыть о том, что самые устойчивые и могучие политические общности создали народы-землепашцы, самые оригинальные духовные ценности (цивилизация духа) порождены именно этими социальными общностями, а не наро-

60

дами-торговцами и ростовщиками. Важно и то, что народы-пахари, а не кочевники-скотоводы выработали патриотические традиции, самоотверженно защищая свои поля и родные пепелища. Не случайно же русские богатыри во главе с Ильей Муромцем — землепашцы.

Место земледельческого универсализма в истории социального движения заслуживает специального исследования. Здесь же хотелось бы подчеркнуть, что орудийно-операционная сторона земледельческого универсализма должна быть каким-то образом (не музейным) сохранена. Вероятно, отбрасывая под напором технического

прогресса с его безграничной специализацией старую универсальность, человек теряет нечто важное из своей сущности. Ту универсальность физического (возможно, и умственного, не интеллектуального, а умственного) развития, которую получал здоровый крестьянин, не даст личности ни один вид современного труда. Но как сохранить и с какой целью? Видимо, прежде всего во имя сохранения во всей полноте фонда человеческих способностей как самого ценного, действительно человеческого достояния, приобретенного им в истории. Следовательно, все прежние способности человека необходимы ему не утилитарно, а для органичности его развития. Не исключено и то, что прежний универсализм человека пригодится ему и практически, утилитарно, да еще там и тогда, когда мы об этом меньше всего будем думать ⁴¹. Ведь историю мы зачем-то изучаем, в этом есть человеческая надобность.

Другой вопрос: как это сделать? В настоящее время при некоторых сельских школах имеются детские хозяйства. Не сделать ли попытку перевести некоторые из них на старую технологию труда, без современной техники? На основе приобретенных способностей молодые люди сравнительно легко освоят и новую технологию. А позднее и при всех школах в сельской местности создать подобные хозяйства и в конце концов всех детей, и городских и сельских, обучать в школах, расположенных вдали от больших городов. Об этом мечтал Достоевский, да и не

Да и сегодня индивидуальное хозяйство как подсобное далеко не исчерпало свои экономические потенции. Об этом речь идет в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» (Сельская жизнь, 18.1.1981), в статьях Ю. Грибова, К. Кожевниковой, Г. Шмелева (Октябрь, 1981, М 5, с. 187—202).

G1

только он. И хотя эта идея утопична, но все же заповедники природно-охранного назначения широко практикуются, и почему бы не создать ряд заповедников социально-охранного профиля? Риск не так и велик.

Относительно развернутая характеристика кустарного сельскохозяйственного производства нами дана здесь потому, что в нем полнее всего воплотилась домашняя универсальность социального развития и синтетичность его результатов. Конечно, современное производство синтетических материалов добилось значительных успехов, но человек при этом встал на путь соперничества с природой, потому она и не приемлет те его нововведения, которые ведут к загрязнению природной среды.

Синтетизм сельскохозяйственного производства совсем иного рода: здесь человек сотрудничает с природой, заодно с ней творит (биотехнология); никаких отходов — все может идти в дело. Разумеется, в «чистом» виде, единолично биотехнология никогда не олицетворяет социальное движение. Она требует в качестве дополнения механическую технологию (изготовление орудий из камня или металла, средств хранения продуктов) и химическую (переработка зерна, мяса, овощей в пищу при помощи огня); да и некоторые виды сельскохозяйственного труда сами по себе имеют сугубо механическую технологию (покос, жатва, обмолот, веяние, помол, транспортировка и т. д.).

Кроме того, производительное хозяйство, оседлая жизнь, защита от холода, хищников и чужих людей вызывает к жизни такую устойчивую отрасль производства, как строительство жилищ, хозяйственных построек, укреплений, городов, культовых и других общественных зданий, — это тоже типично синтетический вид труда, хотя и на базе механической технологии (топор — аналитически-синтетическое орудие — лидер этого вида производства, его помощники — кирка и лопата). К тому же земледелие в ряде регионов прямо связано со строительством, например сооружением сложных ирригационных систем в Египте.

Иными словами, прямо или косвенно другие технологии служат подспорьем, вспомогательными средствами ведущей, господствующей биотехнологии, которая

определяет не только экологические параметры социального движения, но и его экономические, политические, психологические и другие исторические особенности (цивилизация). Устойчивая повторяемость циклов хозяйствен-

62

ной деятельности задает ритм экономическим процессам (обмен, распределение). Характер взаимодействия с природой в известном смысле ограничивает экономические цели господствующих в социальной общности сил относительно независимо от утвердившихся форм собственности. Отсюда — стабильность и других общественных установлений (политика, право, мораль, религия, искусство, формы функционирования и производства знаний). Закон определяющей роли способа производства материальной жизни в таких системах действует с особой ясностью, как необходимость «природы».

Биотехнология, являясь господствующим способом взаимодействия с природой, характеризуется еще и тем, что включающиеся в социальное движение химические элементы и их соединения функционируют в процессах человеческой жизнедеятельности в -устойчивых констеля-циях, отработанных на предшествующих уровнях развития материи. Отсюда следует полная завершенная форма обменных процессов, субстратное совпадение «движения вверх» (природа — общество — индивид) с «движением вниз» (индивид — общество — природа). Все это, вместе взятое, и конституирует экологическую устойчивость и полноту круговорота веществ, который можно определить как естественно, стихийно возникающее равновесие природы и общества. Правда, биотехнология на этом уровне не исключает и опустошений — обезлесения, возникновения пустынь вроде Сахары и т. д.,⁴² но это явления региональные, а не глобальные. Несмотря на биотехнологический способ воспроизведения природы, все же это плоды культуры, развивающейся стихийно. Все же есть основания для предположений о неисчерпаемости перспектив дальнейшего совершенствования и расширения сферы применимости этой одной из древнейших технологий как на основе бионики и микробиотехники (вплоть до металлургии), так и на основе взаимодействия «диких» и культурных видов живых существ.

Иной тип обменных процессов складывается в условиях господства технически-рационалистической (механически-физическо-химической в союзе с научной) технологии взаимодействия общества и природы.

⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Со4.ј 2-е изд., т. 32, с. 45; Черкасова М. Африка: лес—саванна—пустыня.— Знание — сила, 1978, № 11, с. 46.

63

1

Прежде чем дать ей характеристику, скажем несколько слов о периодизации взаимосвязей общества с природой по уровню развития производительных сил. В нашей литературе уже имеются попытки решения этого вопроса. Они предприняты Ю. П. Трусовым и М. Ф. Грином. Ю. П. Трусов предлагает следующие периоды: 1) *древнейший*. Для него характерно непосредственное присвоение и употребление готовых продуктов природы с помощью самых примитивных орудий труда (собирательство, рыболовство, охота, огонь); 2) *допр о мышлении й*. Ему свойствен экстенсивный рост и медленное совершенствование земледелия, развитие ремесел, возникновение городов и средств сообщения (гужевого транспорт); 3) *промышленный*. Это век пара, электричества, использования минеральных ресурсов, развития городов, средств связи, науки и т. д.¹³

М. Ф. Грин намечает иные эпохи: 1) *пассивное приспособление* к среде (от появления человека до рабовладения); 2) *активное использование* природы (вся история до эпохи империализма); 3) *преобразование природы* (эпоха общего кризиса капитализма и возникновения социализма, элементы охраны природы); 4) *глобальная реконструкция* природной среды (коммунизм) *⁴.

Классификация М. Ф. Грина предпочтительней, так как в качестве ее основы взят единый принцип — отношение человека к природе. Хотя автор и неправ в своем

утверждении, что «поначалу человек изменял природу... почти так же, как это совершали до него все существа на земле»⁴⁵. Не «почти так», а совершенно не так, как все существа, о чем подробно говорилось ранее. Поэтому квалифицировать всю историю первобытного общества как пассивное приспособление к среде, значит игнорировать ее как собственно человеческий период истории, как сознательно целесообразное орудийное взаимодействие со средой.

Представляется, что за основу периодизации взаимодействия общества и природы необходимо взять не просто хронологию (древнейший, допромышленный и промышленный периоды), и не только характер отношения человека к

⁴³ См.: Трусков Ю. П. Понятие о ноосфере,— В кн.: Природа и общество. М., 1968, с. 30—31.

⁴⁴ См.: Грин М. Ф. Проблемы преобразования природы и задачи географии.— Там же, с. 122.

⁴⁵ Там яш.

64

природе (приспособление, использование, преобразование и глобальная реконструкция природной среды), а качество взаимодействия как двухстороннего процесса, его экологическую характеристику. По этому основанию могут быть выделены такие периоды: 1) *стихийное равновесие* во взаимоотношениях природы и общества (от начала истории до установления машинно-капиталистического производства); 2) *нарастание несоответствия* обменных процессов; возникновение экологических осложнений вплоть до возможности экологического кризиса, глобального конфликта между обществом и природой (эпоха империализма и противостояния, борьбы капитализма и социализма до окончательной победы коммунизма); 3) *преодоление экологических осложнений* и сознательное утверждение гармонии между обществом и природой как глобальной цели социального развития в условиях коммунизма. Как видим, развитие совершается по закону отрицания отрицания. В самом деле, победа капитализма над феодализмом означала постепенное превращение технически-рационалистической технологии в господствующую, подчинение ей биотехнологии. Попытаемся определить фундаментальные свойства новой технологии в ее соотнесенности к старой, к биотехнологии.

Новая машинно-техническая технология переработки предметов, материалов природы (минералы, металл, органическое сырье и т. д.) в необходимые человеку средства производства и потребления стала властно подчинять себе все отрасли производства после промышленной революции XVIII в. как технология машинного изготовления орудий труда и предметов потребления. Пока нет общепринятого определения понятия «машина» в отличие от понятия «орудие труда» вообще (в том числе и органические орудия — растения, животные). Если иметь в виду машину в ее развитом, классическом исполнении как трехэлементное техническое устройство, то для нее характерно соединение через передаточное устройство универсального двигателя и специализированного, часто монофункционального орудия-машины, которое, в свою очередь, жестко соединяется с предметом труда. Универсальный двигатель машины тем отличается от человека, животных и других явлений природы (как источников энергии), что способен развивать силу любой степени и свободен от всех ограничений, свойственных органическим источникам энергии. Он «сам производит двигательную силу»..

3 А. П. Велик

05

и его мощность «находится всецело под контролем человека»^{4в}.

В отличие от растений, аккумулирующих солнечную энергию и обогащающих атмосферу земли кислородом, машинный двигатель превращает в энергию, лишь частично используемую человеком, невозобновимые энергоресурсы планеты, выбрасывает в атмосферу CO₂, другие продукты сгорания, излучает огромные массы

тепла. Универсальность машинного двигателя предполагает неограниченные возможности замещения абстрактно-энергетической функции как самого человека, так и природы (животных, воды, ветра), т. е. энергии постоянно самовосстанавливающихся, хотя и ограниченных, источников, причем эта возможность превращается в действительность прежде всего в процессе постоянно нарастающего высвобождения связанной энергии невозобновимых, почерпаемых источников (каменный уголь, нефть, газ, торф, сланцы и т. п.).

Таким образом, изобретение машинного двигателя означало раздвоение, расчленение, отрыв энергетической функции от мускульной силы человека и самодвижущихся тел и явлений природы и в то же время это был бурный скачкообразный рост, подлинный взлет энерговооруженности человека. Рост же энерговооруженности — не самоцель, а всего лишь средство повышения производительности труда, понижения стоимости товаров. Поэтому главная цель создания машины — это замещение специализированно-трудовых функций человека.

Поэтому машину можно определить как понятие, служащее для обозначения особой системы орудий, инструментов или же для обозначения технического агрегата (устройства), приводимого в движение искусственно вырабатываемой энергией; наконец, как понятие для обозначения орудия или системы орудий, которым передаются одна или несколько специализированных трудовых функций человека. Словом, машина — это комбинированное орудие, особое в том смысле, что при его использовании человек становится всего лишь его приставкой, придатком. Прежние, ручные орудия, в том числе и органические, как-то животные и растения — эти полифункциональные устройства, наоборот, являлись придатком человека как универсального существа. Лишь машина совершает исто-

⁴⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, стр. 388.

66

рическую перестановку ролей. Продолжая оставаться, как и все иные орудия, опосредствующим звеном обмена веществ между человеком и природой, машина отличается от прежних орудий тем, что она оторвана и от природы, и от человека. Окончательно этот процесс отделения завершается в ряде производств (металлургическом, нефтехимическом и т. д.), а также при автоматизации любого производства. Еще К. Маркс писал, что «приходит это механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала в почти торжественно-размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных собственно рабочих органов»⁴⁹. Собственно рабочие органы машины — это в принципе ручные инструменты, но доведенные до гигантских размеров, поражающих воображение работника. Последующее развитие техники и науки в качестве рабочих органов-орудий подключает технологические процессы, которые характеризуются все возрастающей энерго- и гидроемкостью. Домашнее производство тоже не чуждалось этих своеобразных орудий. Напомним о брожении (производство всякого рода напитков), заквашивании (изготовление хлеба и других мучных изделий, кисломолочных, кисло-соленых овощей, квашеных фруктов и т. д.); сюда же следует отнести сушку, вяление, копчение, варение и подобные им процессы, а также все виды кожевенного производства, выделки мехов и т. д. Все эти процессы осуществлялись на уровне практического овладения природой, в соответствии с законами биологических, биохимических, химических и физических превращений веществ. Хотя они (эти процессы-орудия) и занимали первостепенное место после хлебопашества и животноводства в жизнеобеспечении человека, но не требовали особых затрат энергии, громоздких приспособлений и особой выучки. В экологическом отношении они были безупречны, как и вся биотехнология вообще. Строго говоря, эта технология безотходного производства превосходно справлялась со своими задачами, ограничиваясь комбинированием тех элементов, соединений и их комплексов, которые

были доведены едва ли не до совершенства на предшествующих уровнях движения и развития материи. Она не создавала ничего такого, что не входило бы в сложившиеся круговороты вещества

⁴⁷ Там же, с. 393.

3»

67

природы. В этом смысле биотехнология на уровне процессуально-орудийном была консервативной, она не размыкала, не ломала круга природы, ибо не знала как потом сомкнуть его.

Научно-техническая (химическая, физическая, элект-ро-физико-химическая, атомно-физическая, термоядерная и т. п.) технология исключительно революционная: она революционно-аналитичная, ибо разлагает, разбивает то, что прочно соединено самой природой (во всяком случае земной), но не всегда знает пути воссоединения расторгнутого (современной технике вполне по плечу расколоть, например, Луну на части, но обратно слепить из них Луну — не доросла еще!). Индустрия современной синтетики навечно соединяет то, что в самой природе никогда не вступало в контакты, и на этой основе создает новые материалы с наперед заданными свойствами (пластики, синтетические волокна, моющие средства, лекарства), творит воистину чудеса, но пока еще не знает, как разложить эти чудодейственные соединения на их составляющие, а земля, атмосфера и гидросфера ее их не усваивают, они им чужеродны, потому сплошь их засоряют.

Современная технология бурным потоком хлынула и в сельскохозяйственное производство в виде могучей техники, минеральных удобрений, химических средств защиты растений от вредителей и т. д. и тем самым подрывает его традиционную технологию, разрушает сложившийся круговорот веществ. Разумеется, механизация, химизация, электрификация пронизывают быт и современного горожанина, создают новую отрасль хозяйства: очистка городов от мусора, отходов бытового комфорта, которые столь же стремительно растут, как и отходы промышленного производства. Наконец, есть еще одна отрасль производства, где научно-техническая технология достигла невероятных результатов — это производство средств уничтожения человека, разрушения создаваемой им действительности. Прогресс в этой области потрясает воображение. Все вооружение эпохи домашнего производства — лук со стрелой, копья, ядра, меч и шпага, кинжал и дубина сдано в музей или кое-что осталось в жизни как спортивный инвентарь. Вспышки ядер и свист пуль первых образцов ручного и станкового огнестрельного оружия были всего лишь сентиментальными предшественниками современных видов обычного оружия и средств массового уничтожения. Сверхмощ-

68

ные танки, бронетранспортеры, могучая артиллерия; воздушный, водный и подводный флоты, ракеты различных радиусов действия и иные средства доставки ядерных боеголовок индивидуального и касетного наведения — вот сердцевина, решающая сфера приложения высших достижений современной науки и техники. Всем ясно, насколько экологически опасно ядерное оружие, очевидна и неотложная необходимость хоть какого-нибудь регулирования, сдерживания, ограничения его производства и распространения.

Экологические осложнения, нарушения равновесия в обмене веществ между обществом и природой, засорение почвенной, водной и воздушной сред протекания жизненных процессов, условий бытия человека происходит не только в результате капиталистического способа применения достижений науки и техники, но и в силу несовершенства самих способов взаимодействия человека с природой. «Экологически ошибочная технология покоится на ошибочной научной базе» ⁴⁸, — решительно заявляет Барри Коммонер, теснейшим образом связывая экологический кризис с экономикой свободного предпринимательства, которая подчинена одной-единственной цели —

извлечению прибыли как можно более высокой и в наикратчайшие сроки. Буржуазного предпринимателя заботит только одно — рост его доходов. Все же сопутствующие капиталистическому способу производства технологические изменения среды (гибель ценнейших видов животных и растений ⁴⁹, загрязнение рек и мирового океана, угроза жизни всему человечеству) ему абсолютно безразличны. Широчайшее вторжение в окружающую среду, превращение технологических циклов в линейные цепи искусственных событий вызывает неуправляемые процессы с далеко идущими последствиями.

«Наша способность воздействия на окружающую среду намного превосходит наши знания о последствиях такого вторжения» ⁶⁰. Эту мысль можно истолковать в том смысле, что причина современных экологических осложнений — в недостаточности наших знаний, слабости развития науки и самой техники. Среди буржуазных ученых бытует мне-

¹⁸ *Коммонер Барри*. Технология прибыли. М., 1976, с. 103.

⁴⁹ Яркая характеристика этих процессов в условиях США дана в книге: *Уильям О. Дуглас*. Трехсотлетняя война: Хроника экологического бедствия. М., 1975.

⁵⁰ *Коммонер Барри*. Замыкающийся круг. Л., 1974, с. 46.

69

ние, согласно которому все экологические трудности можно преодолеть на базе высшей технологии, стоит лишь ускорить развитие науки.

Не исключена абсолютизация капиталистического способа применения современных достижений науки и техники. Считают, что дело не в технике, а только в том, кем и как она применяется. Нет, дело и в технике, ее экологической состоятельности, способности нарушать или поддерживать экологическую гармонию, дело в экологической безупречности самой технологии. В обоих случаях — налицо явная недооценка самой экологической проблемы как проблемы самосохранения человечества, т. е. сохранения и совершенствования глобальных условий его бытия, земной жизни во всей ее полноте. Еще задолго до обострения экологической ситуации, в 1830 г., Ж. Ла-марк сокрушался по поводу того, что человек так себя ведет, как будто его назначение «заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания» ". В. И. Вернадский был убежден в том, что «в геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление» ⁶².

В настоящее время угроза самому существованию человека на Земле превращается из возможности в реальную действительность. Рассматривая глобальные проблемы современного развития человечества, Л. И. Брежнев затронул и экологический вопрос: «Это, наконец, защита человека от многочисленных опасностей, которыми ему грозит дальнейшее неконтролируемое техническое развитие, — иначе говоря, сохранение природы для человека.

Это вполне реальные и очень серьезные проблемы. С каждым новым десятилетием острота их будет возрастать, если не будет найдено разумное коллективное их решение на путях планомерного международного сотрудничества» ⁵³. Другие видные политические деятели нашей эпохи также с должным вниманием относятся к этой проблеме. В частности, И. Б. Тито пишет, что на современной эпохе «лежит бремя многих опасностей, которые непосред-

⁵¹ *Ланарк Ж.* Ичбр. произведения. М., 1959, т. 2, с. 442.

⁵² Цит. по кч.: *Природа и общество*, с. 13.

⁶³ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 159?.

70

ственно угрожают миру, жизни и будущему всех людей и народов, целому человечеству» ⁵⁴.

Перед нами не мистически пророческие угрозы грешному человечеству карающим страшным судом всевышнего, не интуитивные предчувствия конца света, не поэтические

предупреждения о надвигающейся катастрофе, а отчетливое осознание реальности грозящей человечеству опасности во всей огромности ее масштабов, осознание на уровне современной науки и передовой политической мысли. Естественно, что человеческий разум напряженно ищет надежные средства предупреждения возможного бедствия. Проектов много. Одни предлагают заморозить дальнейший рост производства и народонаселения, другие сочиняют романтически-наивные проекты всеобщей реконструкции окружающей природной среды, т. е. создания новой, более совершенной, искусственной природы. Высказывается мнение о необходимости глобальной экологической переориентации человечества, перехода от борьбы, противостояния к сотрудничеству с природой. «Понимание различных круговоротов в природе и умение включиться в них обеспечат человеку в будущем большие возможности выжить, чем попытки вслепую изменять и регулировать эти круговороты»⁵⁵, — утверждают биологи. Существуют и другие варианты предотвращения возможности всеобщего экологического кризиса. Ближайшие десять-пятнадцать лет покажут, какой из всех предлагаемых ныне способов изберет человечество.

Но время не ждет, от рассуждений надо переходить к действиям. И наша партия, и государство разработали конкретную программу социалистического природопользования⁶⁶, охраны природной среды, основные положения которой приобрели силу закона в Конституции СССР. Так, в самых общих чертах представляются нам универсальность и синтетичность социального движения в

⁸⁴ Правда, 1977, 5 ноября.

⁶⁵ Вилли К., Датъе В. Биология. М., 1975, с. 259.

⁶⁸ См.: Волков Г. «Экологический кризис» и социалистическое природопользование. — Коммунист, 1976, № 12. Здесь необходимо заметить, что охрана природы, поддержание экологической гармонии между человеком и средой уже сегодня настоятельно требуют, чтобы все — от мала до велика — стали энтузиастами-патриотами, бескорыстными и бесстрашными рыцарями неувядаемой красоты нашей Родины и всей Планеты, такими, например, как журналист В. Песков или биолог Б. Н. Вепринцев (г. Пущине).

двух его исторических формах: органически-биологической и машинно-технической как господствующих способах обмена веществ между человеком и природой. Первая технология, пусть еще в несовершенной форме, предполагает возможность универсализации каждого работника (кустаря и землепашца), регулируемое ритмом самого производства, операционное многообразие труда. Обнаруживаемые в практике (стихийно, помимо науки) свойства очеловеченных (прирученных) тел и явлений природы и возникающие *новые способности и потребности* человека детерминируют синтез новых социально-необходимых целостностей (имеются в виду прежде всего способности целеполагания, абстрактно-речевого мышления, творчества, свободного от физических потребностей, осуществляемого по законам красоты, способность «отчуждать» продукт своего труда, потребность в одежде, жилище, знаниях, нормах, общении и т. д.).

В отличие от первой вторая технология обеспечивает возможность резкого, катастрофически быстрого роста темпов всех социальных процессов, прежде всего производственных: она поднимает на очень высокий уровень универсальность и синтетичность социального движения путем все углубляющегося общественного разделения труда (свойственного в известной мере и первой технологии), доведения специализации отдельных работников до крайней узости. Нарастающая мощь машинно-технических образований синтетического порядка осуществляется в оторванности от природы и человека за счет огромных деструкции природных веществ и гигантских затрат искусственно извлекаемой энергии. Потребности роста капитала, его «самовозрастания» становятся могучим стимулом и производства, и зачастую потребления (массовая фабрикация искусственных, чуждых, порою даже враждебных человеку потребностей).

Естественно, что машинно-техническая технология в качестве господствующей отрицает биотехнологию, но она столь же исторична, как и породивший ее капиталистический способ производства. Машинная цивилизация ведет к самоотрицанию не только в социально-экономическом, но и в технологическом аспекте. Поэтому не случайно, что социальное движение, бесконтрольно развязывая дремлющие в природе и человеке могучие силы, порождает и ярко выраженную тенденцию к самоуничтожению, деградации и самой себя, и природы. Не ■и.отюоч&по, что подоб-

72

ные тенденции возникали и раньше, на основе других технологических и социально-экономических систем (мы еще весьма приблизительно знаем этот аспект становления человеческого общества), но преодолевались иными, сохраняющими тенденциями социального движения. В первую очередь к ним надо отнести способность человека творить по законам красоты, в меру каждого вида, — способность, порождаемую той же универсальностью и синтетичностью труда как сознательно целеполагаемого взаимодействия человека с природой.

3.

Производство по законам красоты.

Два ряда мер

Идея творения по законам красоты высказана К. Марксом в «Философско-экономических рукописях 1844 г.», причем выражена в суждении, резюмирующем, синтезирующем его знаменитый сравнительный анализ деятельности животного и человека, произведенный на общефилософском уровне. Контекст высказываний К. Маркса имеет важное значение для понимания и интерпретации их содержания. Из этого контекста ясно видно, что способность, умение человека производить по меркам любого вида и всюду прилагать к предмету соответствующую ему меру как родовое качество человека и фундаментальное свойство социального движения является органическим продолжением универсальности труда и эстетическое выражение (со стороны совершенства формы в ее отношении к содержанию) синтетичности социального движения.

Понятие «мерка», точнее, «мера» имеет не количественный, а качественно-целостный или критериально-синтетический (в смысле мера — это критерий различения, выделения одних синтетических образований из других) аспект. Отметим и то, что способность прилагать к любому предмету соответствующую ему меру есть основание, конкретное выражение умения человека формировать материю также и по законам красоты.

В нашей литературе, особенно эстетической, данный тезис К. Маркса и само понятие «закон красоты» очень часто встречаются, порой они выступают основанием целых теорий, но нигде нет интерпретации этого действительно фундаментального и для эстетики, и для теории

73

социального движения понятия. В самом деле, что такое «закон красоты»? Необходимость природы или свобода человека? Ясно, что ответить на этот вопрос невозможно без привлечения понятия «мера». Но предварительно необходимо совокупность всех мер разделить на два существенных ряда: ряд мер природных образований (объект) и ряд мер человека (субъект) — и рассмотреть их во взаимодействии.

Как мы уже говорили, труд, производство есть прежде всего взаимодействие человека и природы. Ближайшим образом сейчас нас будет интересовать не технология, а предметное чувственно-наглядное протекание процесса труда, т. е. аспект его формы, совершенства, т. е. красоты.

Эстетически аспект анализа труда чрезвычайно важен потому, что в не мы должны уловить неуловимое — постоянный переход от субъекта к объекту и наоборот (мера

человека опредмечивается, а меры природы очеловечиваются) — и на этой основе понять подлинный источник субъективно-эстетического аспекта труда, шире — его эстетический потенциал. Говоря о труде, К. Маркс подчеркивал его собственно эстетические возможности: труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил в ее предметной, чувственно-наглядной форме.

Ранее приводилась мысль К. Маркса об истории как порождении человека человеческим трудом и становлении этим же путем природы для человека. Продолжим ход его мыслей, ибо он весьма существен для понимания эстетической стороны труда. У человека «есть наглядное, неопровержимое доказательство своего *порождения* самим собою, *процесса* своего *возникновения*. Так как для социалистического человека *существенная реальность* человека и природы приобрела практический, чувственный, наглядный характер, причем человек наглядно стал для человека бытием природы, а природа наглядно стала для него бытием человека, то стал практически невозможным вопрос о каком-то *чуждом* существе, о существе, стоящем над природой и человеком,— вопрос, заключающий в себе признание несущественности природы и человека» ". В беспрерывном потоке чувственно-наглядных, практически-предметных взаимодействий человека и природы и

И Маркс К., Энгельс Ф., Соч, 2-е изд., т. 42, с. 127,

74

утверждается сущность того и другого, точнее,— человека для природы и наоборот.

Ясно, что «закон красоты» — абстракция. Причем абстракция очень сложная, способная запечатлеть определенный аспект процесса взаимодействия, перелива, перехода, преобразования природной предметности в социальную действительность, новый тип предметности. Законы красоты предварительно можно определить как понятие для обозначения *сплава мер природных образований и мер человека*, рождающегося в процессе очеловечивания природы и опредмечивания родовой сущности человека. При этом полнота и глубина овладения материального и духовного мерами природы выступают источником развития, совершенствования человеческой сущности. Один ряд мер (природы) становится и критерием совершенства других мер (человека). В этом смысле термин «сплав мер», который своей образной формой напоминает термин «клин», представляется диалектической противоположностью последнего. Если термином «клин» фиксируется раздвоение, разрыв природно-биологических связей, происходящих в процессе становления социального способа жизнедеятельности, то термин «сплав мер» (законы красоты) обозначает качественно новый тип связей, характерных для сложившегося социального способа взаимодействия человека с природой в процессе функционирования и совершенствования последних в предметно-чувственных формах. Преобразуя предметы природы, человек утверждает (опредмечивает) себя как созидующее предметное существо, совершенствуя одновременно и природу, и себя самого; постигая меры предметов природы, он открывает и себе самому свои собственные меры. При этом оба процесса фиксируются в создаваемых им предметах (материально) и запечатляются в сознании (идеально), формируя его познавательные, эстетические и другие универсальные способности и потребности.

Рассмотрение социального движения в плане производства по законам красоты как взаимоперехода природных и человеческих мер, как способа совершенствования тех и других, по существу, вводит нас в тайны социального развития, особого способа эволюции природы. В самом деле, каков действительный механизм этих превращений (метаморфоз, а не мутаций)? Очеловечивание природы возможно лишь в практическом, материальном преобразовании ее предметности в процессе сознательно-целесооб-

75

разного труда. Целеполагание, выработка самой цели невозможны без идеального

преобразования предмета (в представлении) по ему же присущим мерам и с учетом мер (потребностей и способностей) человека. Здесь явно намечается раздвоение сознательно-целесообразной деятельности на два уровня: материальное взаимодействие и предшествующее ему во времени «чистое» целеполагание — идеальное взаимодействие (в представлении), результат которого (цель, идеальный образец) приобретает ведущую, направляющую функцию по отношению к материальному уровню (как закон определяет его характер).

Фундаментальное значение имеет вопрос о том, откуда и как человек извлекает цели как идеально преобразованные материальные образования? Ведь именно здесь надо искать тайну зарождения того «сплава», который называется «законами красоты». Нам придется здесь допустить возможность или длительного периода существования целесообразной деятельности без сознаваемой цели (план природы, материального уровня взаимодействия), или известный период существования целей вне сферы целесообразного действия (план «чистого» идеального действия), т. е. в виде размышления или игры с предметами. В конце концов в обоих случаях человек может извлечь цели из действительности. Возможность бытия целей как идеальных сущностей вне материальных образований начисто исключается. Но действительность возможна двоякого рода — природная и социальная. И в том и в другом случае возникает ряд серьезных трудностей. И не наподобие тех, что были в начале, — яйцо или курица, а иного плана: тут материя и дух спорят о своем приоритете. Даже признание общественного характера труда не дает надежного основания для отрицания приоритета цели (идеального плана). В самом деле, цели вырабатывает индивид, личность, а не непосредственно социальная общность. Но если допустить эту возможность, тогда открывается путь последовательно материалистической трактовки возникновения и функционирования института целеполагания.

Возможен здесь следующий вариант. Длительное практическое применение изготовленных в процессе привычно-целесообразной деятельности предметов, прежде всего орудий труда, постепенно обнаруживало как меру их целесообразности, так и отклонения от нее. Накапливаемое коллективно эмпирическое знание этой меры прини-

76

малось во внимание при изготовлении новых экземпляров данного вида предметов (например, каменных топоров). Такое взаимодействие коллективного опыта и индивидуального мастерства продолжалось до тех пор, пока мера предмета не осознавалась как образец, эталон и не фиксировалась не только в самих предметах, материально, но и в наименовании предмета, слова, идеально. Наименование предмета и становилось узаконенной традицией, его мерой-целью и вырабатывалось всей общностью, объединенными усилиями коллектива.

Так рождался сплав мер человека и природы в их взаимодействии; так возникали «законы красоты» как законы сознательно-целесообразной деятельности человека, совершенствование которой явилось социальным способом дальнейшего развития и природы, и самого человека. Особенно важно для нас здесь то, что в процессе рождения этого таинственного сплава (законов красоты) опыт прошлого сознательно учитывался в формировании будущего, которое посредством живой деятельности постоянно вносилось в настоящее. Словом, возникновение «законов красоты» сопровождалось овладением временем, осознанием, расчленением его на прошлое, настоящее и будущее в их единстве.

Материалистическое понимание законов красоты предполагает не только историчность их возникновения (вместе с обществом), но и универсальность по сфере их действия. Последнее означает, что любой человеческий труд имеет мощный эстетический потенциал, а не только художественная деятельность или архитектурно-строительное дело, как-то утверждала идеалистическая философия. «Именно потому, что в своей универсальной деятельности человек всесторонне проявляет и утверждает себя, эта его деятельность не есть лишь средство удовлетворения одних узкоутилитарных

потребностей. По сути своей она является творчеством и по «законам красоты», т. е. самодеятельностью, развитием самого человека в процессе познания и преобразования им внешнего мира»⁵⁸.

Следовательно, все виды физического и умственного труда, все отрасли и сферы человеческой деятельности, в том числе и такая своеобразная, как воинский труд в условиях военного и мирного времени, не чужды своей

⁵⁸ Гольдентрихт С. С. О природе эстетического творчества. М., 1977, с. 25.

77

эстетики, своеобразной красоты. Но возникают вопросы, везде ли, при всех ли условиях, всякий ли труд в равной степени выступает как деятельность по законам красоты, везде ли эти законы действуют по шаблону? Как быть с трудом подневольным, с трудом, исполняемым под гнетом физической необходимости, нужды и т. д.? «Эстетическое творчество невозможно до тех пор,— пишет С. С. Гольдентрихт,— пока материально-производственная деятельность — главная сфера жизни людей — оказывается для человека лишь средством удовлетворения одной из его потребностей — потребности в сохранении физического существования»⁶⁹. Подобный взгляд широко распространен в нашей литературе. Тем не менее вряд ли безоговорочно можно признать его истинность. Зададимся вопросом, возможен ли вообще труд при полном отсутствии эстетического момента, наслаждения им как деятельностью? Еще раз напомним, что, анализируя структуру труда, место в нем воли, внимания, увлечения и наслаждения человека, К. Маркс употребляет выражения «тем более, чем меньше» именно при характеристике соотношения в нем волевого и эстетического начала (наслаждение трудом как игрой физических и интеллектуальных сил).

Следовательно, свойство труда увлекать «рабочего своим содержанием и способом исполнения» и тем самым доставлять ему наслаждение может проявляться в различной степени (тем более, чем меньше), но вряд ли возможно его отсутствие вообще. Эстетический аспект проявляется в труде по-разному, но выступает необходимым и постоянным его моментом независимо от исторических форм труда и профессиональных его различий. Мы глубоко убеждены, что благодаря именно эстетическому потенциалу возможен самый тяжелый, даже подневольный труд как постоянный вид деятельности ряда поколений людей⁶⁰.

Возьмем к примеру труд земледельца в его традиционных формах. Труд тяжелый, тысячелетиями он был подневольным, то рабским, то крепостным. Нет слов, что

⁶⁹ Там же, с. 26.

⁶⁰ Вспомним глубоко противоречивый характер эстетического наслаждения героев Ф. М. Достоевского, способности человека искать эстетические моменты даже в омерзительной деятельности вплоть до истязания других, в палачестве. См.: *Велик А. Л.* Художественные образы Ф. М. Достоевского. М., 1974.

78

труд свободного, вольного хлебопашца доставлял ему гораздо больше эстетических удовольствий, чем крепостному или рабу. Но и в той и другой социальной форме труд земледельца — вспашка земли, посев и жатва, обмолот и покос, посадка и присмотр за плодовыми и даже бесплодными деревьями, уход за домашними животными — совершенно немыслим без увлечения, если хотите, любви к земле и растениям, вообще к жизни.

Может быть, именно биотехнология, с ее живыми и соразмерными человеку формами, рождает наиболее приемлемые и для природы, и для человека законы красоты, которые, к сожалению, до эпохи социализма мало привлекали к себе внимание исследователей. Причины тому имелись. Тысячелетиями труд земледельца философы едва ли не презирали, художники не очень часто вдохновлялись им на творчество, и лишь фольклор отдавал ему должное. Видимо, пришла пора восполнить данный пробел, раскрыть сполна огромный эстетический потенциал этого исторически всеобщего вида

человеческой деятельности, понять своеобразие его как производства по законам красоты⁶¹.

В силу ряда обстоятельств красота, эстетические достоинства предметов технических видов производства (орудия труда, строительство общественных зданий, гончарный промысел, ткачество и т. п.) давно привлекают внимание ученых. Правда, не столько процесс, сколько результат. Важно, что здесь обнаруживается определенная логика становления законов красоты: от заботы о содержании, т. е. чисто функциональном назначении предмета до стремления к его совершенству, которое означает такое гармоническое единство функций и формы, при котором одно растворяется в другом — функция—содержание переходит в форму. При исследовании эстетической стороны изделий технического происхождения наглядно обнаруживается их преимущество перед продуктами биотехнологического производства. Оно состоит, во-первых, в том, что законы красоты проявляются здесь во всей своей полноте и предметно-чувственной неотразимости, они всплывают на поверхность явлений. Такая полнота проявления

⁶¹ Значительным вкладом в исследование красоты традиционных видов труда крестьянства является оригинальная книга В. И. Белова «Лад. Очерки о народной эстетике», опубликованная в журнале «Наш современник» (1979, № 10, 12; 1980, № 3; 1981, № 1, 5, 6).

79

законов красоты является следствием глубокого преобразования, деструкции природных материалов, индивидуальной неповторяемости изделия (в противоположность потокам природных предметов), резко выраженной функциональной специфики, рождающими в своем единстве такой яркий сплав мер природы и человека, который едва ли возможен даже в парковом искусстве или богатейшем цветоводческом хозяйстве.

Полнота проявления законов красоты в техническом производстве состоит и в том, что во многих изделиях технического происхождения запечатлены умения, способности, красота духовного мира их творцов. Поэтому, постигая красоту подобных изделий прошлых эпох, мы можем проследить пути становления творческих способностей человека в его соперничестве с природой. Но было бы ошибочно преувеличивать роль воплощенной в этих предметах сущности человека. Красота современных изделий (воздушные и морские лайнеры, космические корабли), творений прошлого состоит в том, что человек извлекает, открывает красоту, как бы дремлющую в материале, придавая последнему вид, соответствующий природе этого материала и потребностям человека⁶².

Рассматривая красоту технических изделий, особенно продуктов поточного производства, мы не вправе закрывать глаза на реальную тенденцию отрыва их красоты от мер человека, бурно нарастающую несоизмеримость с человеком современных орудий труда, производственных и даже жилых помещений, удручающее однообразие предметов личного обихода, несмотря на пестроту красок и экстравагантность покроя или упаковки. Впрочем, мы здесь вторгаемся в пределы могучего ведомства технической эстетики.

Относительно характера действия и специфики проявления законов красоты в сфере духовного производства следует заметить, что здесь они четко раздвоились: в науке они стали мерой функционального совершенства (меры предмета), в искусстве — мерой совершенства человеческой сущности в ее индивидуально-личностном проявлении. Искусство в этом плане можно было бы определить как понятие философии для обозначения адекватного человеку синтетического, постоянно развивающегося способа сохранения и передачи социально-значимого опыта сози-

⁶² См.: Велик А. П. Эстетика и современность. М., 1967-80

дания — безграничного многообразия индивидуально неповторимого проявления в объективном мире сущности человека — посредством предметно-духовного воспроизведения его мира по законам красоты с целью самопознания сущности и совершенствования личности, утверждения истинно человеческих начал в ее деятельности. Иными словами, искусство — это своеобразный способ социального

воспроизводства личности.

В этом же плане необходимо затронуть весьма актуальный вопрос, а именно значение эстетического потенциала труда в формировании новой личности. В. Н. Столетов совершенно верно пишет о том, что молодым родителям следует все начинать «с уяснения необходимости вообще и крайней необходимости именно сегодня труда для каждого ребенка, для каждого молодого человека. И уяснения той опасности, которая нас ждет, если мы не воспитаем любви к труду у каждого человека. Впрочем, это относится не только к родителям⁶³, но и ко всей системе общественного воспитания.

Выше подробно было сказано, в чем состоит эстетическая природа труда как родовой способности человека (формирование материи по законам или правилам красоты), как она и в чем раскрывается, выражается со стороны человека. Для нас здесь важно и то, что эстетическая способность человека, умение творить, формировать любую материю по законам красоты, обнаруживать ее в природе и всех творениях человека, правильно ценить и по-человечески наслаждаться ею (эстетическая потребность) формируется прежде всего в труде, невозможна вне и помимо труда⁶⁴.

Существеннейшая особенность эстетической природы труда, его красоты состоит в том, что она тождественна нравственности, подлинной человечности: бескорыстно-

^Г Комсомольская правда, 1975, 27 фев. обстоятельное рассмотрение этой проблемы применительно к школьному обучению имеется в публицистических выступлениях писателя Ивана Сини-цына, особенно в статье «Ученье и труд» (Наш современник, 1982, №1, с. 140—156 №2, с. 130—145).

¹ Отсюда логичен вывод о том, что эстетика как наука имеет своей целью и единственным предметом исследования не вообще эстетическое (включающее в себя прекрасное и безобразное, комическое и трагическое, возвышенное и низкое, героическое и мученическое и т. д.), а красивое, красоту во всех явлениях природы и всех формах человеческой деятельности, а также эстетическую способность человека, эстетический вкус, идеал.

81

сти созидания, способности отвлекаться, забывать о своих непосредственных материальных потребностях, заботиться о совершенстве создаваемого не из-за корысти, а из любви к делу, предмету. Именно в совпадении эстетических и этических критериев в оценке труда надо видеть суть высказываний такого рода: «Без труда не может быть чистой и радостной жизни». В труде человека «заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги»⁶⁵. К этому же устремлены и рассуждения Ф. М. Достоевского о том, что «самое сильное средство перевоспитания, переделки оскорбленной и опороченной души на ясную и чистую есть труд», что «лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства», что «лишь трудом спасен будешь»⁶⁶. На огромную нравственно созидующую мощь труда обращают внимание и классики педагогической мысли.

Переход возможности в действительность в любой сфере человеческой жизни предполагает определенные объективные условия и субъективный фактор, влияние которых на сам процесс перехода никогда не бывает однозначным. Иными словами, объективные условия и субъективный фактор способны как благоприятствовать, так и тормозить реализацию эстетического потенциала труда, быть положительными или отрицательными агентами этого процесса.

Как отмечалось ранее, в принципе любой человеческий труд обладает определенным запасом эстетических возможностей, хотя они у различных видов труда не равнозначны. Но нельзя забывать и того, что в любом производственном, трудовом процессе грязь, всяческая нечистоплотность, аритмичность, звуковые помехи сводят почти к нулю самые богатейшие эстетические потенции труда, глушат их в зародыше. Эти объективные условия порождают такие субъективные явления, как халатность, небрежность, плохое знание дела, нелюбовь к труду, заботу лишь об экономическом

результате труда, рутинность, стандартность приемов, безынициативность, беззаботность об эстетическом достоинстве результатов труда и красоте самого его процесса, свидетельствующие о примитивизме эстетических способностей и потребностей,

⁶⁵ Чехов А. П. Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1956, т. 7, с. 424; т. 9, с. 337.

⁶⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произведений; М.; Л., 1926—1930, т. XI, с. 161, 16; т. XII, с. 427.

82

отсутствию творческих запросов и шаткости моральных убеждений работника.

Следовательно, любовь к труду, рождающая постоянную к нему готовность и увлеченность, сознательное стремление совершенствовать мастерство как важнейший путь превращения труда в потребность и творческое самоутверждение личности — элементарные предпосылки формирования высокоразвитого эстетического вкуса, способности открывать и в известном смысле создавать красоту на всех ступенях трудового процесса — от стимула до выдачи готового предмета.

У нас и за рубежом интенсивно и плодотворно исследуется положительная роль красоты (чистота, размещение оборудования, тональность окраски, освещение, устранение шумов и т. п.) производственной среды в повышении производительности труда, снижении утомляемости работника, создании благоприятной для человека атмосферы труда.

В эстетике давно обращается внимание на гармоничность ритма и темпа трудовой деятельности, соответствие их предмету и характеру труда, как на подлинную красоту, овладение которой помогает даже в тяжелом труде обнаружить источник эстетического наслаждения, ощущения полноты жизни.

Особенно велико значение эстетического потенциала труда, обусловленного заботой о качестве производимого продукта. Ведь красота любого предмета есть мера его совершенства, мера человечности его функционального назначения, способности наилучшим образом удовлетворять определенные общественные и личные потребности. Поэтому забота о красоте создаваемой вещи, приносящая действительно бескорыстную радость творцу, есть в одно и то же время забота, желание принести радость и другим людям. Плохая вещь, уродливое изделие огорчает, раздражает ее потребителя, и в этом смысле она не просто некрасива, но и безнравственна. В этом — ближайший источник совпадения, тождества эстетических и моральных критериев отношения к труду. Поэтому мы с полным основанием имеем право говорить об аморальности бракоделов и вообще нерадивых работников. Общественное значение этого аспекта красоты труда неизмеримо возрастает в условиях развитого социализма, когда забота о качестве, совершенстве создаваемых материальных и духовных благ является обязанностью (а в идеале потреб-

83

ностью) каждого члена общества. В этом и состоит смысл лозунга нашей партии о необходимости повышения эффективности и качества всех видов труда.

Огромное значение имеет психический аспект труда, роль в нем волевого начала, внимания, увлеченности. Поскольку целесообразная воля, выражающаяся во внимании¹, всегда воплощена в идеальном образе результата труда, она по необходимости доставляет человеку радость своим эстетическим достоинством не только в течение всего времени труда. В романе Григория Бакланова «Друзья» имеется такое размышление архитектора: «Нам дано счастье видеть свое дело, любить его заранее, верить, что никому кроме, только мне под силу это свершить». Несомненно, что здесь речь идет о ярко выраженном эстетическом отношении к своему делу задолго до его осуществления, так сказать, в период зарождения проекта. Но, скажут, он архитектор, человек творческого труда. А возможно ли подобное восприятие — оценка своего будущего дела человеком традиционного нетворческого физического или умственного труда? Да, возможно, должно, если труд любим, уважаем. Разве пахарь еще до посева не любит волнующим пшеничным полем, садовник не восторгается цветущим и плодоносящим садом, только

высаживая нежные молодые саженцы? Образ будущего результата труда в его предметно-неповторимой красоте является одним из важнейших стимулов деятельности не только работников полей, садов и лесов, но и всех людей, любящих свой труд; нет, почти нет труда, который не требовал бы для своего выполнения предварительного осмысления, размышления о наиболее совершенном способе достижения цели, реализации замысла, выполнения задания. Все подобные обдумывания, размышления, взвешивания и сопоставления осуществляются в представлении, предполагают игру образов, активность воображения, продуктивность его деятельности. Все это возможно, если человек любит труд, уважает свое дело как смысл своего бытия, а не только как источник доходов, лишь средство существования.

В связи с этим возникает вопрос: как с детства привить, выработать именно такое отношение человека к делу, любому труду? Как добиться этого в условиях, когда нет экономической необходимости участия детей в производительном труде, когда в подавляющем своем большинстве дети получают все жизненные блага без всяких трудовых

84

усилий, часто понятия даже не имеют о том, что все трудом добывается? Это новая для общества, важная и еще нерешенная проблема. Частично ее решение можно получить в результате расширения эпизодического участия детей и юношества в непосредственно производительном труде (детские хозяйства при некоторых сельских школах, студенческие стройотряды, участие школьников в полевых работах и т. п.). Но лишь частичное, ибо эпизодический труд, и к тому же оплачиваемый, не способствует глубокому раскрытию эстетических его возможностей, формированию трудолюбия как *устойчивого, постоянно действующего человеческого стремления.*

Вероятно, необходимо расширить поле поисков решений этой задачи, учитывая то, что в жизнедеятельности современного человека удельный вес производительного труда постепенно снижается, а в перспективе, под влиянием научно-технической революции, эта тенденция будет углубляться. Наряду с этим неуклонно будет возрастать объем и удельный вес труда в сфере общественного и индивидуального обслуживания, значительное время будет занимать приобщение к знаниям и другим духовным ценностям. Уже сегодня 10—15, а то и 20 лет, т. е. треть жизни человеческой, занимает обучение. Рост благосостояния людей сопровождается увеличением количества вещей индивидуального назначения, которые тоже нуждаются в уходе, чистоте и порядке, т. е. в затрате человеческих усилий, труда. Жилплощадь с каждым годом расширяется — и она требует ухода. Верно, что растут возможности механизации домашнего труда. Но как бы ни высока была степень индустриализации этой сферы, она полностью не заменит труд человека, пользующегося вещами, квартирой и т. д. да к этому, вероятно, и не следует стремиться.

Видимо, в этих сферах жизнедеятельности человека и следует прежде всего искать пути и средства формирования у детей трудолюбия, постоянной готовности к труду. Верно, конечно, что эстетические возможности этих видов труда не столь явны, как труда непосредственно производительного. Но они существуют. Возьмем, к примеру, обучение, которое не для всех школьников является источником удовольствия и радости. Многие учатся по необходимости, едва ли не по принуждению. Вот здесь-то и должна сказать свое слово эстетика школьного обучения (и не только школьного) о том, как сделать познание радостным, увлекательным занятием, как изгнать из школы

85

скуку, однообразие и монотонность, как заставить говорить живым, красочным языком каждую букву и цифру, любой новый параграф грамматики, ботаники, истории и географии, как сделать красоту первой наставницей на каждом уроке, а радость рождения и узнавания нового — постоянной соседкой каждого ученика.

Без смелого включения элементов самостоятельности в обучение, без решительной

переориентации обучения с заучивания, запоминания знаний на формирование способностей, совершенствование умений и навыков невозможно реализовать эстетические возможности, красоту школьного обучения, сочетать его с воспитанием трудолюбия, самостоятельности, инициативности, способности ставить и достигать цель собственными усилиями.

Не исключено, что самостоятельность есть наиболее плодотворный метод формирования необходимых коллективу устойчивых стремлений и навыков личности, лучший метод актуализации эстетических возможностей труда, даже неинтересного, скучно монотонного, если хотите, неприятного. Верно, что различные домашние работы подразумевают эстетический аспект — любовь к чистоте и порядку. Верно и то, что работа эта не из приятных, особенно для ребят. Но внесите в нее элемент самостоятельности, состязания, выдумки — и отношение к этой скучной деятельности станет иным. А если детей с малости приучить к самообслуживанию (здесь вспоминаются старая традиция больших крестьянских семей приучать детей все уметь делать и противоположная традиция городского мещанства оберегать своих чад от грязной, черновой работы), к активному участию в делах взрослых, то «скучные» обязанности постепенно станут привычкой, рождающей сознание самостоятельности, чувства собственного достоинства и равенства. Столь же постепенно будет складываться и эстетическое чувство потребности в чистоте и порядке, которое так часто отсутствует не только у детей.

Волшебная, чудодейственная сила самостоятельности, соревнования как способа действия, манеры исполнения состоит в том, что они способствуют превращению даже непривлекательного, скучного занятия в источник удовольствия и радости, пробуждению дремлющих в любом труде эстетических потенций.

В современных условиях нет каких-либо иных, столь же плодотворных путей формирования у всех детей любви к труду, постоянной готовности, желания поработать, еде

86

лать что-либо собственными руками. Вначале труд как увлекательная игра, излучающая радость самостоятельности, потом — мастерство, непрерывное совершенствование своих способностей, ведущее к вершинам творчества в любом деле, — таковы необходимые ступени превращения в действительность огромных эстетических возможностей труда, извлечения из него полноценных эстетических наслаждений, подлинной бескорыстной радости. Нет других, более надежных и глубоких источников эстетических наслаждений, чем красота собственного труда, красота бесспорная и положительная.

В последующем нам придется еще обращаться к различным аспектам красоты, эстетических способностей и потребностей — этих действительно социальных явлений. Рассмотрение же этой фундаментальной особенности социального движения в этом плане (как производство вещей) мы закончим решительным возражением против био-логизации эстетического феномена. Приписывание животным и даже растениям чувства красоты несостоятельно, несмотря на его кажущуюся убедительность (яркость цветения, пестрота птичьего оперения, изящество фигуры животных и другие человеческие оценки). Уверяют, например, в том, что животные любят музыку, наслаждаются разнообразием красок и т. д. Не исключено, что насекомым и животным одни звуко сочетания приятны, другие — вызывают раздражение. Но восприятия и ощущения у них не выходят за пределы животной психики, которой недоступно образно-синтетическое восприятие целого, различение предмета и его изображения (даже малыш, впервые увидя себя в зеркале, ищет за ним реального ребенка). Животному чужды чувства формы, пространственного многообразия, универсальной предметности, а главное — предметной воплощенности идеально-образного содержания, т. е. элементарные условия собственно эстетического переживания с его бескорыстной радостью. Бескорыстие — важнейший

критерий эстетического наслаждения как восприятием красоты материальных и духовных образований, так и их созиданием. У истоков же бескорыстия — совершенно новое соотношение способностей и потребностей человека.

87

4.

Революция в соотношении способностей и потребностей.

Бескорыстие созидания—«душа» социального движения.

Проблема соотношения фундаментальных свойств живых существ, обозначаемых понятиями «способности» и «потребности», отнюдь не самоочевидна. В Толковом словаре русского языка значение термина «способности» раскрывается так: 1) природное дарование, склонность к усвоению чего-нибудь, к занятиям чем-нибудь; 2) возможность, умение что-нибудь делать. Возможность, умение переживать и действовать в той или иной области психической жизни, свойственной живому существу; 3) качество, свойство, состояние, дающее возможность производить те или иные действия, исполнять ту или иную работу ¹*

Термин «потребности» разъясняется как надобность,; нужда в чем-нибудь, без удовлетворения которой невозможно обойтись ⁶⁸.

Не анализируя содержания приведенных дефиниций, отметим лишь типичный для толковых словарей эмпирически-аналитический способ рассмотрения и обратимся к философско-теоретическому уровню исследования. В философской энциклопедии опубликованы статьи о способностях (т. 5, с. 118—119) и потребностях (т. 4, с. 327—329). Достоинство той и другой состоит в том, что способности и потребности связываются с деятельностью; потребности к тому же соотносятся с целями, поведением, мотивацией. Но опять же даже не поставлен вопрос о соотношении этих понятий и обозначаемых ими свойств между собой. Хотя то сугубо эмпирическое обстоятельство, что они, эти свойства, характеризуют с каких-то сторон нечто единое, подсказывает необходимость синтетического их рассмотрения. Более того, в науке эта необходимость давно осознана. Впервые К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» предельно ясно поставил вопрос о фундаментальном различии соотношения этих качеств у животных и человека. Правда, здесь возможно возражение в том

⁶⁷ См.: Толковый словарь русского языка. М., 1940, т. IV, с. 448^-449. ^a Там же. М., 1939, т. III, с. 660,

88

смысле, что мол это ранний, а не зрелый Маркс и к тому же в самой постановке вопроса у него отсутствует понятие «способности». Подобное возражение снимается, во-первых, тем, что постановка задачи у К. Маркса осуществлена строго материалистически, а, во-вторых, отсутствующее понятие «способность» полностью представляет понятие «производство» (что же это за производство без способностей и, конечно, потребностей и целей).

Согласно К. Марксу, «способности» животного тождественны его потребностям,, жестко ими детерминированы: «Оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности», оно производит односторонне, по меркам своего лишь вида, «в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш» ⁹, животное, лишь производя самого себя воспроизводит свою популяцию и, конечно, вносит своими потребительскими действиями (не сознавая того) некоторые изменения в окружающую среду. В известном смысле справедливо утверждать, что у животных еще нет полной дифференциации этих фундаментальных свойств, что и те и другие функционируют по большей части на уровне инстинктов или рефлексов. Они строго однообразны у представителей одного вида и отличаются устойчивостью высокой степени, повторяемостью из поколения в поколение.

Словом, «способности» животного — прямое, непосредственное продолжение его

потребностей, хотя в своем действенном проявлении они в пространстве и времени постепенно расчлняются по мере усложнения органов животного, особенно в ходе формирования поисковой деятельности. Расчленение способностей и потребностей идет по линии дифференциации деятельности на непосредственно материально-предметно-потребительскую и свободную от потребительства. Иначе говоря, происходит становление различных по направленности способов взаимодействия живых существ со средой: в понятии «способности» фиксируется активность живого существа, направленная на предметность среды, она связана с вынесением во вне, расхождением некоторых проявлений его природы (энергии, опыта, умений, физических и психических сил). В понятии «потребности» отражается активность обратного порядка, идущая от внешней предметности к существу, связанная с ее поглощением, введением в организм в том или ином,

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 93.

89

готовом или преобразованном виде. Полное завершение дифференциации способностей и потребностей в развитии живого происходит на уровне человека, социального движения (что не исключает, а предполагает их взаимопереходы). Но начало этой дифференциации уходит своими корнями в глубь животного, а может быть, и растительного мира.

Во всяком случае, антропогенез невозможно понять, игнорируя этот процесс. В этом плане заслуживает внимания книга А. Н. Тих «Предистория общества», в которой автор на опыте реконструкции сообщества предгоминид попыталась выработать представление о формировании новых способностей предлюдей и показать их ведущую роль в социализации, т. е. преобразовании старых потребностей. Согласно автору, не физическая сила, а способность жить в сообществе и подчинять интересы индивида интересам сообщества является ведущим фактором естественного отбора. Вместо отбора на плодовитость появился отбор на «умелость», особенно умение, способность сотрудничать в коллективных действиях по добыванию пищи. Именно в таких действиях формировались уживчивость, терпимость, взаимопомощь, способность к самоограничению в удовлетворении потребностей. С эволюцией трудовой деятельности связывает автор и совершенствование высшей нервной системы, формирование и тренировку тормозных процессов и речевого общения.

Словом, А. Н. Тих в своих предположениях о главном направлении антропогенеза на первый план выставляет формирование новых способностей и умений «в употреблении и обработке орудий» и, наконец, «способность отдавать часть своей добычи другим членам стада»⁷⁰. Бескорыстие как величайшая способность получает полный простор в условиях социального развития.

С. С. Батенин также высказывает сходные предположения, например, о развитии у обезьян «бескорыстного любопытства» к новым предметам, об их стремлении ознакомиться и оперировать предметами внешнего мира независимо от того, имеют или не имеют эти предметы непосредственно биологическое значение для организма. На почве этой деятельности у них развиваются новые навыки и способности. «И не исключена возможность, что среди предлюдей были выдающиеся в своей приспособительной активности индивиды, способности которых могли оказы-

⁷⁰ Тих А. Н. Предистория общества. Л., 1970, с. 281—282.

90

вать плодотворное влияние на формирование и развитие условно-рефлекторного поведения других особей сообщества»¹¹.

Следовательно, та универсальность человеческих способностей и свобода их от физической потребности в деятельном проявлении, о котором писал Маркс, есть продукт длительной эволюции живых существ, в том числе и на биологическом уровне их жизнедеятельности. Предположение о ведущей роли в антропогенезе формирования

новых, небιологических способностей является в высшей степени продуктивным. В развитии, совершенствовании универсальных форм и методов социального движения формирование новых способностей человека занимает одно из ведущих мест. Необходимо обратить внимание и на явное языковое сходство терминов «способность» и «способ». Последний в Толковом словаре интерпретируется как: 1) тот или иной порядок, образ действий, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели; 2) материальное средство, орудие для чего-нибудь⁷¹. Таким образом, получается многозначная терминологическая цепочка: способность—способ—порядок, образ" действий — метод — орудие. Симптоматичная связь способности — в конечном счете с орудием, а ближайшим образом—с методом действия, его порядком. В самом деле, любая способность (будь то самая универсальная, например познавательная, или самая специализированная, например, валить лес) представляет собой четко отработанный метод определенного действия.

Применительно к познанию Гегель определял понятие «метод» так: «Метод есть само это знание, для которого понятие дано не только как предмет, но и как его собственное, субъективное действие, как *орудие* и средство познающей деятельности, отличное от нее, но как ее собственная существенность. В ищущем познании метод также есть *орудие*, находящееся на субъективной стороне средство, с помощью которого она соотносится с объектом»⁷³. Разве не удивительно это терминологическое совпадение интерпретации способа-метода лингвистов и определения его великим философом. Ведь если вдуматься и расширить рамки применимости этого определения, то

⁷¹ Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976, с. 43—44.

⁷² См.: Толковый словарь русского языка, т. IV, с. 448.

⁷³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 291.

91

оно окажется справедливым в отношении к любой доведенной до совершенства способности в функциональном и субстанциональном аспектах. В самом деле, ближайшим образом любая способность как метод есть знание (пусть интуитивное, пусть на уровне представления) по крайней мере операционной структуры действия и основных для действия свойств его предмета; в актуальном аспекте способность есть и самое действие как его орудие и средство, и в то же время отличное от действия как его сущность, как находящееся на стороне субъекта орудие, средство связи с его объектом, предметом действия.

Самое важное здесь то, что способности признаются специфическими, идеальными, субъективными орудиями, средствами созидания, производства, помимо которых материальные, объективные орудия не могут осуществить свою функцию производительных сил. При этом необходимо иметь в виду, что способности — это такие орудия, которые в процессе действительного применения не амортизируются, не изнашиваются, а постоянно совершенствуются, расширенно воспроизводя себя, т. е. это орудия самого высокого КПД. Если к тому же не забывать и то, что доведенная до совершенства способность в своем деятельном проявлении доставляет человеку огромное эстетическое наслаждение, подлинную бескорыстную радость, то станет еще более убедительным предположение об огромной важности формирования новых способностей как источника социального развития⁷⁴. Необходимо специально подчеркнуть, что решающим условием расчленения способностей и потребностей, формирования их не только как относительно самостоятельных, но и взаимосвязанных фундаментальных свойств индивида явилось возникновение общества с его устойчивыми отношениями, принципами разделения труда, обмена деятельностью и т. д.

⁷⁴ Не в этом ли надо искать ключ к разгадке многообразных волшебных превращений и подвигов сказочных героев, не возведены ли здесь в ранг бессмертной красоты способности человека к созиданию, творчеству безграничного предметного многообразия? Не здесь ли источник очень высокой оценки (вплоть до признания божьим

даром) человеческих способностей в сознании, литературе, искусстве. «Бог одного одаряет способностью к брани, другому... в перси разум влагает светлый: плодами его племени благоденствуют смертных, оными грады строят»,— читаем в «Илиаде» (М., 1957, с. 232). Вообще благородная задача — исследовать эволюцию человеческих способностей, оценить место в человеческой жизнедеятельности их различных уровней и видов, раскрыть противоречивость этого процесса.

92

Касаясь этого вопроса, К. Маркс подчеркивал, что «развитие способностей рода «человек», хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву». Продолжая эту мысль, Маркс пишет: «В мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*, в чем и состоит сила этих последних, их преимущество»⁷⁵. Приведенные рассуждения Маркса адекватно характеризуют также развитие и потребностей рода «человек». Что же касается «особых индивидов» как творцов новых способностей, особенно в сфере созидания материальной предметности, да во многом и духовного производства (исключая область коммерции, управления, военного дела и некоторые периоды развития искусства и науки), то хотя их интерес и совпадал с интересом рода «человек», но ощутимых преимуществ это им не создавало. С задания, лишения, преследования и непонимания со стороны совершались подвиги большинства индивидов-первопроходцев и, конечно, бескорыстная радость созидания. Верно, что промышленный переворот внес в этот процесс некоторые коррективы; полностью же преобразовать его, привести в гармонию интересы индивида и рода по линии развития способностей под силу лишь социализму и коммунизму⁷⁶. Ведь переход человечества к социализму необходим прежде всего для того, чтобы создать такую организацию производства, где, «с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развиваться во всех направлениях и действительно проявлять все свои способно-

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 123. ⁷⁶ Даже Л. Уорд видел высший идеал счастья «в свободном упражнении наибольшего числа энергических способностей. Таков же должен быть и высший идеал этики» (Уорд Л. Психические факторы цивилизации. М., 1897, с. 132).

93

сти, как физические, так и духовные,— где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение". В коммунистическом труде В. И. Ленин видел сознательное к нему отношение как к «высшему источнику наслаждения и счастья»⁷⁸ и считал его главным условием развития каждой личностью своих способностей и талантов⁷⁹. Социализм уже во многом раскрыл эти свои возможности. В статье «Реальности нашей эпохи» Р. И. Косолапов так ставит вопрос: не есть ли совокупность человеческих способностей и их проявления в совокупном конкретном труде, создающем потребительные стоимости «искомая элементарная форма богатства социалистического общества?»⁸⁰. Можно без колебаний утвердительно ответить на этот вопрос, дополнив характеристику конкретного труда рациональным применением в нем природных ресурсов и прошлого опыта.

Генеральный путь превращения труда в потребность идет по линии развертывания, совершенствования способностей и реализации эстетических возможностей труда.

Рассматривая соотношение способностей и потребностей, необходимо дать определение этим понятиям.

Не претендуя на завершенность и полноту определения, раскроем их общесоциологический аспект.

Способность — это фундаментальное свойство личности целесообразно-дифференцированно и эффективно применять свои физические и духовные силы в целях материального или идеального преобразования (воспроизведения, сохранения, изменения) предметов окружающего мира соответственно потребностям человека, согласуемого с их собственной природой. Способности в структурном плане представляют собой систему одаренностей, склонностей, умений, навыков и т. д.

Потребность — это фундаментальное свойство личности иметь подвижную систему сигналов — состояний, регулирующих постоянно воспроизводимое взаимодействие ее со средой путем материального и духовного присвоения преобразованных соответствующим образом^ предметов окружающего мира с целью воспроизводства и совершенствования своих способностей. Потребности тоже харак-

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, С. 305.

⁷⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 40, с. 315.

⁷⁹ См.: Там же, т. 35, с. 195.

⁸⁰ Литературная газета, 1977, окт., с. 10.

94

терйзуют целостность организма и личности и образуют систему желаний, нужд, прихотей, вожделений, страстей и т. п. Так как в обоих определениях фигурирует понятие «цель», которое фиксирует своеобразие связи этих фундаментальных свойств человека, то необходимо определить ее.

Цель — это общесоциологическое понятие для обозначения такого фундаментального свойства личности, как интегрирование способностей и потребностей, всех видов деятельности в пространственном и временном разнообразии (прошлое и будущее, возможное и действительное), личности и социальных общностей (группа, класс, нация, человечество), свободы и необходимости. Цели с наибольшей полнотой и глубиной выражают и формируют целостность личности (целесообразная воля, способная сознательно подчинять себе деятельность личности) и, подобно другим свойствам этого ранга, представляют собой систему идеалов, устремлений, убеждений, интересов, надежд, чаяний и т. п.

Даже из предварительного определения этих понятий видно, насколько значителен диалектический потенциал взаимодействия фундаментальных свойств человека. Потребности и способности противоположны по своей направленности и функциям, способности и цели — тоже, но в своем единстве—они суть органическое целое. Поэтому их противоположность не следует абсолютизировать, так как, например, противоположность способностей и потребностей настолько подвижна, что они переливаются друг в друга, являются в чем-то и тождественными.

В самом деле, каждая способность созидания в отличие от способности потребления в качестве условия своего действительного, претворения по необходимости предполагает высокоразвитую, соответствующую ей потребность (созидания, творчества, более широко — потребность в труде, целесообразной активности). К примеру, даже выдающиеся художественные способности не воплотятся в подлинные творения искусства, если талантливая личность будет лишена непреодолимой потребности в художественном осмыслении окружающего мира, решении художественными средствами насущных вопросов жизни своего народа или всего человечества. Отметим, что в формировании потребностей созидания, творчества огромная роль принадлежит эстетической потребности, стремлению к совершенству, красоте в любом деле.

95

Если с этой позиции подойти к потребностям, то в качестве неперемennого условия

своего удовлетворения они предполагают соответствующие человеческие способности (культура, этика и эстетика потребления). Говоря о способностях потребления (пища, одежда, жилище, средства связи и т. д.), мы имеем в виду не только — и даже не столько — технический аспект процесса (хотя и он заслуживает внимания, предполагает определенные способности), но и нравственный (отношение к вещам всегда есть косвенное, а то и прямое отношение к человеку) и морально-экономический (каким способом добываются, приобретаются потребляемые вещи, какой ценой они достигаются). Каждая, даже самая благородная, возвышенная потребность по необходимости должна дополняться ей соответствующей способностью, в противном случае она неизбежно выливается в манию или служит причиной аморализма и преступного поведения). Здесь, по всей видимости существует определенная закономерная связь.

Каждое из фундаментальных свойств личности само по себе глубоко противоречиво, диалектично. Так, способности ближайшим образом дифференцируются на конструктивные и деструктивные, созидания и разрушения, сохранения и изменения, продуктивные и репродуктивные. Бесспорно, что созидание невозможно без разрушения, оно необходимое его условие и дополнение; но ведь разрушение, истребление может выступать как таковое, как потребность, самоцель, как самоуничтожение. Оно-то и составляет тайну, до сих пор волнующую человека. Достоевский, например, всю жизнь стремился постичь этот человеческий феномен, но так и не достиг цели. Нам необходимо решить эту невероятной трудности задачу. В самом деле, какие силы и обстоятельства превращают способность человека к активной самообороне в драчливость, буйство, агрессивность, в уголовщину, убийства и т. п.? Когда читаешь в периодической печати о такого рода происшествиях, особенно с участием подростков, то порой мысль заходит в тупик, не находя рационального объяснения. Пьянством, «сенсорным голодом», бездуховностью и другими подобными мотивами всего не объяснить. Исследовать извилистые пути превращения определенной обычной человеческой способности в животностихийную, античеловеческую — огромной важности задача нашей науки.

Потребности, как известно, дифференцируются на индивидуальные и общественные,¹ материальные и духов-

96

ные. Существует ряд их классификаций. Для нас же здесь важнее всего разграничение потребностей на созидающие и разрушающие, деформирующие личность. По определению и по сути дела удовлетворение потребностей призвано служить развитию и совершенствованию личности, ее творческих созидательных способностей. В условиях классово-антагонистических формаций возникает ряд потребностей, разрушающих, уродующих личность (страсть к нетрудовым доходам, алкоголизм, сексуальные извращения, наркомания, азартные игры и т. п.). Но не исключено превращение в свою противоположность и созидающих (особенно не первой необходимости) потребностей, если их удовлетворение не обеспечено высокоразвитыми созидательными способностями и превращается в самоцель, в смысл жизни, главный или единственный источник радостей и наслаждений, когда они абсолютизируются, отрываются от других потребностей и целей.

Цели принято подразделять на конкретные (идеальный образ предмета) и абстрактные (представления о некотором общем благе, идеале), что не исключает и других классификаций, например индивидуальные и классовые, общественные цели. Для нашего анализа важно дифференцировать цели на устойчивые, постоянные и текущие, изменчивые, преходящие, а также цели человеческие и бесчеловечные.

Непосредственная задача нашего анализа — обнаружить закономерности взаимодействия, взаимозависимости, т. е. субординации этих свойств человека.

Взаимосвязь способностей, потребностей и целей осуществляется на основе принципа соответствия. Вопрос же о субординации этих категорий, т. е. что чему должно соответствовать, решается с учетом того, что место личности в обществе определяют ее

творческие созидательные способности. Из этого следует заключение о том, что именно способности являются ведущим и определяющим элементом в системе фундаментальных свойств личности. Это находит свое выражение прежде всего в универсальности способностей человека к труду, к преобразованию действительности в соответствии с потребностями и по законам красоты, в этом выражаются его социально-личностные свойства. Потребности и цели личности должны диалектически сочетаться, субординироваться со способностями, т. е. служить их саморазвитию, самообогащению, совершенствованию, а не наоборот, как утверждает потребительская идеология. «Категорическим велением совести, долга, воли че-

4 А. П. Велик

97

ловека,— совершенно справедливо пишет Р. Косолапов,— должно быть развитие своих творческих способностей неизмеримо выше роста потребительских запросов»⁸¹. Соответствие потребностей и целей способностям имеет статус общесоциологической закономерности⁸². Итак, суть дела состоит в том, что способности и потребности людей, опосредствуясь целями, постоянно взаимодействуют, переходят друг в друга. При этом материальные, органические потребности все больше превращаются в средство обогащения, развития, совершенствования способностей — в этом и заключается процесс социализации человека. Рост материального благосостояния в условиях социализма — не самоцель, а одно из важнейших условий, «благоприятствующих всестороннему развитию способностей и творческой активности советских людей»⁸³.

Но трудность состоит в том, что такое соотношение материальных потребностей и способностей созидания не запрограммировано в генотипе человека, не возникает автоматически в процессе социализации личности. Необходимо сознательное регулирование этого соотношения, необходима особая способность сознания или духа. «Сила духа не может быть однозначно определена. У разных людей одного и того же общества она колеблется от незначительной и едва заметной, не преодолевающей господства биологических потребностей и страстей до силы, позволяющей человеку осуществлять разумную власть над своим телом, своими потребностями и т. д. Но через это индивидуализированное сознание в конечном счете проявляется

⁸¹ Косолапов Р. Быть или не быть личностью? — Октябрь, 1975, № 10, с. 126.

⁸² В нашей литературе есть и противоположная точка зрения по этому вопросу. Так, Е. Г. Куделин в книге «Диалектика производства и потребностей», возражая изложенной нами точке зрения в статье «Крушение» (Лит. газ., 1974, 16 окт., с. 11), пишет: «К сожалению, ведущим началом в этой системе А. Велик неправомерно называет способности». По мнению же Б. Г. Куделина, «ведущим началом в системе «потребности — способности» выступают все же потребности... Потребности составляют внутреннюю природу человека, способности потребительские и творческие — форму, в которой потребности себя обнаруживают» (М., 1977, с. 17). Способности человека, которые сделали его «богоравным», высшим существом, венцом природы, оказываются всего лишь... формой обнаружения потребностей, как унаследованных «человеком от природы» так и рожденных общественным развитием.

⁸³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1972, т. 3, с. 238.

98

власть социального над биологическим, сила, которая заключается в силе идеологического влияния общества на человека, в силе господствующего в данном обществе идеала физической красоты»⁸⁴. Хотя и не прямо, но С. С. Батенин затрагивает вопрос о регулировании соотношения способностей человека и его материальных потребностей. Властью, силой, регулирующей это соотношение в пользу способностей созидания, оказывается сила идеала физической красоты.

Батенин С. С. прав, усматривая в красоте регулирующую силу, но, органичившись физической красотой человека, он сузил пределы ее возможностей, ослабил, свел к

минимуму ее реально регулируемую власть. Решает тут дело не одна физическая красота человека, пусть даже на уровне Венеры Милосской или Апполона Бельведерского, а целокупность всех законов красоты, по которым способен свободно творить, созидать человек, внося в каждый производимый им предмет соответствующую ему меру, сочетаемую с мерой человека. Способность и потребность получать эстетическое наслаждение от бескорыстной радости такого созидания и есть та высшая власть, которая осуществляет действительное регулирование соотношения способностей и потребностей и поддерживает его на оптимально созидающем уровне.

Способность испытывать бескорыстную радость в процессе действенного проявления, созидающего утверждения своих способностей, получать от него полноценное эстетическое наслаждение есть одна из важнейших социальных способностей человека, родовое его качество⁸⁵. Прежде всего она и делает человека единственным среди живых существ, которое, даже будучи свободным от гнета материальных потребностей, может успешно создавать, производить.

Бескорыстие созидания состоит не в том, что человек *вообще* не принимает в соображение свои потребности, производя те или иные вещи. Нет, речь идет об ином: потребность человека в отличие от животного опосредствуется его способностями и целями. В созидающем действии человеку *необходима свобода* от давления материальных потребностей, чтобы сосредоточить все свои силы, сконцентри-

⁸⁴ Батенин С. С. Человек в его истории, с. 105.

^{8^} На бескорыстие как существенное свойство эстетического наслаждения впервые обратил внимание Н. Г. Чернышевский. См.: *Велик А. Л.* Эстетика Чернышевского, М., 1961.

4*

99

рывать внимание на предмете труда и будущем его результате. В центре его сознания находится идеальный образ создаваемого предмета, способ его созидания, а не потребность, которую он должен удовлетворить. Цель труда — созидание предмета, а не его потребление. Цель же деятельности животного — потребление.

В этом смысле и можно утверждать, что бескорыстие как способность увлекаться созиданием, получать от него самого радость есть качество любого социального зрелого индивида. В этом смысле можно сказать и то, что вдохновение как готовность, предрасположенность, умение сконцентрировать свое внимание необходимо в любом виде созидания, а не только в искусстве или науке.

Правда, есть такие виды деятельности, непосредственной целью которых являются корысть, выгода, доход, приобретательство (ростовщичество, мошенничество, торговля, производство капитала, прибыли, грабительские войны, грабежи). Говорить о бескорыстии здесь не приходится, так как все они далеки от созидания, производства новых предметов, хотя производство капитала, прибыли и тождественно производству вещей. Существо дела не меняет и то, что длительное время целые классы людей, даже отдельные народы поглощены целиком такого рода сугубо своекорыстной деятельностью. Подобная деятельность хотя и социальна по форме, но она налагает на эти классы и народы неизгладимый отпечаток бесчеловечности, социальной ограниченности.

Относительно бескорыстия созидания возникает один вопрос. Если оно родовое качество человека, то как отражено, зафиксировано в общественном сознании, как передавалось из поколения в поколение, формировалось в личности? Нелегко ответить на этот вопрос. И если сравнить бескорыстие с алчностью, своекорыстием, стяжательством, то прямо заметим, бескорыстия явно не повезло.

В самом деле, читая «Илиаду» и «Одиссею»^{8в}, мы обнаруживаем, что там не только рядовые воины, но и военачальники всех рангов и даже боги всех степеней до Зевса включительно обуяны страстью своекорыстия, жадной

В работе и впредь будут привлекаться типические ситуации и суждения из

классических произведений мировой и отечественной литературы как заслуживающие доверия свидетельства соответствующей эпохи об устойчивости, повторяемости запечатленных в них социальных явлений.

100

добычи, подарков и жертвоприношений. Даже в помине нет бескорыстия. Правда, о Гекторе сказано, что он «научился быть бесстрашным, храбро всегда меж троянами первым биться на битвах, славы доброй отцу и себе самому добывая» (с. 120). Не совсем, конечно, бескорыстие, но все же... Надо, впрочем учесть, что в «Илиаде» изображается война, в которой трудно проявлять бескорыстие.

В мировой литературе есть один гениально созданный образ рыцаря бескорыстия — это Дон Кихот Сервантеса. Ведь он уверен, что прямая его обязанность «в том именно и состоит, чтобы помогать беззащитным, мстить за обиженных и карать вероломных... искоренить насилие и оказать помощь и покровительство несчастным... защищать обиженных и утесняемых власть имущими». Он дважды повторяет, что «по воле небес родился в наш железный век, дабы воскресить золотой», т. е. рыцарство⁸⁷. Вообще-то бескорыстие явное. Но утверждается-то оно мечом и копьем и проку в нем немного. Наш герой как бы помутился разумом и в то же время способен очень логично и трезво рассуждать. Конечно, не о графстве Санчо Пансо и своем императорстве, а о человеке, его правах и обязанностях, об эстетическом кодексе и т. п. серьезных предметах. Отношение великого писателя к бескорыстию не совсем ясно, загадочно.

А вот в русской народной сказке оно представлено ясно. Бескорыстие героя в созидании и в воинском подвиге во имя защиты Родины изображено как одно из величайших достоинств человека. Никита Кожемяка спас государство от великого бедствия, уничтожил змея-людоеда, но «не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять». Бескорыстие получило в народной сказке высокую эстетическую оценку не случайно. Оно рассматривается в качестве первейшего условия свободы действия героя, ему нет нужды пресмыкаться перед богачами, заискивать перед властями, рабски дрожать за свое состояние. В бескорыстии сказка видит источник благородства, человечности и других высоких достоинств героя⁸⁸. Одной их плодотворнейших тра-

Сервантес Сааверда Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М., 1951, ч. I, с. 146.

См.: *Велик А. П. Этические и эстетические мотивы русской народной сказки.—В кн.: Из истории эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961, с. 322—325.*

101

дий русской национальной классической литературы стала высокая эстетическая оценка бескорыстия.

«Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум, Усовершенствуя плоды любимых дум Не требуя наград за подвиг благородный. Они в самом тебе...»⁸⁹

Таким образом, бескорыстие — один из тех феноменов социального движения как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса, который еще недостаточно исследован и оценен наукой. Но нет сомнения, что он органически связан с *опосредствованием* к рассмотрению которого мы и приступаем.

¹⁹ *Пушкин А. С. Поли, собр. соч.: В 10-ти т. Л., 1977, т. III, с. 165.*

Глава третья

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЦЕЛОГО

1.

Опосредствование. Все орудия труда — посредники

Выше речь шла об орудиях труда как посредниках человека в его взаимодействии с природой, но на уровне явлений. Теперь нам предстоит рассмотреть его как универсальное фундаментальное свойство социальной формы движения, т. е. доказать, что «человеческий способ действия (а также и сознание) в принципе опосредствованного

характера»¹. Иногда даже творческому взгляду процесс опосредствования кажется недостойной внимания науки банальностью, ставшей уделом обыденного сознания. Нам представляется несколько поспешным подобное мнение даже относительно материального производства. Верно, что еще Гегель обратил внимание на процесс опосредствования в разумной деятельности. «Разум столь же *хитер*, сколь *могущественен*. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом взаимодействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою* собственную цель»². Не вдаваясь в специальный анализ гегелевского понимания опосредствования, переплетения в нем гениальности с гилозоистической наивностью, приведем соответствующую цитату из «Капитала», в которой дана совершенно иная трактовка этого явления.

¹ *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973, с. 148. В советской философской литературе эта работа является единственной, посвященной специальному исследованию проблемы. Особенно фундаментально в книге проанализировано значение опосредствования в возникновении и функционировании сознания.

² *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 397.

103

«Средство труда есть вещь или комплекс вещей,— пишет Маркс,— которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»³. Самое существенное различие в подходе к опосредствованию Гегеля и Маркса состоит в том, что посредники (взаимодействующие объекты) не сами по себе осуществляют цель человека (Гегель), а являются орудиями воздействия на другие предметы, что человек сознательно их помещает между собой и другими предметами, целесообразно изменил их природную форму, так выделяя их механические, физические, химические свойства, чтобы они становились проводниками воздействия человека на другие, подлежащие изменению предметы природы.

Важно подчеркнуть, что опосредствованность есть существенная особенность деятельности человека как *орудийной*. Важно и то, что в качестве орудий могут выступать не только заново создаваемые человеком предметы — с их механическими, физическими и химическими свойствами, но и готовые, природой формируемые образования (химические процессы, биохимические реакции, организмы и т. д.), включаемые человеком в социально организуемые комплексы или циклы.

«Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средства труда, на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»⁴. Так расширяется объем понятия «посредники-орудия», ибо все прирученные животные сюда включены (но, вероятно, не одомашненные животные, которых можно рассматривать орудиями досуга человека). Не подлежит сомнению включение в класс орудий-посредников всех культивируемых растений, поскольку они до сих пор представляют одно из важнейших средств производства продовольствия и сырья для промышленности. Особый класс посредников-орудий составляют парковые, декоративно-озеленительные растения как средства эстетического отношения человека к природе.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 190.

⁴ Там же.

104

В состав посредников включаются все созданные человеком сооружения, как производственные, так и жилые, средства связи, а также используемые людьми

природные образования — реки, моря, океаны, атмосферные течения и т. п. Одежда и обувь, вещи бытового назначения, предметы роскоши — все это тоже посредники и орудия самых разнообразных видов действия. Словом, все материальные образования, которые окружают человека и применяются им действительно во всех сферах его жизнедеятельности, исключая продукты питания, составляют исключительно многообразный мир посредников в отношениях человека с природой и друг с другом.

Но и этим не положен предел миру посредников: язык и все родственные ему явления, многообразный класс посредников типа денег, юридические, политические, моральные, художественные, религиозные, философские, научные системы установлений (учреждений, норм, представлений, образов и т. д.), опосредствующих все отношения между людьми, классами, различными социально-этническими общностями, личностью и обществом, государством и т. п. в их генетическом и структурно-функциональном многообразии и противоположности. Данный мир социальных форм связи замыкают совершенно уникальные посредники, а именно посредники-люди, целые классы, социальные группы и даже народы (торговцы, ростовщики, банкиры, жрецы всех эпох и народов, судьи и толкователи, всякого рода маклеры и т. п.).

Могут спросить, а что принципиально нового для понимания существа общественной жизни дает такой угол зрения? В самом деле, столько уже понастроили разных «углов и точек зрения» — культурно-исторический, кибер-нетическо-информационный, коммуникационный, деятель-ностный, детерминистский, аксиологический, что внимание рассеивается, устойчивость знаний теряется. Безусловно, во время «строительной горячки» скептицизм к продуктивности нетривиальных постановок (они кажутся банальными) возрастает, сомнение в реальности их новизны усиливается.

И тем не менее вопрос относительно продуктивности каждой вводимой в научное обращение проблемы, аспекта рассмотрения должен состоять не в том, что они *дают* принципиально нового для понимания известного предмета, а что они *берут* в качестве своего содержания из самого (уже давно известного) предмета, есть ли в самом предмете

105

предлагаемый аспект или он вносится, риписывается предмету исследователем.

При таком подходе реальность проблемы опосредствования и, следовательно, посредников как понятий не может подвергаться сомнению; с ней каждый ежедневно встречается в индивидуально-эмпирической жизни, в поведении, труде и т. д. Вводимые понятия имеют предельно конкретное содержание и одновременно всеобщую для социального движения сферу применимости, т. е. это понятия общесоциологические и общеполитические, понятия исторического и диалектического материализма. Благодаря своей интегрирующей роли они объединяют в один класс, на первый взгляд, несовместимые предметы: материальные и духовные образования, объективные и субъективные, так как все они функционируют как опосредствующие звенья человеческой деятельности.

Более того. Введение этих понятий дает возможность иначе представить (именно представить, почти созерцать) такие социальные образования, которые тысячелетиями изображались возвышающимися над индивидуальностью и обществом (пантеоны небожителей-богов, государственные юридические институты, выдающиеся политические деятели и т. д.). Представляя себе эти и подобные им образования в качестве посредников межчеловеческих отношений, мы, не снижая их социальной роли, демистифицируем эти образования, восстановим человеческое их назначение и происхождение, несмотря на порой встречающуюся всю античеловечность их функционирования. Беда не в том, что эти посредники легко абсолютизируются, отрываются от людей и их деятельности в теории, воображении, а в том, что в реальной жизни их не так уже трудно оторвать от человека (они всегда расчленены, дискретны) и направить против него, — ведь не сами они, а именно человек, также как и класс, партия, группа, иногда социально-этническая

общность определяют характер, направленность их использования в качестве орудий. Но рассмотрение этой особенности посредников необходимо предварить хотя бы самым общим анализом строения цикла человеческой деятельности, прежде всего труда.

Термин «трудовой цикл» интуитивно ясен, в работе он применяется для обозначения устойчивого, повторяющегося во времени строения любой конструктивной, созидательной деятельности, детерминированного ритмом и содержанием производства и потребления как целостного процесса.

106

Интуитивно ясно, что в труде как классической форме целесообразно, сознательно опосредствованной орудийной деятельности происходят изменения не только в объекте, но и в субъекте деятельности. Причем специфика последних состоит в том, что они относятся не к строению тела, его органов (они должны оставаться стабильными), а к функциям организма. Все же остальные изменения переносятся на посредников, на орудия. Данная схема в принципе может быть распространена на все виды человеческой деятельности, а все посредники можно рассматривать в качестве орудий со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ввиду фундаментальности опосредствования как универсальной формы социальной связи и взаимодействия необходимо, хотя бы в общих чертах, остановиться на его структуре и происхождении. Опосредствование — это понятие для обозначения трехчленной (и более) связи (А-С-В), отличной от двучленной (А-В) как непосредственной прямой*.

В этом смысле все связи и взаимодействия досоциальных видов движения условно можно оценивать как непосредственные. Если в них и встречаются опосредствования, то их посредники по своей природе однотипны с основными членами связи или взаимодействия, весьма устойчивы по своей структуре и функциям, как, например, вода в геологических и биологических процессах. Совершенно иного рода опосредствование социальных связей, в том числе трудового взаимодействия человека с природой. В точном смысле слова человеческий труд начинается там, где вещество природы изменяется соответственно целям человека не прямо движением его рук и ног, головы и пальцев как естественных сил (они сами появились в орудийной деятельности), а прежде всего движением с помощью тех же рук и ног или других энергетических источников орудий труда — предметов природы, преобразованных человеком при помощи других предметов природы. Даже исходные орудия труда вроде каменного топора, палки с каменным наконечником и т. п. тем отличаются от классических предметов природы, что генетически и функционально они порывают связь со своим (минералогическим, биологическим и т. п.) видом и буквально перескакивают в качественно иное, социально-трудовое

^ См.: Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 148.

107

движение — становятся посредниками в обмене веществ между природой и человеком.

† Когда предок человека находил предмет, пригодный для потребления в его природном виде и употреблял без каких-либо изменений, он не вырывал этот предмет из системы природно-биологических связей и сам не отклонялся от предначертанных ему природой путей, т. е. действовал как и любое другое животное. Но как только тот же предок человека начинал манипулировать с разнородными природными предметами (камень — камень, палка — палка, кость — дерево, палка — сухожилие — камень и т. д.) не только под нажимом непосредственной физической потребности, но, может быть, и ради любопытства, он вступал на путь иного, небиологического движения, на путь обнаружения в природных предметах, их свойствах, формах, видоизменениях новых, непотребительских возможностей. В этих, поначалу случайных поисках, бесчисленных пробах и ошибках наш предок и нашел-таки способ «приручения» ранее ему совершенно

непригодных предметов, превращения их путем воздействия одним на другой в своих посредников в деловом общении с природой. К ним он привыкал, сживался с ними (ведь пригодные для потребления предметы сразу потреблялись, исчезали), опредмечивал в них свои рождающиеся способности и тем самым возвышался в собственном представлении.

Словом, вместе с первыми орудиями-посредниками в жизнь формирующихся людей входило нечто совершенно другое, от них отличное, и в то же время их собственное, ими порожденное, к тому же весьма устойчивое как по форме, так и по функциям. Не исключено, что изготовление и использование первых орудий труда из камня, кости и дерева было поворотным пунктом, рубежом не столько в изменении окружающей среды, сколько физической и психической природы палеоантропов, в становлении одного из их видов в род *homo sapiens*. Решающее, вероятно, значение здесь имела именно *устойчивость орудий и операций как средства формирования* (на основе механизма наследственности) *устойчивой морфологической структуры живого организма*, способного к новому, опосредствованному способу функционирования. Только на этой основе и открылась возможность обратного потока изменений: стабильный по своему строению и способу действия человек стал нарастающими темпами изменять окружаю-

108

щую среду, строить ее для себя и тем самым совершенствовать свои способности и потребности.

Не подлежит сомнению, что человеческая рука и нога сформировались именно в эпоху палеолита, а в процессе упорядочивания повторяющихся, разнообразных действий формирующейся руки изменялся и мозг, психика эволюционировала в направлении к абстрактному мышлению с его речевой деятельностью, позволяющей операции с образами предметов как способ регулирования операций с предметами, фиксировать и передавать другим по мере накопления опыта. Но самое главное — был найден и усвоен принцип превращения негодных, «ничьих» предметов (помех, может быть, даже отходов, мусора) в незаменимых помощников-посредников в общении человека с природой путем изменения, совершенствования этих предметов в результате воздействия на них другими предметами, уже измененными человеком. Был открыт принцип человеческого труда как способа совершенствования природных предметов с учетом их меры, а не только меры человека, словом, был найден принцип «приручения», совершенствования, когда функциональное *ничто* превращалось в *нечто* функционально важное, значимое.

Примерно, по этому же принципу, как по матрице, происходило «приручение» огня и воды, животных и растений, чем и завершается становление человека и общества.

Важно, что человек разумный как новый вид живых существ на Земле появился не как завоеватель, не как агрессор, а на первых порах как хозяин «ничьих» предметов, занял свободное место, стихийно вписался в сложившийся до него круговорот веществ. Обогащение жизни разумом и новым принципом обменных процессов (опосредствование сознанием и преобразованным предметом природы), принципом универсального воспроизведения как совершенствования, упорядочения и явилось главным достижением на этой стадии развития посредников.

Вторая стадия их развития началась «приручением» металлов, производством металлических орудий-посредников, что способствовало мощному взлету производительности индивидуального труда, возникновению на этой основе личного хозяйства, а позднее — и частной собственности в индивидуальной, групповой и государственной формах. Появляются первые машины — гончарный круг, ткацкий станок; происходит превращение даже самого человека в своеобразное говорящее орудие-посредника,

109

ибо теперь он становится рабом, крепостным отдельного собственника или класса собственников, организованных в государство.

Чем более мощными становятся орудия-посредники (плантации монокультур, огромные стада скота, машинное производство с использованием энергии пара, электричества, сгорания нефти и газа, внутриядерных процессов), тем более глобально нарушается круговорот веществ, тем все больше становится разрыв в темпах использования обществом природных ресурсов (движение снизу вверх) и их восстановления (движения сверху вниз), т. е. происходит превращение характерной для первой стадии воспроизведения человеком природы экологической стабильности в экологическую неравномерность с ее тенденцией движения от эпизодических и локальных потрясений ко всеобщему экологическому кризису.

К тому же, если принять во внимание экспоненциальный рост отходов промышленного производства, угрожающих самому физическому существованию человека, тенденцию к массовой фальсификации продуктов питания и катастрофически нарастающий разрыв между созидательным потенциалом современных средств производства и смертоносным потенциалом средств массового поражения, то становится совершенно очевидным, что вторая стадия воспроизводства человеком природы полностью себя изживает, силы разрушения, самоуничтожения по своим возможностям начинают противостоять силам созидания и сохранения.

Дело, вероятно, не столько в самих темпах различных изменений^в, роста производства и других количественных показателях социального движения, не в самих орудиях-посредниках, сколько в том, что совершающиеся в процессе производства разрушения в значительной мере уже вышли из-под контроля и регуляции самих природных сил, как это было на первой стадии воспроизводства природы, и еще не взяты под контроль и регулирование чело-

⁶ Конечно, скорость, темпы превращений тоже имеют границы. Если период полураспада урана 238 в природных условиях длится 4—5 млн. лет, а время взрыва атомной бомбы измеряется долями секунды, то подобный перепад что-то значит для течения всех естественных процессов. Вообще следует заметить, что нарастание темпов изменений в сфере социального движения заслуживает самого пристального внимания науки в плане выработки критериев их оценки, границ их оптимации и минимизации.

110

веком. Когда речь идет о регулировании и контроле обмена веществ между природой и человеком, то на первом плане должны быть не узкоутилитарные, производственно-технологические и, может быть, даже текущие экономические задачи, а прежде всего глобальные экологические цели, т. е. забота о поддержании экологического равновесия между обществом и природой, о сохранении необходимого разнообразия условий для всех форм земной жизни.

На первой стадии освоения природы эти функции были еще сравнительно незначительными; во всяком случае техническая мощь человека и вносимые им в природу изменения были природе почти безразличны, с ними сравнительно успешно справлялись орудия-посредники и коллективистское сознание формирующихся и первобытных людей. Изменения способностей и потребностей человека довольно строго регулировались и контролировались (детерминировались) наличным уровнем развития производства и коллективной собственностью, уравнивательным потреблением коллективно добываемых средств к жизни.

Встречались и в каменном веке экологические отклонения, нарушения равновесия, но они были просто ничтожны перед могучими силами природы, потому она справлялась с ними сама, без помощи человека. Совершенно иная ситуация возникает на второй стадии. Постоянно возрастающий производственно-технический потенциал общества порождает огромные возможности внесения таких глубоких отрицательных изменений в естественную среду, ведет к таким экологическим осложнениям, преодоление которых самой природе не под силу. Регулирующие и контролирующие возможности человека тоже возрастают, но их реализацию тормозит частнособственническая организация

производства, охватывающая $2/3$ мирового хозяйства и гигантские военные расходы. Жажда немедленных и ощутимых успехов, прибылей в условиях капитализма усыпляет организаторов производства, заслоняет экологические последствия их хищнического хозяйничанья. В то же время эффективность экологической профилактики и гигиены в современную эпоху обеспечивают не столько фильтрующие установки на отдельных предприятиях, сколько глобальная и общегосударственная система мер по охране природы и восстановлению уже нанесенного ей урона. Все сегодня говорит за то, что

III

человечеству необходимо преодолеть вторую стадию, вступить в третью, т. е. перейти от капиталистического способа организации хозяйства, производства к социалистическому, коммунистическому способу.

Необходимость такого перехода обусловлена не только глубокими изменениями в отношении общества к природе, но и изменениями самого человека, которые произошли на второй стадии социального движения, в условиях антагонистических формаций. Говоря об этих изменениях, мы имеем в виду не продолжение «исторического становления самого человека» (он завершился на первой стадии) и не преодоление ограничений, налагаемых «его собственной физической организацией» (она не ставила никаких ограничений с тех пор как человек стал *homo sapiens*, человеком современного типа), о чем идет речь в статье Ласло Агошона «Особенности взаимодействия человека и природы в условиях научно-технической революции»⁷. Один из парадоксов социального движения может быть в том и состоит, что человек, оставаясь неизменным по своей физической, морфологической организации, вносит огромные геологические, физические, химические, биологические изменения, создает другую природу или ноосферу. Но человек, воздействуя на внешнюю природу, изменяет и свою собственную, развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Что это за силы?

Вероятно,— прежде всего способности, сущностные силы, сознание с его целеполаганием и многообразные потребности, которые отличаются, согласно Марксу, от потребностей животных безграничностью своего расширения. Не исключено, что многие из этих изменений не являются развитием дремлющих в человеке сил, а возникают заново, будучи детерминированными новыми условиями производства и социальными структурами (частная собственность, классы, государство и др.). Во всяком случае, личность на второй стадии освоения природы резко отличается от личности члена родовой общины, или патриархальной семьи, она антагонистична и, самое главное, очень далека от подчинения игры бушующих в ней сил своей собственной власти, очень далека она от гармоничности и всесторонности своего развития. Нет сомнения, что слова Маркса о подчинении собственной

⁷ См.: *Вопр. философии*, 1975, № 9, с. 86—88.

власти игры человеческих сил направлены против подавления, подчинения человеческих способностей и потребностей в условиях эксплуататорского общества бесчеловечным господствующим социальным силам — классам собственников. Главный порок любой частнособственнической, особенно буржуазной системы, состоит в том, что она фабрикует личность частичную, крайне одностороннюю по своим способностям, компенсируя эту односторонность насаждением разнообразных псевдопотребностей (алкоголизм, наркомания, сексомания) или культа потребительства. В этом смысле переход к социализму и коммунизму, т. е. к третьей стадии развития социального движения, означает спасение самого человека от деградации.

Даже самое общее представление о развитии посредников-орудий материального производства явно обнаруживает глубокую противоречивость этого процесса: совершенствование технологических возможностей средств производства ведет в условиях частнособственнического их применения к нарастанию их экологической

несовместимости с природнообменными процессами. Средства производства прогрессирующими темпами превращаются из орудий совершенствования, очеловечения «дикой природы» и созидания необходимых человеку материальных благ в источник ее массового загрязнения, разрушения, в средства поточной фабрикации опасных для жизни отходов. Короче говоря, обнаруживается тенденция перехода явлений в свою противоположность (создание — разрушение, жизнеобеспечение — подрыв оснований жизни).

Но как отмечалось ранее, орудия труда с первых дней своего рождения несли в себе это противоречие: выступали и средством созидания и орудиями разрушения, истребления, в том числе и самого человека. Сравнительно рано производство средств труда раздвоилось на изготовление собственно орудий труда — созидания — и оружия — орудий истребления, и чем дальше от начала, тем больше истребления человека, т. е. самоистребления⁸. Принципиально важно и то, что изготовление во-⁸ Согласно Б. Ф. Поршневу, первое жесткое отличие человека от животных состоит в том, что «люди — единственный вид, внутри которого систематически практикуется взаимное умерщвление» (*Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории.*— В кн.: *Философские проблемы исторической науки.* М., 1969, с. 109—110).

ИЗ

оружения стало (вероятно, одновременно со вступлением человека в эпоху так называемой цивилизации) ведущей, непрерывно совершенствующейся отраслью производства. Гений изобретательства и научных открытий получил здесь безграничный простор, особенно в современную эпоху — эпоху борьбы двух общественных систем и научно-технической революции. Современная капиталистическая система общественной жизни навязывает человечеству гонку вооружений, стремится довести до абсолютного совершенства средства самоуничтожения.

И совершенно естественно, что именно страны социализма, и прежде всего СССР, выдвигают принцип разоружения в самых различных его вариантах, в том числе ограничения стратегических вооружений.

Так выглядит противоречивость развития орудий-посредников материального взаимодействия с природой и между людьми. Ранее говорилось, что все посредники есть одновременно и орудия. Так ли это? Несомненно так. Ни один посредник не способен функционировать в этой своей социальной роли, если не может выступать в качестве орудия какой-либо специализированной или универсальной человеческой деятельности. Возьмем, к примеру, язык — это всеобщее средство, т. е. орудие человеческой коммуникации, связи между людьми, но он же и средство, орудие «осуществления и существования абстрактного, обобщенного мышления»⁹; он же — незаменимое орудие фиксации, запечатления и передачи от поколения к поколению человеческого опыта созидания и разрушения, его концентрации и сохранения. Язык имеет и другие функции, например экспрессивную. Посмотрим, свойственна ли языку как орудию-посреднику противоречивость, характерная орудиям-посредникам материального производства.

Оказывается, что язык (речь) при ближайшем рассмотрении выступает орудием как связи, общения, так и отрыва, разобщения людей. Достаточно вспомнить о языковом барьере, порождаемом многоязычием и даже диалектами в поле действия одного языка. А разве такие фундаментальные свойства языка, как синонимия и омонимия, не выступают постоянными помехами взаимопонимания, полноценного общения? Да ведь архаизмы и нео-

⁸ *Панфилов В. В. Взаимоотношение языка и мышления.* М., 1971, с. 15.

логизмы постоянно осложняют обмен мыслями и представлениями. Вообще, если проанализировать все языковые средства в их речевом функционировании, то обнаружится их неустранимая противоречивость: они выполняют функции как общения, так и разобщения¹⁰. В этом и сила, и слабость языка, но в этом же и его жизненная

полнота, источник вечного развития, обновления.

А разве язык как орудие осуществления и существования абстрактного мышления лишен противоречивости, разве слова постоянно соответствуют понятиям? Вспомним: «Спасительная голословность избавит нас от всех невзгод. Поможет обойти неровность и в храм беспорности ведет». На реплику студента о соответствии словам понятий, Мефистофель возражает:

«Бессодержательную речь всегда легко в слова облечь. Из голых слов, ярьсь и споря, возводят здания теорий. Словами вера лишь жива. Как можно отрицать слова?»¹¹

«Голые слова» — какой глубокосодержательный образ, как часто нам приходится с ним сталкиваться в реальности абстрактного мышления, которое то и дело отождествляется, низводится до бессодержательности, голого пустословия.

Но не только это. Второй его лик, — имеется в виду «Silentium» Ф. И. Тютчева, его общеизвестное суждение «Мысль, изреченная, есть ложь», отсюда и его как бы отшельнический призыв: «Молчи, скрывайся и тай и чувства и мечты свои... Любуйся ими — и молчи», «Питайся ими — и молчи», «Внимай их пенью — и молчи!»¹² Воспевание молчания, т. е. отрицания словесного общения, — не просто поэтическая фигура, а осознание замечательно тонким, проникновенно глубоким поэтом-философом, граничащей с трагизмом противоречивости языка, слова и мышле-

¹⁰ Не противоречивость ли функционирования системы «мышление — язык» имеет в виду Б. Ф. Поршнев в своем тезисе о втором жестком отличии человека от животных, состоящем в том, что «люди — единственный вид, способный к абсурду, а логика и синтаксис — его «деабсурдизация» (Указ. соч., с. 110). А не ближе ли к сути дела предположение о том, что логика и синтаксис (грамматика вообще) есть различные способы организации, упорядочения мыслительной деятельности (результативного и процессуального ее аспектов).

¹¹ Гете. Фауст. М., 1953, с. 116.

¹² Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965, с. 46. Заслуживает внимания деталь: «Silentium» — любимое стихотворение Л. Н. Толстого и Д. И. Менделеева.

115

ния. А вот суждение философа. Он признает, что «слова прекрасно служат для того, чтобы ввести в кругозор каждого отдельного человека и сделать его достоянием весь тот запас знаний, который приобретен соединенными усилиями исследователей всех веков и народов». И он же утверждает: «Но большая часть знаний так удивительно запутана и затемнена злоупотреблением слов и общепринятыми оборотами языка, которые от них проистекают, что может даже возникнуть вопрос: не служил ли язык более препятствием, чем помощью успехам наук?»¹³ Вспоминается и ходячее, Талейрану приписываемое выражение: «Язык человеку дан, чтобы скрывать свои мысли» («язык мой — враг мой»). Еще и поговорка существует на сей счет: «Слово — серебро, а молчание — золото». И тем не менее все речеспособные люди молчанию чаще всего предпочитают разговор, обмен мыслями. Не следует забывать и то, что молчание не есть отказ от употребления языка — слова как орудия мышления. Ведь существует же речь внутренняя, разговор «про себя» (не топотом, а идеально, без звукового оформления или материальных знаков).

Так или иначе, все равно без языка человек не может овладеть собственно человеческим способом действия, приобщиться к социальному опыту, — ведь он в подавляющем содержании запечатлен в языке. Опыт, зафиксированный в других формах (предметах, произведениях несловесных видов искусства, сооружениях и т. п.) осваивается, как правило, тоже посредством языка.

Когда мы говорим о языке как орудии концентрации, сохранения и функционирования социального опыта, то нельзя забывать, что и в этой своей функции он столь же противоречив (неоднозначность, определенная неопределенность, неустойчивая устойчивость и т. д.), как в осуществлении абстрактного мышления. Одно невозможно без

другого. К отмеченным выше специфически лингвистическим противоречиям языка присоединяется экстралингвистическое противоречие между опытом прошлого и современным его применением, которое невозможно решить помимо языка. Здесь постоянно сталкиваются между собой архаизация и неологизация, модернизация, при том в своих предельных формах. Острота этих столкновений вызывается наряду с другими обстоятельствами и

¹³ Беркли Джордж. Сочинения. М., 1978, с. 168.

116

неясностью, а то и отсутствием объективных критериев подлинности, правомерности той или иной тенденции. Так как наука здесь еще не сказала своего веского слова, то споры часто решаются или эмпирическим перевесом сторонников той или иной тенденции, или путем юридических (или административных) решений.

Словом, с какой бы стороны (функции) мы ни рассматривали язык, везде обнаруживается противоречивость речевого действия, всегда он представляется как подвижное, изменчивое, постоянно обновляющееся образование, как живая картина вечно живого социального движения.

Если взглянуть на любую речевую ситуацию как на деятельность, то ее структура с некоторыми оговорками может быть представлена наподобие структуры трудового цикла. В ней, безусловно, есть и субъект с его способностями, целями и потребностями, и объект, и орудийная часть, и результат. Есть даже и своеобразные отходы, лингвистический мусор (и как еще загрязняет он сфер > языкового действия!). Конечно, В. Маяковский в «Разговоре с фининспектором» имел в виду только поэзию, заявляя: «Поэзия — та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради, тысячи тонн словесной руды»¹⁴. Ясно, что это гиперболизация работы поэта со словом, который озабочен созданием обжигающих слов, приводящих «в движение тысячи лет миллионов сердца». Пускай опять гипербола устойчивости и силы поэтически выраженной мысли, но в конечном счете не слова как звуки обжигают сердца людей («глаголом жги сердца людей»), не они, а мысли, понятия приводят в движение или, наоборот, останавливают людей. В конечном счете все люди говорят слова именно с этой целью, т. е. с целью передать свою мысль другому, вызвать в нем какое-то изменение, сдвинуть его с какой-то точки. Таков вообще продукт, результирующая часть любого речевого действия. А путь к нему, а материал-средство, а способ приведения его в действие, а отходы, голые (или пустые слова) — все это и составляет культуру владения языком как меру эффективности его применения, как барьер против девальвации слова, опошления и загрязнения языка сорняками, мертвыми обломками и прочим хламом (особенно слова-паразиты, которыми, к сожалению, не

¹⁴ Маяковский В. В. Избранное. М., 1948, с. 160.

117

так уж редко придают эмоциональную окраску не только бытовой речи).

Под таким углом зрения можно рассматривать любой вид посредников, в том числе (может быть, прежде всего) и специализирующихся на посредничестве социальных групп, и результат будет примерно тот же — противоречивость, орудийность, переход функций в свою противоположность и т. д.

Возьмем, например, такой вид посредников, как произведения искусства во всей их полноте и многообразии. В предчувствии полыхания гнева оскорбленного в своих благородных эстетических чувствах читателя, благоговеющего перед миром нетленной красоты, поставленным на одну доску с орудиями труда, уточним ситуацию. Посредники вообще-то посредникам — рознь. Есть ведь среди них и постылые попутчики человека, и вечные, дорогие сердцу спутники, к которым человек добровольно обращается и в счастливые, и в горестные моменты своей жизни. К последним принадлежат творения искусства. И тем не менее не кто-либо иной, а Пушкин — бог среди поэтов — дерзнул все же соотнести самого Апполона Бельведерского с печным горшком, правда устами

высокомерного и раздраженного поэта, приписавшего это святотатство «толпе», народу хладному, надменному и непосвященному; народ здесь представляется как чернь тупая.

Предоставим слово поэту:

Молчи бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский,
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
На мрамор сей ведь бог!., так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Поэт противоречит себе, бранит совершенно ни за что «толпу», гонит ее от себя:

Подите прочь — какое дело Поэту мирному до вас! В разврате каменейте смело: Не оживит вас лиры глас!

118

Довольно, мол, для исправления ваших нравов бичей, темниц и топоров. Возомнив себя жрецом, поэт заключает:

Не для житейского волненья, Не для корысти, не для битв, Мы рождены для вдохновенья, Для звуков сладких и молитв.

Но ведь звуки сладкие и молитвы кому-то, а не самому поэту предназначены и потому должны быть понятны. «Толпа» же ропщет на то, что ей не понятно. К какой он цели нас ведет? О чем бренчит? Чему нас учит? Зачем сердца волнует, мучит, как своенравный чародей? Толпе, народу неясно, чем ему полезны песни поэта. Ведь поэт же признает полезность кумира Бельведерского (народ не зрит ее — а ты его научи зрить).

«Чернь» твердо стоит на своем:

Нет, если ты небес избранник, Свой дар, божественный посланник, Во благо нам употребляй: Сердца собратьев исправляй. ...Ты можешь ближнего любя, Давать нам смелые уроки, А мы послушаем тебя¹⁵.

Перед нами — остро конфликтная ситуация, порожденная совершенно противоположным пониманием «пользы» искусства, точнее, полным взаимным непониманием. «Чернь» уверяет поэта в том, что он бесцельно волнует, мучит ее сердца, что песнь его хоть и свободна, но зато и бесплодна, что он свой дар употребляет во вред, а не на благо. Поэт возмущен тем, что «чернь» не «зрит» для себя пользы в его песнях. Между тем сам ограничивается довольно неопределенными намеками на эту пользу (для вдохновенья, для звуков сладких и молитв). Эта ситуация приведена в детальном изложении не для уяснения позиции А. С. Пушкина о пользе искусства (она здесь прямо не выражена, поэт — явно не олицетворение Пушкина), а в качестве аргумента в защиту выдвинутого здесь подхода к искусству. Да, произведения искусства в обществе — это средства, орудия созидания духовных, прежде

¹⁵ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10-ти т. Л., 1977, т. III, с. 85-86.

119

всего морально-эстетических, устоев личности, соответствующих его идеалам добра и красоты. Но суть дела в том, что произведения искусства могут быть, а могут и не быть средствами решения этой великой задачи. Случается, и не так уже редко, что те или иные произведения расшатывают возводимые обществом устои. «Все произведения искусства с этих позиций можно было бы подразделить на две группы. Первая — произведения, потрясающие душу, пробуждающие совесть. Вторая — произведения, убаюкивающие совесть. Серединные массовые произведения литературы и искусства, не затрагивающие глубинных пластов человеческого сознания и психологии (т.е. психики. — А. Б.), усыпляют совесть, нередко оказывают деморализующее влияние»¹⁶.

Произведения искусства могут, следовательно, выступать орудиями как формирования духовного мира личности, так и разрушения его, точнее, деструкции устоев одного и утверждения оснований другого. В идеальных вариантах (творениях гениев) обе способности выступают в единстве — борьбе, в противостоянии добра и зла — это произведения, потрясающие душу. Напротив, произведения, убаюкивающие совесть, усыпляющие душу, морально обезоруживают человека, разрушают основы социального бытия личности и, по существу, представляют собой не искусство, а его противоположность — антиискусство. И это отнюдь не единичные, случайные отклонения, а внушительное явление, с тех пор как искусство стало специальным видом деятельности. Великое благо человека, что эти изделия — недолговечные, преходящие (но, к сожалению, всегда имеющие место быть) издержки, едва ли не своеобразные отходы художественного развития человечества. В противовес им действительные творения искусства вечны, бессмертны как орудия созидания духовного мира личности. Может быть, бессмертие этих вечно юных спутников и оплачивает человечество

Шубкин Владимир. Пределы.— Новый мир, 1978, № 2, с. 216— 217. В. Шубкин не касается вопроса о том, следует или не следует рассматривать произведения искусства как посредники, орудия формирования духовного мира личности. Г. Гессе устами своего любимого героя утверждает, что возвышенное и благородное касталийское просвещение, искусство и для большинства тех, кто им обладает, не является орудием или инструментом, не направлено на активные цели, не служит сознательно большим и глубоким задачам...» («Игра в бисер». М., 1969, с. 343-344).

Ж 20

столь дорогой ценой — постоянно таскать на себе этих иждивенцев-приживалов. Как знать?

Но не подлежит сомнению продуктивность предложенного здесь взгляда на искусство, он ничуть не принижает его, а, наоборот, возвышает до необходимого, подлинно человеческого и ничем не заменимого средства созидания самых высоких ценностей — морально-эстетических устоев личности. Рассмотрение истории искусства под этим углом зрения значительно обогатило бы наши о нем представления и, несомненно, приблизило бы ее к современности. Разве мыслимо ли было бы искусство вообще, если бы в любом его творении — словесно-художественном тексте, музыкально-звуковом комплексе, гармонии красок, художественно обработанном мраморе, металле, театральном представлении — мы не улавливали дыхания действительной жизни с ее радостями и страданиями. Ведь каждое произведение искусства, а не только станковую живопись, можно представить себе своеобразным, чудодейственным окном в реальный мир, т. е. волшебным посредником между отдельной личностью и безбрежным океаном человеческого бытия, к тому же одним из орудий вечного обновления ее духа.

Ранее говорилось, что решительно все социальные институты (нормы, ценности, обычаи, учреждения) являются посредниками, орудиями той или иной деятельности. Но ввиду того что их анализ не входит в задачу данного исследования, а также потому, что нам придется встречаться с посредниками в дальнейшем изложении материала, придется здесь отказаться от рассмотрения других социальных образований в этом разрезе.

Представление об опосредствовании не будет полным и завершенным без постановки вопроса о возможных его границах, пределах. В самом деле, уже в современном индустриально-урбанизированном обществе опосредствование связей человека с природой и другими людьми достигло такой плотности и насыщенности искусственными образованиями, что рождается мысль о невозможности продолжения этого процесса, создания все новых и новых посредников. Подобная мысль как бы подтверждается тем, что современный человек, задыхаясь в урбанизированном пространстве, в тисках посредников-вещей технического происхождения, рвется к природе в ее первоначальном состоянии (чем можно объяснить мощный взлет туристического движения), влечется к общению

с Другими людьми, минуя современные средства массовых коммуникаций. Выше отмечалось, что посредники по самой своей структуре, связывая, соединяя человека с природой или другими людьми, разъединяет их, отделяет их друг от друга, разрушает прежние (биологические, органические) связи, играют роль своеобразных клиньев.

Известно, как могущественны и грандиозны в этой роли современная индустрия, аппарат управления и регуляции. Нет ли у них тенденции к превращению из посредников-помощников человека в самоцельные образования, подчиняющие себе человека, превращающие его в средство? Ведь машина — это типичное орудие, классический посредник — превратила в капиталистическом производстве человека в свой придаток. А где гарантия от того, что и другие посредники не эволюционируют в этом же направлении? В том-то и дело, что эволюционируют ускоренными темпами. Как можно ограничить подобные тенденции, компенсировать реальный отрыв человека от природы, ибо он грозит превращением человека в своеобразный механизм по производству и потреблению вещей? Ведь тенденции современного научного прогресса пока ориентируют на дальнейшее нарастание массы посредников технического, а не биологического происхождения.

Вообще-то подобные проблемы могли бы разрешиться путем переориентации земного производства на биотехнологию, а космического — на механико-физико-химическую, дабы не прерывать цепи столь мощного процесса.

Конечно, возможны и другие, компромиссные варианты, соединяющие ограничение, регулирование роста техники с компенсаторными мерами (наращивание масштабов озеленения городов, частичное их разукрупнение, размещение детских учреждений в лесопарковых зонах и т. д.). Словом, речь идет о том, что в одних направлениях, таких, как космос, земные недра, целесообразна необходимость продолжения наращивания мощи и совершенства научно-технического опосредствования созидательной деятельности человека, в других (производство средств личного потребления) — необходимо уменьшить их мощь, постепенно вытеснять их биологическими и другими естественными посредниками, в третьих (быт, сфера личного обслуживания, отдых и т. д.) — шире применять

традиционные методы деятельности, доводя их до совершенства, т. е. привлекательности самого действия.

Все сказанное дает основание сделать вывод о том, что связь понятий «посредник — клин — орудие» не внешне формальная, а органично-содержательная, т. е. категориальная.

И еще одно замечание. В нашей литературе часто можно встретить высказывания о том, что отношения первобытных людей, и не только первобытных, имеют непосредственный характер, что только с возникновением отношений обмена, особенно товарно-денежного, можно говорить об их опосредствовании вещами. Так, например, В. Г. Асеев пишет: «Отношение первобытного общества к природе является в целом непосредственным отношением» ". Из этого видно, насколько упрощенно иногда толкуется одна из фундаментальных, сущностных особенностей социального движения, которая порождает ряд других его столь же фундаментальных свойств, в частности ^раздвоение социального движения на индивидуально-личностный и общественно-родовой уровни или сферы.

Раздвоение жизнедеятельности. Регулирование и управление

Из предшествующих рассуждений следует, что человек — единственное существо, жизнедеятельность которого четко раздваивается на созидающе-производительную и потребительскую, общественно-родовую и лично-индивидуальную, на процесс и результат в отличие от непосредственно нерасчленимой потребительской

жизнедеятельности животных. Такая структура жизнедеятельности человека является прямым следствием опосредствования ее орудиями-посредниками. Далее. Подобное строение целостной деятельности человека означает опосредствование потребления не только производством (пространственно-временное их расчленение), но и соответствующими специфическими отношениями и орудиями¹⁷.

^{2}} ⁷ Асеев В. Г. Развитие потребностей человека и отношение общества к природе.— В кн.: Природа и общество. М., 1968, с. 341. ¹⁸ Правда, и само производство, созидание К. Маркс рассматривает как потребление (средств производства), но это особое, общественно-производительное, а не личное потребление.

123

Последнее означает также и то, что в процессе своей жизнедеятельности человек широко раздвигает ее границы, преодолевая рамки индивидуально-органического бытия, все более тесно переплетаясь с «действием», функционированием им же создаваемых неорганических или приручаемых естественных предметов-посредников. Последние свободно противостоят человеку; их функционирование представляет собой особый, общественно-родовой аспект его жизнедеятельности, но не самостоятельное их бытие. В этом смысле и следует говорить о раздвоении человеческой жизнедеятельности на индивидуальную и родовую. Хотя последняя и осуществляется в процессе совместно-раздельной деятельности индивидов, но она не тождественна сумме этих процессов. Родовая жизнедеятельность является интегральным образованием особого типа — социальной общностью. Единство и целостность любой социальной исторической общности (род, племя, народность, нация) реализуется как совокупность общественных отношений людей, малых и больших групп внутри общностей и самих общностей, возникающих и функционирующих в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ. Общественные отношения функционируют в конкретно-исторических формах различных (экономических, политических, юридических, моральных и других) установлений (учреждений, законов, норм, принципов и т. п.) как способов регулирования жизнедеятельности людей с целью сохранения единства и целостности общности, упорядочения происходящих в ней изменений. Функционирование и развитие социальных общностей, социальных организмов представляет собой объективный, естественно-исторический процесс, ступени которого и образуют общественно-экономические формации. В этом смысле и следует говорить, что общественно-родовая жизнь людей, определяющая формы их индивидуальной жизни, представляет собой новое состояние природы; структурно и функционально — это совершенно иной предметный мир, новый вид объективного процесса. Новый мир — и по способу его внутренних связей, и взаимодействия с внешней средой.

! ^"ЩЦ^amg nu _

Ведь~жизнедеятельность всех животных, включении яемудренное~"их созидание, в"*меру своего вида отлично вписывается во внешнюю среду, все их отношения с нею и между собой надежно регулируют законы и механизмы

124

биологической формы движения. И весь их индивидуальный опыт, известная свобода маневра и даже новации (мутации) не выводят животных за пределы биологической жизнедеятельности. Несмотря на явную, с нашей точки зрения, ограниченность способностей (доведенных, между прочим, до совершенства) и узость потребностей (жестко регламентируемых самой природой), все они — от мельчайшей букашки до гигантов — слонов и китов — ведут себя уверенно, не испытывая нужды ни в сознании, ни в орудиях-посредниках, довольствуясь инстинктами и своим опытом.

Человек же без своих орудий-посредников, прямо скажем,— существо совершенно беспомощное, абсолютно беззащитное. Но разве эти его помощники сами по себе более устойчивы против разрушающих воздействий среды? Даже удивления достойно то, что по мере возрастания мощи и совершенства орудий-посредников возрастает уязвимость

человека, чуткость ко всякого рода внешним влияниям вплоть до колебаний температуры. Человека с его посредниками объединяет то, что они противостоят окружающей среде, вырваны из природных связей. Они функционируют лишь совместно, рассчитаны на постоянный и прочный союз человека и преобразуемого и создаваемого им предметного мира. Возникновение этого союза, способов его развития и функционирования и составляет сущность и тайну социального движения. «Какая там тайна,— ворчит читатель, которому все и всегда ясно.— Разум, мыслящий мозг человеку и дан на то, чтобы осуществлять сознательно целесообразную деятельность». Кто же спорит против этого? Но мозг-то с разумом кто дал человеку, как соединил, уже не совсем ясно. Каким образом мозг — явно физиологическое образование, расположенное в человеческой голове, стал орудием решения задач нефизиологического порядка, вне его возникающих, решение которых он выдает опять же во внешний мир? Как и почему все это происходит, еще неясно современной науке. Одни ученые надеются найти ответы на эти вопросы, исследуя строение мозгового вещества, нейроны и способ их связей. Другие — полагают, что мышление, разумность, сознание человека невозможно понять таким путем и надо обратиться к исследованию человеческого способа деятельности. «Чтобы понять мышление как функцию, т. е. как способ действий мыслящей вещи в мире всех остальных вещей, надо выйти за пределы рассмотрения того, что и как про-

125

исходит внутри мыслящего тела... и рассмотреть ту реальную систему, внутри которой эта функция осуществляется, систему отношений: *мыслящее тело и его предмет*^{1e}. Так ставит проблему Э. В. Ильенков. При этом предмет мышления рассматривается им в самом общем, универсальном его понимании. Мышление, разум Э. В. Ильенков понимает как «способность активно строить свое собственное действие по форме любого другого тела. Активно согласовывать форму своего движения в пространстве с формой и расположением всех других тел»²⁰. Но в силу того, что «форм вещей и обстоятельств действия в принципе бесконечное количество, то и «душа» (т. е. «размышление») должна быть способна к бесконечному количеству действий. Но бесконечное количество действий невозможно предусмотреть заранее, в виде готовых телесно-запрограммированных схем (т. е. постоянных нейронных цепочек.— А. В.). Мышление и есть способность активно строить и перестраивать схемы внешнего действия сообразно любому новому стечению обстоятельств, а не действовать по готовой схеме, как то делает автомат или любое неодушевленное тело»²¹. Кардинальное отличие способа действия «мыслящего тела» от способа движения любого другого тела заключается в том, что «мыслящее тело активно строит (конструирует) форму (траекторию) своего движения в пространстве сообразно с формой (с конфигурацией и положением) *другого тела*, согласовывая форму своего движения (своего действия) с формой этого другого тела, причем *любого*. Следовательно, собственная, специфическая форма действия мыслящего тела заключается в универсальности»²². Такой подход к выяснению существенного отличия образа действия мыслящего тела, человека надо признать исключительно продуктивным, особенно принимая во внимание специфичность человеческого действия — его трудовую природу, производство по меркам любого вида. В нашем анализе соотношения человека и созданной им же материальной среды, многообразных вещей-посредников есть определенная сложность: все тела-вещи этого рода сами по себе вопреки воле и целей человека, как правило, не движутся, не действуют. Хотя и говорят о «движимой и недвижимой собственности», но «движимая» при-

¹⁹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1974, с. 38.

²⁰ Там же, с. 34.

²¹ Там же, с. 36.

²² Там же, с. 33.

126

водится в это состояние человеком, он же и регулирует его. Да и «недвижимая»

часть собственности тоже перемещается, но совершенно специфически

Суть дела состоит в том, что мыслящее тело (человек) и становится таковым, приобретает способность универсального действия прежде всего в процессе приведения в движение (трудовое действие) по собственной воле и в соответствии с формой и функциями им же создаваемых тел-орудий, вещей. Создавая вещь определенного назначения человек в то же самое время создает и способ ее действия' движения и своего к ней отношения как в действии (работе), так и вне его (хранение, поддержание ее в пригодном для применения состоянии). Как форма вещи, материализующая ее функцию, так и способ ее действия и отношения к ней человека отличаются не только объективностью, но и стабильностью. Последнее не исключает изменения, совершенствования вещей, появление новых орудий но безусловно предполагает устойчивость формы, стабильность способа применения вещей как условие их производительного функционирования. Подчеркивание объективности и стабильности вещей особенно важно в плане формирования устойчивых мысленных, идеальных структур фиксирующих орудийно-операционную структуру трудового действия.

Сознание, мышление в этом аспекте можно представить как совокупность способностей орудийно-операционного видения любой деятельности, любого взаимодействия с действительностью. Так формируется не только идеальный но и реально-предметный план действия; и тот и другой — объективный по структуре и методу и субъективный по характеру осуществления. Вещь-орудие раскрывает свою сущность в действии, поэтому и в сознании, понятии она фиксируется именно как подвижная, способная к действию притом действию, ей только свойственному, специализированному, строго упорядоченному. Создается устойчивое представление, что не человек «обучает» вещи действовать особым, им свойственным способом, а, наоборот, вещи «приучают» человека действовать при их посредничестве строго определенным образом, что они организуют, дисциплинируют, в известном смысле регулируют его деятельность. Вот почему приходится настойчиво подчеркивать важность формы вещей и способа их действия, содержательность ее и даже необходимость. Ведь топор и коса, плуг и серп нож и лопата, сверло и молоток - не просто вещи определен-

127

ного строения, но и овеществленные способы действия, и понятия-слова как идеальные его формы. Но еще более важны для нас сочетания или комбинации вещей как устойчивые «клеточки» социального движения. Вещи-орудия и даже вещи-предметы потребления не функционируют каждая в отдельности, а, как правило, в комплексе, определенном, упорядоченном наборе. Но достаточно ли сознания (даже трактуемого как совокупность способностей, целеустремленной воли и осознаваемых потребностей), чтобы соединять человека и создаваемый им предметный мир, обеспечивать устойчивые способы социального их функционирования. Сознание обеспечивает субъективный способ связи, представляющий лишь возможность такого функционирования. Должны быть и объективные, материальные связи, формируемые социальной общностью. К ним принадлежат прежде всего отношения собственности — этот универсальный институт социального движения. Он объективно детерминирован тем обстоятельством, что все создаваемые человеком предметы, преобразуемые фрагменты природы функционируют в социальном движении именно посредством отношений собственности, становясь ее предметами; теряя этот свой статус, они как социальные явления деградируют, гибнут.

Определение К. Маркса капитала, согласно которому он «не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами»²³, схватывает ядро этих отношений и выступает как общесоциологическое понятие. Последнее не исключает трактовки института собственности как устойчивого способа социального функционирования вещей, опосредствованного общественными отношениями (способ производства). В соответствующей- рубрике Толкового словаря читаем: «3. Порядок

обладания и распоряжения имуществом (средствами производства, предметами потребления) и использования в обществе»²⁴.

Известно, что собственность как отношения людей своим содержанием имеет материальные интересы, выражающие связь человека с вещами. Трудовая собственность порождает одни материальные интересы, а нетрудовая (рабовладение, феодализм и капитализм) — совершенно другие. Для успешного функционирования личной трудовой собственности вполне достаточно личной материальной

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 775.

²⁴ Толковый словарь русского языка. М., 1940, т. IV, с. 335.

128

заинтересованности в результатах труда. Для общественной же — необходима коллективная материальная заинтересованность в результатах совокупного труда, ибо собственность как совокупность материальных интересов предполагает не просто владение предметом, но прежде всего материальную ответственность за его состояние, полноценное функционирование — в противном случае собственность становится пустой формальностью.

Реализуясь в исторических формах хозяйства, институт собственности является, пожалуй, главным рычагом регулирования всей жизнедеятельности социальной общности. Во всяком случае любая надстройка снизу доверху пронизана принципами господствующих для ее базиса отношений собственности. Каменно-деревянными орудиям соответствует общинный тип хозяйства и соответствующие формы собственности и всех социальных отношений. Возникновение металлических орудий революционизирует способы их применения (личное, бережливое отношение к ним, сложность их производства и т. д.), порождают и новый тип — форму хозяйства — индивидуально-личное хозяйство, а следовательно, и новые формы собственности. За ними последовало возникновение новых форм социальных отношений, функционирующих посредством таких установлений, как государство, постоянное войско, деньги, судебные установления, формы религиозно-ритуальных действий и т. д. Все это означает возникновение не только новых вещей, но и новых принципов упорядочения их в комплексы, новых способов объединения и движения самих людей.

Имеется ли объективная логика упорядочения вещей в комплексы, возникновения и функционирования форм хозяйственной и иной деятельности? Нет сомнения в положительном ответе на этот вопрос. Сумбур, произвол в соединении вещей совершенно нетерпим, ибо он ведет не только к суматохе или суетливости, но и к подрыву самих оснований той или иной деятельности, может приводить к полной или частичной гибели ее результатов. Стоило бы, например, землепашцу свалить в один сусек рожь и овес, просо и гречиху, горох и ячмень, да еще туда же отправить картофель и капусту, как все плоды его труда пошли бы прахом. Еще резче сказываются на протекании деятельности и ее результатах последовательность технологических процессов и порядок чередования орудий. Именно характер деятельности, технология процесса, порядок ее обеспече-

5 А. П. Велик

129

ния орудиями и обуславливают логику как необходимую структуру соответствующей формы деятельности.

Понимание этой структуры, улавливание ее объективного смысла и должно составлять основание регулятивного аспекта деятельности. Регулировать процесс как простейший, так и сложнейший — значит поддерживать его упорядоченность, руководствуясь принципами его же протекания, а не какими-то иными, даже благороднейшими соображениями²⁵. Вообще здесь следует заметить, что управление, регулирование любого социального действия можно рассматривать не только как специализированную деятельность, но и как необходимый аспект, или даже функцию, любой социальной деятельности, причем настолько ей органичный, что никогда

полностью он не может быть от нее отделенным, специализированным. Можно даже утверждать, что управленческий аспект деятельности, будучи проявлением сознательного целеполагания есть необходимая форма выражения ее универсальности»^{2в}. Не столь важно, как мы будем ее называть — организованно-упорядочивающей, регулятивно-организационной или организационно-формирующей, но она есть неперенный компонент любой созидающей человеческой деятельности на всех уровнях истории общества. И осуществляется она чаще всего в форме самоуправления, самоорганизации. Правда, функционирует она на основе традиций, здравого смысла, обыденного сознания (особенно в прошлом, но и не только в прошлом), что ни в какой мере не умаляет огромной ее роли в истории, непреходящего значения опыта сотен поколений, в котором запечатлены многообразнейшие способы созидания. Может быть с этих позиций иначе, не столь высокомерно нам следует относиться и к здравому смыслу, традициям, несмотря на весь их консерватизм. Разумеется, с возникновением капиталистического, машинного производства самоуправление также

«Управление,— пишет Т. В. Керимова,— выполняет роль своеобразного регулятора, упорядочивающего течение общественных процессов» (*Керимова Т. В. Методология исследования социального управления.— Вопр. философии, 1972, № 1, с. 52*). Ю. П. Сенокосов и Э. Г. Юдин подчеркивают, что превращение управления в сферу массовой деятельности отличает лишь одна весьма существенная особенность — управление как бы аккумулирует в себе организационный аспект всех других видов деятельности. (См.: *Сенокосов Ю. П., Юдин Э. Г. Социальное знание и социальное управление.— Вопр. философии, 1971, № 12, с. 27*).

130

оказывается недостаточным, оно все больше и больше дополняется, а то и почти полностью вытесняется специализированным, функционирующим на основе науки управлением.

Необходимо различать управление (или самоуправление) созидающей деятельностью, детерминированное логикой самого процесса, и управление движением результатов этой деятельности (обмен, распределение и т. д.) и перемещениями людей, детерминированное совершенно иными обстоятельствами. Устойчивые формы всех этих процессов совершенно различны, хотя и находятся в известном соответствии.

Вспомним, что в отличие от животного человек свободно противостоит созданному им предмету, он не сливается с ним, а отделяется от него в пространстве и во времени. Это противостояние есть, по существу, противостояние человека как индивидуума себе же как представителю рода, общества, коллектива, с которыми он всегда связан системой общественных отношений. И в создаваемом им продукте воплощаются не только его индивидуально-неповторимые свойства, но и конкретно-историческая система общественных отношений, весь предшествующий опыт человечества в соответствующей сфере деятельности. Любой результат индивидуальной деятельности, по существу, является продуктом совместных усилий людей, социальных коллективов. Когда говорят о противостоянии индивида своей родовой сущности (инвариант противостояния своему продукту), то имеют в виду не абстракцию этой сущности, а вполне конкретное явление — определенную социальную общность, прочно связанную общественными отношениями (прежде всего материальными, производственными). Все известные нам устойчивые *формы общности* людей — род, племя, союз племен, народность, нация — их внутренние и внешние материальные отношения функционируют, воспроизводятся столь же объективно, как и отдельные люди, индивидуальности. Реальным содержанием функционирования этих отношений служит прежде всего обмен деятельностью в виде различных форм предметного обмена между частями, элементами этих общностей. Индивид и общность — объективные, хотя и различные, реальности; они никогда не бывают тождественными.

Жизнедеятельность социальной общности любого уровня сложности никогда не

тождественна сумме жизне-

5*

131

деятельностей принадлежащих к ней индивидов. Более того, целостностная жизнедеятельность последних объективно раздвоена на деятельность общественно-родовую, необходимую преимущественно для поддержания единства общности, ее функционирования, воспроизведения и деятельность личностно-индивидуальную, необходимую непосредственно для воспроизводства «своей и чужой жизни». Объективным основанием этого всеобщего фундаментального свойства человеческой жизнедеятельности является, как известно, ее орудийная опосредствованность и расчлененность на процессуальный и результативный отрезки.

Производство и личное потребление, труд и отдых, гражданская, особенно управленческая, деятельность и частная, личная жизнь, защита отечества и наслаждение плодами мирного бытия и т. п.— самые общие проявления этого свойства. Каждая общественно-экономическая формация и даже социально-этническая общность накладывают на него свою неизгладимую печать, то затушевывая его в эпоху первобытности, то обостряя до антагонизма в условиях капитализма. Раздвоение жизнедеятельности человека не тождественно общественному разделению труда. Последнее, -будучи историческим свойством производства (особенно разделение труда на физический и умственный), вносит в него усложняющие моменты (труд и управление оказываются*при капитализме уделом различных классов).

Эта объективная раздвоенность, которая теоретически осмысливается только в историческом материализме, хотя в известной форме она уже с древности представлена в общественном сознании, является источником раздвоения побуждений, мотивов, созидания, производства, жизнедеятельности общества. Конечно, человек может производить и под властью непосредственной физической потребности, но в отличие от животного — и не только под ее властью. Огромную роль в формировании новых побуждений к созиданию сыграла опосредствованность взаимодействия человека с природой, отрыв в пространстве и во времени актов производства и потребления, а также утверждение в родовой коммуне коллективности и уравнительности в потреблении. Коллективно-уравнительное потребление, исключаящее индивидуально-обособленное, единоличное потребление²⁷, не могло^г возникнуть само по

²⁷ Н. А. Тих утверждает, что у человека достигло высшего развития противопоставление себя видовому опыту: «Регулирование

132

себе, сугубо стихийно. Здесь огромная роль принадлежала регулирующе-управленческим сознательным, разумным акциям общества²⁸. Помимо такого рода коллективных акций, не могло утвердиться созидание, производство, свободное от давления непосредственных физических потребностей, индивида, раздвоение его деятельности на общественную и личную.

питания вплоть до полного отказа от пищи, регулирование половой потребности, включая полное половое воздержание; даже такая важнейшая потребность, как дыхание, может произвольно задерживаться на значительные промежутки времени» (Тих Н. А., Предистория общества. Л., 1970, с. 26). Согласно гипотезе Б. Ф. Поршнева в наше время «вполне выявилась перспектива показать управляющую функцию второй сигнальной системы, человеческих речевых знаков как в низших психических функциях, в том числе в работе органов чувств, в рецепции, в восприятии, так и в высших психических процессах и, наконец, в сфере действий, деятельности» (Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории, с. 169). Б. Ф. Поршнев утверждает, что «в принципе слово властно над почти всеми реакциями организма», что слово, речевое взаимодействие людей явилось «тем новым регулятором, который снова и снова отменял, тормозил, аннигилировал веление наследственных институтов» (Там же, с. 170). Автор настойчиво

повторяет свой тезис: «Могучее вторжение второй сигнальной системы в регулирование всей высшей нервной деятельности, несомненно, предполагает не «вакуум инстинктов», а тот факт, что она прежде всего была и служит средством торможения любых первосигнальных двигательных и вегетативных рефлексов. Торможение служит глубоким ядром ее нынешнего функционирования у человека». (Там же, с. 171). Такова, по мнению автора, роль облеченной в слово мысли, разума в формировании новых регулирующие-управляющих механизмов жизнедеятельности человека.

Правда, существуют мнения и противоположные: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, то уничтожится возможность жизни» (*Толстой Л. И.* Собр. соч.: В 14-ти т. М., 1951, т. 7, с. 243). Весьма любопытно рассуждает о разуме и Мефистофель, полагая, что человек

«Лучше б жил чуть-чуть, не озари Его ты божьей искрой изнутри. Он эту искру разумом зовет И с этой искрой скот скотом живет».

(*Гете.* Фауст, с. 46—47). Адепты Франкфуртской школы доказывают, что источником всех бед современного Западного мира есть болезнь «просвещенного» разума. Выход они видят в том, чтобы восстановить разум как «чисто природную функцию», субститут утраченного инстинкта, бессознательно регулировавшего поведение «более близкого природе животного предка человека» (*Давыдов Ю. Н.* Указ. соч., с. 273),

133

В самом деле. Как возможны вообще деятельность, производство, свободное от власти непосредственных физических потребностей? Ведь оно как бы противоречит природе самой жизни. И все же здесь имеются две возможности: или непосредственные физические потребности «свободно производящего» удовлетворяются за счет других производящих тоже свободно (т. е. не для себя, а для других), или путем расчленения своей деятельности на «подвластную» и «свободную» от этих потребностей. Правда, есть и третий вариант: производство в полном смысле слова «по законам красоты», которое настолько увлекает своим содержанием и способом исполнения, что способно на время созидания нейтрализовать, заглушить даже самые властные требования непосредственной физической потребности. К этому же варианту можно отнести и созидание, производство под влиянием непреодолимой любознательности по алгоритму: а что из этого получится? Даже еще у формирующихся людей любознательность, бесспорно, была развита сильно, иначе они бы никогда не стали людьми.

Во всех рассмотренных случаях мы видим становление совершенно нового соотношения производства, созидания и потребностей, между ними появляется новое звено — целеполагание как сознательное, целесообразное использование своих физических и интеллектуальных сил для изменения действительности. Универсальность производства предполагает уже с самого начала формирования человека становление различных способностей, умений и порождаемого ими внутриобщинного разделения труда (не только половозрастного), что влечет за собой неизбежность регулирования и обмена деятельностью в самых разнообразных исторических формах.

Но при всем многообразии этих форм обмен деятельностью протекает в виде движения вещей, предметов, продуктов как способа функционирования отношений между людьми по поводу распределения, обмена, потребления произведенных им предметов. Так возникает еще один уровень общественных отношений, характеризующихся с самого начала противоречивостью: на одном полюсе мы имеем возможность производства, не предполагающего потребления данным производителем, на другом полюсе — возможность потребления, использования предмета, не произведенного потребителем; в дальнейшем она эволю-

134

ционирует в возможность потребления без производства, без созидания вообще²⁹.

Первый полюс с ростом производительности труда и возникновения индивидуального хозяйства выступает производственно-экономической базой всех форм

легализованного, узаконенного изымания создаваемого производителем прибавочного продукта (различные формы рабства, крепостничества, свободной продажи своей рабочей силы различным собственникам средств производства). Второй полюс при наличии тех же производственно-экономических условий с неизбежностью порождает многообразные способы легального и нелегального перераспределения создаваемых обществом материальных и духовных благ (войны с целью грабежа, разбой, воровство, различные формы вымогательства, обмана и т. п.). Вся история цивилизации представляет собой тесное переплетение этих различных тенденций в хозяйственно-экономической жизни народов. Правда, имеется и третья тенденция — это присвоение свободными крестьянами и кустарями продуктов своего труда в натуральной или денежной форме. Но, по всей вероятности, эта экономическая форма не привела к созданию устойчивых социально-этнических общностей и политических образований (быть может, исключение составляет лишь классический эллинско-римский полис).

Глубокая противоречивость воспроизводства экономических отношений, особенно с возникновением классов, борьбы между ними и товарно-денежного обмена требовала создания специальных управленческих механизмов-регуляторов (ограничителей, блюстителей порядка и т. п.) как особых социальных установлений-образований (государство, союзы собственников, военные институты и т. п.) — так возникает еще один вид отношений — регулятивных на уровне социального движения больших общностей людей (народов, сословий, классов и т. п.). Необходимо заметить, что возникновение этого рода отношений и соответствующих им социальных установлений, порождающих еще один вид типично общественной

Если взглянуть на деятельность в ее движении от производства к распределению, обмену и потреблению, то можно обнаружить перемещение центра детерминации с потребностей социальной общности (производство, распределение) на потребности индивида (обмен, потребление). Оно находит свое отражение в характере самой деятельности, структуре целеполагания, словом, — в закономерностях ее функционирования.

135

деятельности, детерминировалось самим процессом формирования социально-этнических общностей, их функционированием как целостных образований, с их потребностями постоянного поддержания, сохранения этой целостности (управление внешними отношениями, обеспечение внутреннего порядка).

Специализированное политическое управление как особая отрасль общественной деятельности в течение тысячелетий имело ограниченные функции³⁰. В частности, оно не имело объектом основной области социальной жизни производства материальных благ даже в тех случаях, когда государство создавало и контролировало деятельность ирригационных систем. Сбор налогов с населения, чеканка денег, наблюдение за их функционированием (борьба с фальшивомонетчиками), поддержание внутреннего общественного порядка (усмирение восстаний, наказание преступников), защита привилегий господствующего класса, охрана территории государства от внешних врагов, регулирование отношений с другими государствами, контроль за состоянием духовной жизни граждан — все эти атрибуты управления возникают лишь на определенной ступени исторического развития. Во всяком случае, управление как внесение в объективно функционирующий социальный процесс некоторой упорядочивающей его динамику, устойчивости в известном смысле возникает вместе с возникновением общества. Одновременно с ним формируются и функции его регулирования, т. е. поддержание заданного управляющей системой устойчивого состояния подвластных ей процессов, а также и функции контроля, направленные на проверку соответствия регулятивных и управленческих действий принятым эталонам и принципам. Управление как деятельность и необходимый механизм функционирования социального движения усложняется, дифференцируется одновременно с развитием общества, изменяются его формы и сфера

действия — от едва наметившегося различия субъекта и объекта управления в условиях первобытнообщинного строя, где родовой старейшина (он же и член рода) и общее собрание взрослых членов рода составляли весь его механизм, до высокоспециализированной и разветвленной, мощной системы управления в современном обществе в виде государства, партии, армии, полиции, общественных организаций и т. п.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1973, с. 207—245.

136

Значительную эволюцию претерпевают и методы, принципы управления: здесь и буквальное следование традиции, обычаю (традиционно-обычное право), и откровенное военное насилие, и управление сугубо теократическое (царь, фараон — он же и бог, или его сын, наместник) и теократически-правовое (бог хотя и признается, но к делам не имеет «прямого» отношения, политическая власть более или менее секуляризуется), и монархия, и республика, демократические и олигархически-аристократические режимы, тиранические, деспотические, военно-бюрократические формы правления и т. д. Одновременно с утверждением этих устойчивых форм осуществления управления возникают столь же устойчивые, повторяющиеся способы и формы смены властей, борьбы за политическое руководство обществом. Это прежде всего различные формы борьбы классов, социальных групп в пределах классов (мятежи, дворцовые перевороты, организации тайные и явные, политические заговоры, различные избирательные системы с их программами); появляются такие специфические образования, как партии; наконец, гражданские и межгосударственные войны прочно входят в жизнь людей как весьма эффективные методы решения спорных вопросов и регулирования социальных отношений.

Существенно важно то, что социализм и в области управления порождает совершенно новые, научно обоснованные принципы управления³¹. Управление как специализированная отрасль деятельности независимо от форм и принципов осуществляется всегда живыми, конкретно историческими индивидами с их потребностями, интересами, рассудком и предрассудками. Управление не устраняет, а лишь относительно (и то не всегда) упорядочивает функционирование социальных противоречий. Поэтому и само оно в классово-антагонистическом обществе отличается глубокой противоречивостью, полярностью. Безусловно, что все социально-политические образования детерминируются объективными законами, интересами и потребностями социальных общностей; они призваны прежде всего удовлетворять их потребности, служить их интересам. Но ведь все дела общества и государства, большие и "малые, вершат господствующие классы, выделяя из своей среды личностное их индивидуальными потреб-

³¹ См.: *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом, с. 265—337.

137

ностями, целями и способностями. Конечно, индивидуальность, неповторимость их потребностей, целей и способностей нельзя абсолютизировать, они обобщаются, интегрируются классовой природой самих индивидуумов. Как известно, классовые интересы часто не совпадают с интересами народов, а также интересами всех составляющих эти классы личностей. Бывают, правда, случаи, когда личные цели и способности вождей соответствуют объективным законам и потребностям, историческим задачам этих общностей, прогрессу целых цивилизаций. В таком случае эти вожди выступают как бы орудиями исторической необходимости (или мирового духа, по терминологии Гегеля).

Однако в своей массе люди, занятые управлением, т. е. вершением общественных дел, часто их смешивают с достижением своих личных целей, порою даже используют государственно-общественные установления для реализации своих сугубо личных, прежде всего имущественных, интересов. А так как эти дела всегда решаются в

столкновении с частными, отдельными лицами, то силы здесь абсолютно не равны. Лицо, приспособляющееся для себя какое-то звено государственной машины (не говоря о ней во всем объеме), будет почти всегда победителем в тяжбе с частным лицом. И такое положение не меняют ни пухлые кодексы норм права, ни стройные системы суровых предписаний морали, поощряющих добро и порицающих зло. Сами боги покорно служат сильным мира сего³².

Сила власти, денег, богатства возводится и правом, и моралью, и религией едва ли не в ранг святынь. И не от заблуждений, моральных пороков происходит такая конфликтность, полярность развертывания, а от противоречия-

Как ни стремились древние римляне сохранить свой республиканский строй с его выборностью, коллегиальностью, краткосрочностью магистратур (своеобразных ведомств), бесплатностью исполнительной и законодательной власти (сенат), с его институтом интерцессии (вето на любое решение властей, правом которого обладали трибуны) все же его сменила диктатура, т. е. власть неограниченная и несменяемая, законным легальным образом. Диктаторская власть в Риме (Сулла, триумvirаты) с ее безудержной вакханалией проскрипционных убийств и конфискаций, поощрением доносов (детей — на родителей, рабов — на господ, жен — на мужей и т. д.), может быть, наиболее наглядно раскрывает материально земное содержание власти, управления, как орудия борьбы за перераспределение материальных благ насильственным путем. См.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1973.

138

ности обмена деятельностью во всех частнособственнических формациях. Все регулирующие отношения и установления, такие их специфические формы, как политика, право, мораль и религия, есть лишь воспроизведение с целью сохранения и совершенствования господствующих способов производства, распределения, обмена и потребления материальных и некоторых духовных благ в их антагонистической противоречивости, порожденной противоположностью интересов господствующих и угнетенных классов, интересов частных и общих. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике,— писал В. И. Ленин,— пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»³³.

Приведенная ленинская идея имеет принципиальное методологическое значение для понимания сущности и механизмов управления и регулирования общественных процессов в условиях классово-антагонистических формаций. Ведь политические, нравственные и тому подобные идеи для того и создаются, чтобы выступать идеологическим основанием управленческой деятельности. И в то же время они призваны скрывать, камуфлировать интересы тех социальных сил, которые и осуществляют управление *всем* обществом, но уже в своих интересах. В. И. Ленин твердо говорит об обмане и самообмане. Как надо понимать эти термины? То ли управляющая система, т. е. идеологи, политические лидеры, сознательно включают «обман» в личностный механизм управления, то ли он является непроизвольным следствием ряда независимых друг от друга слагаемых и в силу этого необходимым звеном управленческих действий.

В самом деле, вспомним известные высказывания Ф. Энгельса по сходному вопросу. Советуя К. Шмидту принять предложение о поездке в Цюрих, он предупреждает, что все возникающие там на денежном рынке третьего разряда впечатления «ослаблены благодаря двойному и тройному отражению или намеренно искажены». Далее Ф. Энгельс уточняет свою мысль: «С экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит точно так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через собирательную линзу и поэтому представляются в

³³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 23, с. 47.

139

перевернутом виде — вниз головой. Только отсутствует нервный аппарат, который

для нашего представления поставил бы их снова на ноги... отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно также необходимо ставит эти отношения на голову. Этот процесс отражения происходит помимо сознания действующего; юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это все лишь отражения экономических отношений. Таким образом, все стоит на голове. А что это извращение, представляющее собой, пока оно еще не раскрыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать,— это мне кажется само собой разумеющимся»³¹.

Идеологические воззрения, разумеется, не непосредственно воздействуют на реальные процессы и преобразовывают их. Здесь происходит несколько иное: а именно управляющая система в лице господствующей экономической и политической в обществе силы, пользуясь властью, насильственно вносит угодные и выгодные ей изменения в существующие экономические порядки и оправдывает эти изменения всякого рода идеологическими воззрениями, чтобы смягчить возмущение недовольных, ущемленных. Или же готовит почву, создает соответствующую психологическую обстановку, а потом использует свою власть. И в том и в другом случае необходима реальная сила, чтобы воздействовать на экономические процессы, вносить в стихию коррективы.

Но ведь обман и самообман все-таки есть дипломатия, хитрости, сопутствующие экономическим акциям. Как же их принимают за чистую монету миллионы людей? Какие социальные обстоятельства способствуют превращению этой возможности в реальную действительность, а какие ее тормозят. В речи на юбилее «Народной газеты», обращая внимание на противоречие между невиданными ранее успехами промышленности и науки и признаками упадка, далеко превосходящего все известные в истории ужасы последних времен Римской империи, К. Маркс сказал: «Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 414, 418.

140

того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводит к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт»³⁵. И этот антагонизм вопреки всем достижениям науки исключительно благоприятствует широкому распространению обмана и самообмана в политических, правовых, нравственных, философских и других взглядах, массовому производству иллюзий и даже материальных средств их порождения (алкоголь, наркотики, порнография, азартные игры и т. п.). И дело не только в том, что все это солидные статьи доходов, но определенные рычаги управления, каналы самовнушения, средств притупления чуткости на обман или просто отвлечения от него внимания.

Одним словом, капитализм, особенно в его современных формах, доводя естественное раздвоение жизнедеятельности человека до болезненно осязаемого антагонизма, расколотости всех условий его бытия абсолютно не в состоянии управлять обществом без индустрии иллюзий и самообольщений. А как же обстояло дело до капитализма?

Обратимся к эпохе древности. Раскроем знаменитую «Илиаду», приписанную

Гомеру (или Омиросу). Этому источнику мудрости древних мы касаемся лишь в аспекте управления, посмотрим, как изображено там руководство военными действиями (не вникая пока в суть его структуры). Создается устойчивое представление, что микенский царь Агамемнон был не столько главнокомандующим армии союзников, сколько представителем ставки верховного командования, которое осуществляют олимпийцы во главе с Зевсом. Особенность этого командования состояла в том, что оно координировало боевые операции обеих

* Там же, т. 12, с. 4.

141

враждующих сторон — и троян, и ахейн (как на боевых учениях современных армий) и как бы стремилось уравновешивать их шансы на победу. Ставку раздирали противоречия: Гера с Посейдоном жаждали гибели любезной сердцу Зевса Трои. Зевс и молодые олимпийцы все делали, чтобы были истреблены ахейцы. Но Зевс сокрушается: «Гера обидела все разрушать мне, что я ни замыслю»³⁶. Поэтому не могло быть и речи о единой и тщательно разработанной стратегии и тактике. Все особенности верховного командования, его суть, всплыли на поверхность сразу же, как только было нарушено равновесие сил гневом Ахиллеса. Обе части ставки олимпийцев судорожно бросались из стороны в сторону, хватались за все возможные средства, ссорились друг с другом, подменяли функции прямых военачальников и даже рядовых бойцов. Конечно, обман и хитрость были на первом плане: то Зевс внушает спящему Агамемнону мысль об отступлении, бегстве, то Гера, обольщая, усыпляет самого Зевса, а Посейдон тем временем как заправский агитатор разжигает боевой наступательный дух ахейн, то Арей с Аполлоном и Афиной, сломя голову бросаются в самые ожесточенные сражения, демонстрируя знаменья Верховного и даже лично поражают противника, иногда и сами получая сдачи.

Короче говоря, управление осуществляется путем превращения его из системы, упорядочивающей процесс, в систему прямо противоположной функции, вносящей в него беспорядок, дезорганизацию. Более того, будучи явно некомпетентными в руководстве действиями больших армий, олимпийцы (какой у них опыт: сражение с титанами? и все) фактически плетутся в хвосте событий, а все их знаменья, разжигания страстей и личное геройство не оказывают сколько-нибудь решающего влияния на исход операций. Спрашивается, а зачем тогда, с какой целью они вмешиваются в мировую бойню (Троянская война и являлась таковой)? А для того они вмешиваются в дела людей, чтобы их руками решать свои *личные* дела, сводить личные счета с противником. Зевсу ведь очень нравятся ссоры и драки богов. Иначе говоря, управление общими жизненно важными для всех воюющих народов делами для олимпийцев, верховных правителей является всего лишь средством решения своих личных дел, порою мелочных дразг между собой, споров о месте на иерархической лестнице.

³⁶ Илиада. М., 1967, с. 145.

142

мести, ревности и т. д. Олимпийцы пускают в ход и силы природы: солнце, туман, ночь и т. д. И с этой стороны происходит превращение, переход функции управления в свою противоположность, своеобразное оборачивание функций (олимпийцами решаются личные дела вместо общечеловеческих).

Почему же так беспомощны всемогущие боги? Не потому ли, что взаимные противоречия парализуют их всемогущие, превращая его в бессилие. По сути дела они могли управлять совершенно по-другому. К примеру, Афина прекрасно, вплоть до мелких деталей запрограммировала последний акт возвращения Одиссея в Итаку и блестяще, без единой оплошности воплотила его в действие. Но это ведь действие отдельного лица, а не целых народов или их коалиций.

Далее. Как осуществляет свои функции второй эшелон руководства, управления тот же Агамемнон. Конечно,, руководство военными операциями складывается у него по-

разному, бывают удачи и поражения. Но вот что касается распределения трофеев, добычи, то он, «беспредельно корыстолюбивый»³⁷, осуществляет, его оказывается так, что «большую часть добычи военной прибирает к своим рукам; в то время как тягчайшее бремя томительной брани руки мои подымают, в стан возвращаемся с малым», — справедливо жалуется Ахиллес³⁸. Ведь безграничная жадность Агамемнона приводит к развалу ахейской коалиции. В разгар военных действий и брожения в армии он отбирает у Ахиллеса Бризеиду («драгоценнейший дар мне ахеян») и вносит тем самым великий разлад в ахейское войско, фактически разваливает коалицию, устраивает беспорядок вместо поддержания порядка. Великий гнев овладел Ахиллесом. «Сердце мое раздымается гневом лишь вспомню о том я, как обесчестил меня перед целым народом ахейским царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный»³⁹. Следовательно, отбирая у Ахиллеса красавицу, царь преследует не только личные корыстолюбивые цели, желая возместить потерю (он отдал ее Хрисеиду отцу — жрецу Аполлона), но и сугубо личные честолюбивые цели. Он совершил это и для того, чтобы «ясно ты понял, сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился

³⁷ Там же, с. 26.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 169.

143

равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною»⁴⁰. Слов нет, верховная власть должна быть полновластна, но какой ценой, не ценой же разрушения субъекта управления она должна доказывать свою мощь. Управление ведь имеет высшую цель — обеспечивать, поддерживать целостность объекта управления. И Агамемнон это понимает или чувствует, когда сваливает вину на олимпийцев за свой деморализующий армию поступок (Зевс ему разум помутил — есть на кого свалить свою глупость).

Руководствуясь законом соответствия общественного сознания общественному бытию, без особых натяжек можно предполагать, что рассмотренным выше художественным ситуациям нечто соответствовало и в действительной жизни, в реальном поведении настоящих, земных олимпийцев и... царей. Ведь «Илиада» — не лирическое произведение, а эпос, в создании которого принимали участие целые поколения народов, так что жизненности изображаемых там ситуаций, несмотря на мифологический способ изображения, вполне можно доверять. Поэтому логично и второе предположение: всякого рода оборачивания и переворачивания, представления о процессах, искажающие их действительный ход или структуру, есть не только чисто идеологические явления, совершающиеся в головах людей, но образы, представления людей о некоторых реальных процессах или их объективной форме, функциях, способах их осуществления. В условиях капитализма они приобрели форму всеобщности (деньги, ценные бумаги, биржа, банки и т. д. — не решающие двигатели промышленного развития, но попробуйте без них совершить какую-либо экономическую операцию — они всеобщие формы движущих сил экономического развития), но истоками своими уходят в древность, в начальный период так называемой цивилизации.

Вместе с возникновением частной собственности, именно частной, а не личной, трудовой, социальный организм раскололся на противоположные классы, установился государственно-политический способ управления движением вещей, потоками людей; сложилась ситуация, порождающая всякого рода оборачивания, переворачивания, опрокидывания и другие социальные феномены и объективной, и субъективной реальности. Ведущей стала тенденция подчинения общих дел социального организма лич-

⁴⁰ Там же, с. 28.

144

ныш, частным интересам собственников; решение общих дел стало одной из форм или способов самого выгодного и, может быть, легкого обеспечения частных интересов. Отсюда и проистекает борьба за власть не только между классами, но и отдельными

кликами, группировками, членами одного и того же класса собственников. Внесение беспорядка, дезорганизации в господствующую организацию становится своеобразным способом стихийно осуществляемых функций упорядочения и организации, особенно в переходные исторические эпохи. Беспорядки — явление не однозначное. Они могут сознательно инспирироваться управляющей системой с целью самоутверждения или устранения неугодных групп или лиц, могут быть выгодны этой системе как способ создания необходимого ей возмущения, разнообразия.⁴

Исключения, конечно, бывают, когда личные интересы вождей, лидеров или стоящих у власти групп собственников совпадают, точнее, соответствуют интересам народов и даже регионов, культур, цивилизаций и, возможно, всего человечества. Но наука интересуется ими для подтверждения правила, законосообразности процессов, господствующей тенденции. Последняя же состоит именно в оборачивании, постоянном превращении содержания социальных функций управления в частнособственнических формациях в свою противоположность. Причем *расширение сферы действия этой закономерной тенденции прямо пропорционально углублению общественного разделения труда и обратно пропорционально степени прямой зависимости управляющей системы от управляемой, субъекта — от объекта управления.*

Поэтому ясно, что феодализм с его натуральным хозяйством сокращает сферу действия этой тенденции. Даже такой защитник обиженных, как Дон Кихот, был уверен, что «господин — это второй отец, а потому его и надобно чтить наравне с отцом»⁴¹. И тем не менее принцип оборачивания функций является господствующим и для феодализма, особенно в период абсолютизма, с его мощной бюрократической машиной. Бесподобное обнажение абсолютной противоположности всех феодальных институтов управления и регулирования их объективным функциям дал Ф. Рабле в своем бессмертном творении «Гаргантюа и Пантагрюэль» — этой замечательно реалистической де-

⁴¹ *Сервантес. Дон Кихот. М., 1951, ч. 1, с. 182.*

145

мократической утопии XVI в. Правители, по его мнению, должны облегчать бремя повинностей, а не творить зло. Царей потому и называют (Гомер) устроителями народов, что они в установлении и охране порядка справедливость ставят выше доблести, не грабежи и насилия применяют, а мир, дружбу и красоту. Так быть должно. А на самом деле... Коллегия прокуратуры — Реестр — Счетная палата. Загребай: «Я стригу кошельки»⁴². Люди здесь живут в огромном давящем прессе, существует масса всякого рода средств для выжимания из населения денег. В другом месте: страна Прокурация предстала путешественникам в виде «земли сплошь перепачканной и перемаранной», населенной прокурорами и ябедниками всякого разбора. О правосудии его отправители говорят: «Наша задача — без конца процеживать дела и выцеживать из кошельков». Бридуа (тоже судья) решал дела просто: бросанием костей, и был уверен, что такой способ судопроизводства не хуже, чем отдавать дело в обгаренные кровью и пристрастные руки парламентских судей. «Особенно, если принять в рассуждение, что все их судопроизводство пошло от некоего Трибониана, человека бесчестного, вероломного, грубого, зловредного, растленного, алчного и криводушного: он торговал законами, эдиктами, рескриптами, уложениями и указами — кто больше дает — и для этого нарезал их на кусочки, и это и есть те клочки и образчики законов, коими ныне пользуемся мы»⁴³.

Наиболее яркую, самую едкую характеристику получил «застенок» (он представлен островом, но с малой буквы пишется). Им управляет Цапцарап, эрцгерцог Пушистых Котов, животных преотвратительных и преужасных. Они схватили путешественников, взяли под стражу. «Они все хватают, все пожирают и все загаживают. Они вешают, жгут, четвертуют, обезглавливают, умерщвляют, бросают в тюрьмы, разоряют и губят все без разбора — и доброе, и дурное. Порок у них именуется добродетелью, злоба переименована в доброту, измена зовется верностью, кража

щедростью... Во всех случаях жизни их не покидает сознание собственного величия и непогрешимости» ". Так автор оценивает деятельность Пушистых Котов; живут они взятками, вымогательствами и прочими поборами. А теперь передаем слово самому Цапцарапу: «Здесь у нас смело

⁴² Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1973, с. 636.

⁴³ Там же, с. 412.

⁴⁴ Там же, с. 629.

146

говорят о том, чего не знают. А ну давай-ка, давай-ка! Здесь у нас сознаются в том, чего и не думали делать. А ну давай-ка, давай-ка! Здесь у нас с видом знатоков рассуждают о том, чему никогда не учились. А ну давай-ка, давай-ка! Здесь у нас бьют, а плакать не дают. А ну давай-ка, давай-ка!» ⁴⁵. Панург на середину зала бросил кошелек, туго набитый экью...— суд понял вас правильно,— сказал Цапцарап. Только после этого их выпустили из застен-

ка.

Не забудем, что это сатира, заведомое преувеличение. Но тенденция-то подмечена гениально: куда ни ткнешься в бюрократической машине, она знает только свои нужды и заботы, во всем вне ее находящемся и к ней обращающемся она усматривает средство их удовлетворения. Она сама ведь из средства (орудия, посредника) превращается в самоцель, становится на голову, но обслуживающий ее персонал признает сие совершенно естественным и надежным средством, источником своего благополучия.

Капиталистический способ производства, распределения, обмена и присвоения не то что отбросил эту машину, а, как подчеркивали Маркс, Энгельс и Ленин, усовершенствовал ее. Тенденцию оборачивания функций управления капитализм превратил в универсальную форму осуществления даже самих процессов производства, обмена и распределения. Ведь не случайно же в буржуазном обществе, даже восходящем, ложь, лицемерие, обман становятся как бы необходимым способом общения, более того,— жизни общества. «Весь строй общества пропитан обманом» — читаем в произведении на сей раз уже не художественном, а научном. Речь идет о «Психических факторах цивилизации» Лестера Уорда, глава XXIV которой названа «Принцип обмана». Автор полагает, что «в этой жизни — все хитрость, подделка, притворство, лицемерие и обман. А при удобном случае эти свойства принимают более открытые и вредные формы мошенничества, надувательства, плутовства и шарлатанства»". Автор далее развивает мысль о том, что большинство людей все это практикуют в мягкой форме, а вот у меньшинства, которое составляет паразитов общества, оно принимает злокачественную форму. Что это за меньшинство, прямо не сказано. «Общественные учреждения благоприятствуют учреждению такого

"^"тГм же, с. 628-629. *« Уорд Лестер. Психические факторы цивилизации. М., 1897,

с. 193.

147

класса, а он более всего усердствует в созидании и упрочении этих учреждений» ⁴⁷. Далее говорится о правосудии, торговом ведомстве, ведомстве финансовом... всех монополиях. Но, спрашивается, где источник, причина такого устройства социальной жизни? В человеческой природе, разумеется,— отвечает автор. В природе этот метод называется борьбой за существование. В обществе «законом конкуренции... оба заключают в себе принцип обмана» ⁴⁸, как все ясно и просто.

Дело осложняется тем, что в условиях государственно-монополистического капитализма принцип оборачивания функций все более подчиняет себе и производство как по линии фабрикации огромной массы совершенно ненужных (порой даже вредных) человеку вещей, так и в плане все нарастающего разрушения самой основы производства и вообще человеческой жизни — природы: земной, водной и воздушной оболочек

планеты. Дальше, как говорят, и принципу оборачивания некуда идти... И вот, пожалуй, последний штрих: «Служба леса, служба охраны рыб и животного мира, а также бюро землепользования стали главными врагами биосферы»⁴⁹. Все эти службы пропитаны духом торгашества, опутаны сетями бизнеса, промышленных корпораций. И ничем здесь не помогут ни эмоции, ни даже судебные разбирательства. Только коренное преобразование устойчивых форм самого производства, обмена и присвоения, которые порождают соответствующие им столь же устойчивые формы управления и регулирования этих процессов, можно преодолеть оборачивание функций. Иначе говоря, переход человечества к социализму и коммунизму — властное требование самой жизни, жизни человечества.

Перейдем теперь к рассмотрению еще одного фундаментального раздвоения социального движения.

3. Раздвоение производства. Созидание вещей и идей

Из предыдущих размышлений становится все более очевидным, что универсальность социального движения имеет как экстенсивный, так и интенсивный способ осуществле-

⁴⁷ Там же, с. 194.

⁴⁸ Там же, с. 195.

⁴⁹ *Дуглас Уильям*. Трехсотлетняя война. М., 1975, с. 153.

148

ния. Первый предполагает постоянно нарастающий синтез вещества и энергии внешней природы, преобразование их в неорганическое тело социального организма. Второй образует интеграционные процессы, постоянно воспроизводящие в единстве, целостности все более усложняющуюся внутреннюю расчлененность строения социальной общности. Ранее рассматривалось раздвоение социального движения на орудия-посредники и деятелей-людей, раздвоение жизнедеятельности человека на индивидуальную и родовую, на процессуальную часть, деятельность, и противостоящую, отделяющуюся от создателя результативную часть. Последняя, в свою очередь, раздваивается на средства производства (посредники, орудия) и средства индивидуального потребления (производство и потребление — тоже два различных способа жизнедеятельности).

Все эти естественно-исторические разделения целостной универсальной деятельности социальной общности предполагают с самого начала и обмен деятельностью, а следовательно, и управление-регулирование как необходимый ее компонент. Последний имеет отчетливо выраженную интеграционную функцию: упорядочивание отношений между людьми внутри общности и ее отношений с другими общностями. К тому же любая человеческая деятельность с самого начала приобретает форму сознательно-целесообразной, предваряемой построением идеальных моделей (планов) ее процесса и результата. Это построение, в свою очередь, нуждается в своеобразном строительном материале — духовных, идеальных предметах, которые тоже необходимо создать, произвести. В силу этого общественное производство осуществляется в форме материального и духовного. Это раздвоение, принимающее различные исторические формы (вплоть до общественного их разделения), отличается значительным интеграционно-синтетическим потенциалом.

Продукты материального производства возникают и функционируют (потребляются) по законам общества и модифицированным законам природы — законам *разрушающе-созидающего сохранения*. Предметы духовного производства — знания, способности, цели, ценности — создаются и функционируют по типично социальным законам — законам развития сознания с учетом, конечно, законов природы — законам *созидающе-утверждающего сохранения*. Разве не парадоксально, что в духовно-идеальных образованиях даже нечто отрицаемое в объективной или

149

субъективной реальности все же своеобразно сохраняется в сфере духа (обретает свою вечность, что не исключает и пересмотра его оценки).

Отсюда следует предварительный вывод о том, что в сущности созидания и функционирования идеальных феноменов наиболее отчетливо воплощается специфика социального движения, новый способ сохранения, передачи результатов развития (информация), его универсальная синтетичность. Подчеркиваем, что и производство, и функционирование (потребление) продуктов духовного производства принципиально, качественно отличается от материального производства с самого начала становления общественного производства (в точном смысле этого понятия) и его разделение на эти два вида порождается не конкретно-историческими обстоятельствами (отделение, например, умственного труда от физического, возникновение эксплуатации, частной собственности и другие явления, искажающие природу того и другого), а самой сущностью социального движения, универсальностью его природы, объективным строением трудового процесса как совместно-раздельной сознательно-целесообразной деятельности вообще. Именно потому, что эти два вида созидания (производства) подчиняются как общим, так и специфическим законам, их невозможно совместить, соединить одновременно в целостной человеческой деятельности. Вообще не было никакой надобности в «рассечении» ни этой деятельности, ни целостного индивида (так сказать, «отсечений» головы от рук), дабы осуществить это раздвоение производства. Сторонники «отсечения» головы от руки обычно ссылаются на известное положение К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни... То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д....»⁵⁰. Но ведь здесь прямо говорится, что духовное производство *вплетено* в материальную деятельность не только первоначально, но и в процессе производства политических доктрин, законов, норм морали, догм религии, философских концепций, про-

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 24.

150

изведений искусства, особенно литературы, т. е. когда произошло общественное разделение физического и умственного труда. В противоположность «отсекателям» в этом высказывании утверждается, с одной стороны, вечность раздвоения производства на материальное и духовное, а с другой — вечная зависимость, обусловленность первым вторым, применение языка реальной, в известном смысле обыденной жизни в духовном производстве. Задача К. Маркса и Ф. Энгельса состояла в том, чтобы как можно приблизить к земле, материальной жизни духовное производство, а не отождествить его с материальным.

Перед нами стоит иная задача: раскрыть существенное различие между ними и доказать сомнительность иных подходов к этой проблеме. Отождествляя духовное производство с духовной деятельностью «в определенной, исторически возникшей *социальной форме*», представленной в виде деятельности особого отряда людей, имеющей характер всеобщего продуктивного труда, «который может при определенных условиях превратиться в непосредственный труд и, наоборот, в собственно материальной деятельности проявить свой «продуктивный» характер, В. И. Толстых делает далеко идущие запретительно-предостерегающие выводы: «Это обстоятельно делает несостоятельными и бесполезными любые поиски «субстанциальных» различий между материальной и духовной деятельностью. Потому что этих самых «различий» просто не существует, а есть лишь различия между элементарными и высшими формами человеческой деятельности, которые в реальном процессе совместно-раздельного труда взаимосвязаны и представлены как в духовном, так и в материальном производстве»⁶¹. Уточняя свое понимание «элементарных и высших», автор пишет: «Физическое» и

«духовное» как виды труда отличаются друг от друга не по составу психологической работы, а лишь в пропорциях заключенных в них (и реализуемых ими) высших и элементарных форм деятельности (затрат работы «руки» и «головы») ⁶²: надо полагать, «руки» — это элементарные, голова — высшие. Но тут же автор спешит оговориться: «Надо видеть разницу между «головой», способной к творчеству нового, и «головой», озабоченной лишь стремлением эффективно выполнять сугубо исполнительную задачу, как, впрочем, надо по до-

⁵¹ Толстых В. И. Духовное производство как проблема исторического материализма.— *Вопр. философии*, 1978, № 2, с. 48. ⁶² Там же.

151

стоинству оценить и работу «человеческой руки». Трудно понять, что элементарное, а что высшее; словом, нет ясности ни с «рукой», ни с «головой». И все же автор настаивает, что духовное «выступает синонимом высших форм человеческой деятельности» ⁵³.

Видимо все же, столь сложный вопрос не решить ни ироническими кавычками, ни обыгрыванием понятий «элементарные и высшие формы деятельности», «таинственность», «загадочность», ни даже объявлением различия между духовным и материальным производством относительным. Здесь необходимо разобраться в самой сути дела.

Прежде всего мы никогда не должны упускать из виду, что исследование ведем на уровне понятий самого высокого ранга. В этом плане материальное и духовное производство — это философско-социологические понятия, обозначающие два различных способа взаимодействия общества с природной и социальной средой, необходимые для поддержания и воспроизведения жизни индивидов и социальной общности в ее целостности. Различие их состоит прежде всего в том, что материальное производство осуществляется в процессе действительно материальных, объективных изменений предметов с целью создания необходимых человеку средств материального, личного или общественного потребления. Духовное производство осуществляется в процессе идеально-отражательного взаимодействия человека с природными и социальными предметами, предполагающее их стабильное, устойчивое состояние с целью создания идеальных мысленных образов (копий, слепков или различных комбинаций образов, не имеющих коррелятов в предметном мире), фиксируемых в том или ином материале (и форме) соответственно их предназначению — идеальному функционированию (потреблению). Отсюда вытекает и вторая различающая их особенность, а именно что в своем осуществлении эти виды производства всегда расчленены в пространстве и времени, а это создает возможность как единства, общности субъекта материального и духовного производства, так и разделения вплоть до образования специальных социальных групп (классов), осуществляющих то и другое производства.

В этом и коренится необходимость постоянного взаимодействия материального и духовного производства, обмена

⁵³ Там же, с. 49.

152

I

своими результатами, т. е. в материальном производстве непременно применяются результаты духовного (цели, технологические, организационно-управленческие принципы и т. п.), в духовном столь же непременно присутствуют результаты материального (идеальные их формы, цели, экспериментальная база и т. д.). Можно сказать, что функционально эти виды производства взаимодействуют по закону своеобразной взаимодополнительности.

В генетическом плане они взаимосвязаны по закону соответствия и определяющей роли способа материального производства по отношению к социальной и духовной жизни (это не означает тождества понятий «духовное производство» и «духовная жизнь

общества», первое — лишь один из важнейших компонентов второй). «Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической* форме, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих»⁵⁴. Но это соответствие вряд ли можно трактовать в том смысле, что «каждая историческая эпоха отличается своей логикой или способом мышления...» или что «люди с негосподствующим социальным положением лишены возможности производить идеи», или, что «при первобытной организации производства целеуказание (т. е. производство целей. — А. Б.) и целереализация были слиты в деятельности каждого индивида. Разделение труда проводилось лишь в силу неизбежного действия естественного (полового, возрастного) отличий людей»⁵⁵.

Обусловленность, определяемость духовного производства материальным — незыблемый принцип не только познания того и другого, но и действительного их бытия. Но именно в реальном их бытии взаимодействие и обусловленность одного другим невероятно сложны, опосредствованы рядом обстоятельств и всегда конкретны. Исследуя, например, особенности духовного производства классической античности, его диалогичность, установку на самый процесс мышления, а не его результаты, ориентацию «на устное, живое, звучащее слово и на его слуховое восприятие, т. е. то, что может быть названо *орально-акустической ориентацией*», С. Л. Утченко не обращается прямо к способу материального производства той эпохи⁵⁶. Он

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 279.

⁵⁵ Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976, с. 185.

⁵⁶ Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 8.

153

убежден, что эта ориентация «обусловлена, вернее даже порождена, особым характером существовавших в полисе социальных связей»⁵⁷, имея в виду прежде всего феномен народного собрания. Социальные отношения, регулирующие их функционирование институты,— это постоянно действующий механизм опосредствования взаимодействия материального и духовного производства, всех его отраслей. Даже наука, которая в современную эпоху стала непосредственной производительной силой, не исключается из этого правила. Особенность ее в качестве компонента производительных сил состоит в том, что «он не встраивается и не может встраиваться непосредственно в низшие звенья производственной системы, а занимает в ней особое место своеобразного полигона, на котором разрабатываются и отрабатываются новые технологические схемы и принципы»⁵⁸.

Особенно важна роль социальных институтов в осуществлении такой фундаментальной функции духовного производства, как воспроизводство духовной структуры личности, формирование ее созидательных способностей и целей. Ведь участие в материальном производстве, в материальной жизни вообще, духовное производство может осуществлять, как правило, посредством выработки соответствующих человеческих способностей. Все знания, технологические схемы и принципы, нормы и законы, художественные и другие ценности не имеют решительно никакого смысла, если у человеческого индивида отсутствуют способности воплотить их в практику.

⁶⁷ Там же, с. 17.

⁵⁸ Сенокосов Ю. П., Юдин Э. Г. Социальное знание и социальное управление.— Вopr. философии, 1971, № 12, с. 23. Это яркое, образное и в то же время четкое понимание социальной функции современной науки в известной мере применимо и к духовному производству вообще, его отношению ко всякой материальной деятельности. Когда Дон-Кихот говорил о цели светских наук, которая состоит в том, чтобы «установить справедливое распределение благ, дать каждому то, что принадлежит ему по праву, и следить и принимать меры, чтобы добрые законы соблюдались» (*Сервантес*. Дон Кихот, ч. 1, с. 390), то, вероятно, имел в виду обоснование принципов такого рода деятельности. Развивая смысл этого образа, можно сказать, что духовное производство— это полигон,

где не только отрабатываются новые схемы, структуры всякой деятельности, но и проверяется их надежность, добротность. Не исключено, что любая социальная система заинтересована в том, чтобы духовное производство имело цель: «Сохранение и обеспечение постоянства и долговечности духовных основ всех мер и законов» (Гессе Г. Игра в бисер, с. 160).

154

Для духовного производства первобытно-общинного строя было характерно то, что оно сливалось с социальными отношениями, прямо вплетено было в реальную жизнь, подчинялось прежде всего формированию необходимых общности способностей личности.

Настаивая на обусловленности духовного производства материальным, признавая его необходимым моментом процесса обмена веществ между природой и человеком, все же не следует упускать из виду его своеобразие (идеальность), относительную независимость от материального производства, свойственные только ему противоречия и способы их разрешения. Само собой понятно, что по содержанию духовное производство представляет собой идеальное воспроизведение в самых различных формах всех видов и форм материального, в том числе породившего его социального движения.

Идеальное, духовное, т. е. нематериальное... и все же производство, воспроизведение. А возможно ли вообще идеальное, духовное производство, не парадокс ли это? Ведь дух с первого дня своего рождения отягощен материей в виде звуковых волн (физическое движение), движений артикуляционных органов человека (механико-органическое движение) и каких-то движений мозгового вещества (физиологическое движение). Чем дальше, тем больше дух отягощается веществом в процессе создания и репродуцирования духовных образований. Следы острых палочек на глиняных дощечках (клинопись), ряды чернилами, краской начертанных человеком знаков на бумаге или другом материале (буквенное письмо) или машиной тиснутые их ряды (книгопечатание), глыбы мрамора или гранита, превращенные резцом в бессмертные изваяния (скульптура), нанесенные на плоскость красочные пятна и линии (живопись всех родов), пластические движения самого человека (театр, танец), специально создаваемые для этой цели машины все более сложной конструкции и даже их комплексы (кинематография, радио и телевидение, грамзапись — полиграфия) и, наконец, могучая индустриально-экспериментальная база современного естествознания — вот лишь схематический, далеко не полный ряд способов реализации тенденции возрастания роли вещественности в созидании и репродуцировании-ретрансляции духовных образований.

Не случайно возникает представление, что для духа-то **и места не остается в гигантских цикло- и синхрофазотро-**

155

нах и подобных им установках. Ведь они-то пускаются в ход не с целью получения новых сведений о существующих объектах природы или их фиксации-репродукции, а для создания новых объектов, не существующих в самой природе материальных образований. На наших глазах совершается процесс перехода духовного производства в свою противоположность — особую, необычную отрасль материального производства. Да к тому же и все механизированный ■ отрасли духовного производства тоже порождают различного рода и своеобразного назначения устройства и материальные образования. В чем своеобразие их назначения, функций и устройства?

Все материальные образования, порождаемые духовным производством, начиная с звукового комплекса (или другого знака), простейшего слова и кончая новейшими порождениями современной индустрии знаний и развлечений (грамзаписи, киноленты, книги, изопродукция, радио, телепередачи и т. д.), не имеют в своем теле ни малейшей вещественной частицы того, что они изображают, фиксируют, представляют и прямо не говорят о том, ради чего они функционируют. Более того, отделившись от своего творца (производящего устройства), включившись в мир других, тоже материальных (но

генетически и субстанционально иного класса) образований, до своего контакта с другим субъектом (творец — тоже субъект) эти образования не имеют в себе объективного критерия обнаружения своеобразия их строения и назначения. В этом смысле они как предметы не являются компонентами объективной реальности, образуют особый мир субъективной (понятной и необходимой определенному субъекту) реальности. Именно здесь надо видеть источник многочисленных противоречий, произвола в создании и даже функционировании продукции духовного производства (соотношение формы и содержания, знака и значения, содержания и смысла, факта и вымысла, домысла и сознательного извращения смысла, искажения социальных и личных целей и т. д.). *ИЧИ

Вероятно, тенденция возрастания степени свободы отрыва формы от содержания, а потому и произвола, своеволия, субъективизма производителей духовных образований нарастает одновременно с увеличением роли вещественных компонентов в самом процессе производства, которые все больше отдаляют творцов от объекта и "воспринимающего субъекта. В противовес этой субъективистской тенденции в духовном производстве существует тенденция сближения,

159

слияния вещественных элементов формы с их духовным содержанием, которое никогда не достигает тождества даже в шедеврах искусства или науки (Венера и Аполлон, хотя и боги, но все же мраморные, неживые). Но субъективно в восприятии субъекта возможно не только полное отождествление вещественного и духовного компонентов идеального образования, но и абсолютизация последнего, т. е. отрыв от субъекта-творца (а последним не всегда является личность) и предмета и надления его сверхъестественными свойствами. Эта операция абсолютизации происходит тем более успешно (т. е. незаметно для ее участников), чем внушительнее социальная сила, стоящая за теми или иными идеальными образованиями, и чем менее посвящены массовые участники процесса в тайны духовного производства, в механизм социальных функций его продукции.

Ведь даже слово тысячелетиями функционировало как магическая, волшебная сила: оно как бы само по себе запрещало (причем без всяких доказательств — нельзя и все!) и разрешало, останавливало и приводило в движение. Источник, внутренний механизм процесса скрыт, результат его наглядно каждому демонстрируется. Почему бы не обожествить его, не каждое в отдельности, а «слово» вообще как силу, как сверхъестественное образование. Так, примерно, и возникают боги вообще, потом создаются их антропоморфные изображения, которые тоже суть продукты духовного производства, а вслед за ними и всякого рода их указания, распоряжения, чудотворные деяния и т. д. По этому шаблону, вероятно, порождаются и легендарные герои с их подвигами. Это первый исторически устойчивый способ истолкования порождения и функционирования духовных образований, — *магически-мистический*. Но рядом с ним возникает и противоположный ему *утилитарно-практический*, когда идеальные образования и производятся, и функционируют как устойчивые образцы, программы практического действия, как технологические или структурно-логические его схемы. Духовные образования первого типа функционирования имеют тенденцию модифицироваться в эталоны или рукотворные, человеческие образцы добра и красоты, достойные вечной жизни и восторженно-благоговейного отношения к себе человечества или определенных общностей (ценностный, этико-эстетический способ функционирования продуктов духовного производства).

Следует выделить и еще один, тоже исторически устойчивый способ изготовления и функционирования духов-

15?

ных образований — *привычно-опошлительский*. Для него характерно подчинение производства и функционирования духовных образований чуждым стимулам и способам действия (привычка, нажива, развлечение, престиж, удовлетворение низменных потребностей и т. д.). Ему также свойственно вовлекать в орбиту своего влияния и вечные

творения человеческого духа, спекулируя на их всеобщности, опошлять их, низводя до уровня ремесленных поделок, изготавливаемых на сиюминутную потребу.

От обожествления до опошления — таков диапазон движения продуктов духовного производства, которое имеет своим источником не только специфические для него закономерности, но и обусловлено объективными законами социального движения в его универсальности. Теперь есть достаточно оснований для заключения о том, что духовное производство есть движение, к тому же имеющее материального носителя в той мере, в какой продукты мыслительной деятельности человека — его восприятия, представления, суждения, умозаключения, понятия, идеи и т. п.— воплощаются в предметно-материальных образованиях, прежде всего в так называемых знаковых системах естественного и искусственного происхождения. В отличие от материального взаимодействия-производства, в процессе, которого изменяются все участвующие в нем компоненты, духовное производство-взаимодействие по необходимости предполагает сохранение в неизменном виде объектов отражения; в противном случае всякое духовное производство теряет смысл.

Духовное производство как движение образов, снимков, символов,— словом субъективно-идеальных, но объективно содержательных представителей — заместителей вещей и процессов — человеку крайне необходимо именно для сохранения, длительного удержания в форме идеальной модели, образца устойчивого, повторяющегося в постоянно меняющемся мире действительности, чтобы в своей практической деятельности использовать эти модели в качестве меры вида предметности ⁶⁹ (ведь человек творит, производит в меру каждого вида).

⁶⁹ Происходящее в процессе целеполагающей сознательной деятельности воплощение идеального представления о коночном результате труда является необходимым компонентом материального производства. Как отмечалось ранее, в последнем участвуют уже готовые, произведенные идеальные образования, возникающие вне процесса материального производства. С«азан-

158

Отсюда можно предположить и о таком парадоксальном свойстве движения идеальных образований, как движении неизменных моделей или сущностей. От него всего лишь один, но принципиально-ошибочный шаг до вечных в своей неподвижности идей — образов Платона и априористики Канта. Ведь если в такой модели зафиксирована мера вещи (грань сущности) да еще в органической связи с мерой человека (какой-либо его способностью или потребностью), то ей обеспечена, по сути дела, едва ли не вечная жизнь даже в случае неадекватного отражения (к примеру, идея демиурга, творца как искаженное отражение творчески-преобразующей, активной природы человека, его деятельности, в том числе и познавательной). Здесь важно иметь в виду специфику функционирования (потребления) продуктов духовного производства как идеального их применения, сохраняющегося в последующем бесконечном функционировании в качестве идеального плана, образца действия, предмета и т. д.

В смысле долговечности, функциональной устойчивости многочисленные продукты материального производства на много порядков уступают идеальным образованиям. Хорошо это или плохо? «Чем глубже в прошлое, тем более мы видим человека запеленутым в речевые и образные штампы и трафареты, в формулы оценок поведения, в формулы житейской мудрости, практического рассудка, верований. Он разгружен от необходимости думать: почти на всякий случай жизни, почти на всякий вопрос есть изречение, пословица, цитата, стих, пропись, обобщенный художественный образ. Каждая такая формула применима ко многим конкретным значениям. Надо только уметь вспомнить подходящую. Но ведь тем самым можно и выбирать среди них! Можно сталкивать одну формулу с другой и тем расшатывать их непререкаемость. Так развивается пользование «своим умом» ⁶⁰. Это позиция Б. Ф. Поршнева,

ное не исключает, что сам процесс материального производства не вносит своих

поправок и дополнений в готовые, уже идеальные образования. Дополняет и вносит, но не в своей сфере и не своими методами, а в сфере духовного производства и его методами.⁰ Поринев В. Ф. О начале человеческой истории, с. 484. Приведенные размышления в чем-то перекликаются с представлениями о древности, которые подвергаются сомнению даже Фаустом: «Как представляем мы порядок древний? — задает себе он вопрос.—

«Как рухлядью заваленный чулан.

159

негативизм которой в отношении устойчивости и непререкаемости «штампов, трафаретов, формул, оценок» ясен. Просвет автор усматривает лишь в расшатывании их непререкаемости. А действительно ли все непререкаемое подлежит расшатыванию только потому, что оно непререкаемо? Попробуй, расшатай «непререкаемость» колеса или рычага — вся техника, даже электронная пойдет прахом, одни обломки останутся. Далее: штампы и формулы освобождают человека «от необходимости думать», надо, видите ли, «только уметь вспомнить подходящую», но «можно и выбирать среди них». Автор, не замечая того, сам же взрывает собственную позицию, разгружая от необходимости думать.

Думать надо уметь, а не просто вспоминать, чтобы выбрать из массы одну-единственную формулу. Более того, штампы и формулы бывают разного достоинства: истинные и ложные, умные и не совсем, есть ведь предрассудки и даже ловушки. Не исключено, что ошибочные, ложные формулы и оценки с тем и создаются, чтобы вырабатывать самостоятельность и твердость ума (на то и щука, чтоб карась не дремал). Стоит ли пространно доказывать жизненность непререкаемых формул как носителей единства, непрерывности истории народов и человечества, как объективной преграды против доказывания доказанного, изобретательства изобретенного. Сила формул, штампов и оценок не только в том, что они являются аккумуляторами опыта прошлых поколений, но и в том, что они экономят энергию будущих поколений, если они, конечно, действительно непререкаемы.

Любопытны в плане нашей проблемы две сентенции Фауста: «Блажен, кто вырваться на свет надеется из лжи окружной. В том, что известно, пользы нет, одно неведомое нужно»⁶¹. Второе суждение можно понимать двояко: и в отрыве от контекста, т. е. само по себе, как истинное и как пример «лжи окружной», т. е. не прямой.

Однако не следует забывать и другую сторону непререкаемости, устойчивости идеальных образований. А именно

А некоторые еще плачевней,— Как кукольника старый балаган. По мнению некоторых, наши предки. Не люди были, а марионетки» (*Гете*. Фауст, с. 62). В данной ситуации — марионетки формул, штампов, оценок и подобных им идеальных образований.⁶¹ Там же, с. 61.

160

то, что даже самые правильные, не говоря о ложных, ошибочных формулах и предрассудках, превращаются людьми в орудие борьбы против новых идей, идеальных образований. Конечно, в борьбе общепринятых идеальных образований с возникающими, новыми часто решающую роль играют не достоинства (истинность или ложность) этих образований, а иного рода человеческие интересы (материальные, тщеславие, престиж и т. п.). Вообще говоря, сталкиваются, сражаются не идеи, представления и образы, а стоящие за ними люди со всеми их земными побуждениями, а не только с бескорыстным стремлением к истине. (Есть, безусловно, и такие, но они ли задают всегда тон — вот в чем вопрос!)

Вот как, к примеру, рассуждает об этом Фонтанарес, герой комедии Бальзака «Надежды Кинолы»: «Всякое великое открытие — это истина. Истина разрушает столько заблуждений и ошибок, что все, кто живет неправдой, восстают и хотят убить истину. И прежде всего они нападают на ее носителя. Удел открывателей нового — терпение... Мы добываем свет,— продолжает он, намекая на нравы своего времени (XVI в.),— а у нас его

отнимают, чтобы зажечь костер для нашей казни»⁶². Конечно, в комедии костров не разжигают, но все же в ней ярко показаны все силы, восставшие против изобретателя,— от святой инквизиции до науки. Фауст же прямо заявляет, что у нас не все в порядке на счет того, что значит знать:

«Немногих, проникавших в суть вещей И раскрывавших всем души скрижали,
Сжигали на кострах и распинали, Как вам известно, с самых давних дней»⁶³.

Насчет «души скрижалей» разговор впереди, здесь же заметим, что оба автора-художники и, будучи таковыми, обобщают, обостряют ситуацию, гиперболизируют ее размах. Но реальная тенденция все же улавливается. Не только неправдой, ложью, предрассудками живущие восстают против открываемой истины. И *живущие правдой* не так уже часто открывают объятия новой истине, к тому же не по злему всегда умыслу. Даже творцы подлинных духовных ценностей, не говоря о комментаторах и репродукторах, так сживаются со своими созданиями, что ничего дру-

⁶² *Бальзак О.* Собр. соч.: В 15-ти т. М., 1955, т. 14, с. 338—339. ⁶³ *Гете.* Фауст, с. 63.

6 А. П. Велик

161

того (в своей, конечно, области) не видят, не признают. Одни будут вдохновенно доказывать, что новая истина является очередным заблуждением, т. е. восстают против истины; другие же просто не заметят ее, повернувшись равнодушно к ней спиной.

Предоставим слово первопроходцу в науке. В предисловии к своей знаменитой книге «Земное эхо солнечных бурь» А. Л. Чижевский пишет: «Новые идеи с огромным трудом проникают в сознание даже наиболее передовых ученых. Названные здесь несколько лиц, работающих в этой области,— капля мысли в океане безразличия, противодействия и недоброжелательства. Для убеждения человечества, по-видимому, нужны многие десятилетия, а иногда и столетия»⁶⁴. К тому же следует заметить, что борьба с новыми идеями облегчается теми огромными трудностями, которые сопутствуют их рождению. В связи с этим А. Л. Чижевский пишет о чрезвычайной медленности созревания новых идей. Его предшественники десятки лет блуждали «*вокруг и около* этих идей. Несомненно, и мои последователи встретят массу трудностей при разработке всего комплекса этих вопросов, достаточно еще темных. Таковы трудные роды всякой новой науки»⁶⁵. Выдающийся ученый отлично понимал, что истина никогда не рождается в готовом, законченном виде, в совершенстве и полноте. Но еще Ф. М. Достоевский понимал, что есть люди (он почему-то относил их к «слизняковой породе»), которые не узнают истины «в уклоненной переходной и неготовой форме и отталкивают все, что еще не поспело, не устоялось и бродит». Они все хотят без особого труда понимать, им совершенство сразу подавай. «А слишком скоро пойдем, так, пожалуй, и не хорошо пойдем»,— разъясняет устами Мышкина Достоевский мысль о том, что «не все же понимать сразу, не прямо же начинать с совершенства! Чтобы достичь совершенства, надо прежде много не понимать»⁶⁶. Верно, что приведенные высказывания не из самых ясных, что оборот «надо... не понимать» здесь, видимо, звучит как «приходится, ничего не поделаешь». Но мысль в них бьется живая, напряженная; мысль о том, что рождение, происхождение истины не просто акт, а процесс, в котором производство, пороядение сливается с функционированием (потреблением). А «потребляющее устройство»

⁶⁴ *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976, с. 23.

⁶⁵ Там же, с. 330.

⁶⁶ *Достоевский Ф. М.* Поли. собр. соч., Л., 1973, с. 458.

162

оказывается еще не готовым, оно буксует, фыркает, ругается, но признать свою неготовность, незрелость не желает. Вот здесь-то и происходят любого рода неожиданности, возникают препятствия.

Еще раз обратимся к Чижевскому, он прямо заявляет: одно из препятствий в

рождении новой истины — *опошление новой идеи*. «Тема о влиянии солнечных пятен настолько опошлилась... было время, когда даже серьезные исследователи, подметив то или иное явление, связанное с влиянием пятен, не решались выступать с его опубликованием, боясь быть поднятым на смех в сатирической печати»⁶⁷.

Опошление идеи (форм бытия которого великое множество) т. е. измельчание, огрубление, искажающее первородное содержание, приноровление к скоропреходящей злобе дня, да еще и к личным нуждам опошлителей-интерпретаторов,— явление не исключительное, а пожалуй, что и неизбежное для всех эпох. Во всяком случае оно тщательнейшим образом исследовалось уже Достоевским⁶⁸.

В функционировании (потреблении) идеальных образований выявляется еще одно фундаментальное отличие духовного производства от материального. Материальное производство по самой своей природе создает потребительные ценности, ограниченные в пространстве и времени, т. е. преходящие. Духовное же производство способно создавать непреходящие в пространстве и времени безграничные потребительные ценности. В условиях всеобщности товарно-денежной формы функционирования экономических отношений духовные образования, особенно художественно-эстетического назначения, могут, следовательно, приобретать фантастическую стоимость, становиться средством получения баснословных прибылей.

Поэтому не случайно, что в условиях денежно-рыночной экономики, особенно государственно-монополистического капитализма, не только истинные творения человеческого духа, но и всевозможные фальсификаты превращаются в предмет довольно-таки влиятельного бизнеса (конечно, он несравним с бизнесом военно-промышленным).

Превращение идеальных образований в товары (не всех, правда: язык родной еще не стал предметом бизнеса;

⁶⁷ Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь, с. 114.

⁶⁸ С результатами предварительного анализа этой проблемы с позиций эстетики можно ознакомиться в книге А. П. Велика «Художественные образы Ф. М. Достоевского» (М., 1974, с. 168—176).

6*

163

ценности государственного владения тоже исключаются из под его егиды) безусловно активизировало ряд отраслей духовного производства. Но уже Гегель, а затем К. Маркс обнаружили отрицательное влияние такого процесса: количество в данном случае, особенно в поэзии, не переходит в качество. Хотя, если строго говорить, то и переходит: духовное производство превращается в свою противоположность, в средство производства капитала, денег, условий материального комфорта и т. п.

Благороднейшая задача: беспристрастно исследовать этот процесс, особенно превращение творений высокой классики во всех видах искусства (во время создания которые порой не доставляли даже самых скудных средств существования их творцам) в источник роскошного бытия целых орд современных толкователей, репродукторов и организаторов их функционирования. Прямо скажем: Гулливер и лилипуты приходят на ум. Но может и не совсем так, здесь необходимо действительное исследование процесса.

Однако что касается пагубного влияния товарности на состояние и структуру самого духовного производства, то здесь уже кое-что исследовано. Прежде всего имеется в виду роман Г. Гессе «Игра в бисер», в котором дана развернутая характеристика так называемой фельетонистической эпохи, предыстории возникновения страны Кастилии и ордена игры в бисер — игры со всеми смыслами и ценностями нашей культуры (т. е. игра со всеми продуктами духовного производства во имя их спасения от полной деградации, окончательного опошления).

Приступая к характеристике той эпохи (XX в.), художник констатирует, что тот век «не знал, что делать со своей духовностью... не знал, как определить подходящее духу

место в структуре жизни и государства», — то ли превратить его в орудие отнюдь не духовных наслаждений, то ли конфисковать его и использовать «в военных целях»⁷¹. Для той эпохи характерно было, с одной стороны, неслыханная свобода духа, с другой — удивительные «примеры продажности, самоуничтожения духа». Производилось тогда в массовом порядке *чтиво*, — анекдоты из жизни великих людей, интервью с известными деятелями о политических событиях, кроссворды были в ходу и другой занимательный вздор. «Единственно важным при этом

⁶⁹ Гессе Г. Игра в бисер. М., 1969, с. 41.

164

полагалось сочетание громкого имени с актуальной темой»⁷⁰. Все и вся кругом порою захлестывалось неистовым и дилетантским перепроизводством во всех искусствах; среди музыкантов воцарилась мания динамизма и экспрессии. Модой стало образование путем публичных лекций, которые чаще всего читали интеллектуальные проходимцы... Изготавливали всю эту мишуру профессионалы. Они «частью состояли в редакциях газет, частью были свободными художниками, порой их именовали даже поэтами... многие из них принадлежали к ученому сословию, нередко это были профессора высших учебных заведений со славным именем»⁷¹. Не одни проходимцы...

Г. Гессе счел необходимым отметить, что манера преподнесения материала была общей — она несла на себе печать «наспех и безответственно изготовленного товара». Товары эти пользовались спросом, ибо отвечали глубокой потребности — «закрыть глаза, убежать от нерешенных проблем и ужасающих предчувствий гибели в возможно более безобидный мир видимости»⁷². Что желали, то и получали, а получали в общем-то грубовато упакованную ложь⁷³. В ту эпоху казалось, что образование и искусство превратились в поддельные, духовные потребности упали до весьма скромного уровня. Словом, «человечество находилось тогда на пороге того чудовищного обесценивания слова, которое... породило противоборствующее — героико-аскетическое — течение, вскоре мощно выявившееся как начало новой духовной самодисциплины и духовного достоинства»⁷⁴.

Фельетонистическая эпоха убедительно показала, что «достаточно было немногим поколениям проявить беспринципность и расхлябанность в духовной сфере, как это сразу нанесло чувствительный удар практике. Все реже

⁷⁰ Там же, с. 43.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, с. 44.

⁷³ «Если ученый с трибуны, с кафедры или в книгах сознательно говорит неправду, — читаем в «Игре в бисер», — сознательно поддерживает ложь и фальсификацию, он не только погрешает против органических законов бытия, он вопреки всякой видимости и злобе дня и народу своему приносит не пользу, а тяжкий вред, отравляя ему воздух и землю, пищу и питье, отравляя мышление и чувство справедливости и помогая всем злым и враждебным силам, которые грозят ому уничтожением»

(Там же, с. 353-354).

⁷⁴ Там же, с. 45—46.

165

и реже стало встречаться подлинное мастерство и сознание ответственности среди интеллектуальных профессий, в том числе технических»⁷⁵. Потребовалось немало времени, чтобы люди убедились в «необходимости и для внешней стороны цивилизации, для техники, промышленности, торговли — единой основы в виде интеллектуальной нравственности и честности»⁷⁶. Мысль должна иметь чистоту и остроту — иначе наступит хаос.

Результатом всестороннего осмысления ситуации был «далеко заходящий отказ от создания новых произведений искусства, постепенный отход служителей культуры от

мирской предприимчивости и... рождение игры в бисер» ". Она рождала концентрированное ощущение дисциплины духа. Задача состояла в том, чтобы очистить и отточить свои мыслительные способности, научиться полному отречению от «быстрого и легкого добывания денег, от славы и общественных почестей, от похвалы газет... от материальных благ, изнеженности и роскоши» ⁷⁸.

Разумеется, рассмотренная выше художественная ситуация явно утопична, особенно в результативной части — идее создания ордена игры в бисер как выхода из острейшего духовного кризиса общества. И все же есть в ней нечто истинное, непреодолимо привлекательное. Пафос бескорыстия, протест против тотального опошления высших достижений человеческого духа. Не лишено оснований предположение, что подобного рода идеи можно выразить только в определенных условиях и лишь в утопической форме. §*Щ Щ

Что же касается глубинного конфликта, воспроизведенного в этой ситуации, то он вполне объективен, жизненно обусловлен. Он истинен и состоит в обнаружении глубокого^антагонистического противоречия производства и функционирования^многих видов^идеальных образований в условиях частнособственнического, товарно-денежного способа жизнедеятельности. В самом деле: творцы жалкой мишуры, пошлого чтива и прочей отупляющей ерунды окружены славой и почетом, утопают в роскоши и комфорте, потребители довольны тоже, они упиваются, наслаждаются этими социальными наркотиками, а общество, его духовно-интеллектуальные основания растлеваются, матери-

⁷⁶ Там же, с. 56.

⁷⁶ Там же, с. 57.

⁷⁷ Там же, с. 49.

⁷⁸ Там же, с. 55—56.

166

альная жизнь заходит в тупик, мастерство — основа бсной всякого созидания — катастрофически понижается, острейшие жизненные проблемы заслоняются анекдотическими историями и пустопорожней трескотней. А все довольны, виновных нет, да и преступлений как бы нет.

Огромную заслугу Гессе надо видеть в том, что он показал саму возможность подобного противоречия духовного производства, полярного расхождения его индивидуальных и социальных функций: личности наслаждаются — общество катится к гибели. Большой остроты антагонизмы не бывают, в материальной жизни они не достигают подобного накала — общество его вынести не способно. Напрашивается предположение, что подобный пагубный для общества способ производства духовных образований (или во всяком случае некоторых видов) характеризуется стихийной (или сознательной) ориентацией на удовлетворение массовых индивидуальных потребностей; к тому же духовных потребностей, крайне уныло однообразных и довольно невзыскательных. Такая ориентация почти начисто исключает интерес изготовителей духовного ширпотреба к социальным последствиям его функционирования, т. е. его влияние на изменение характера и уровня создающих способностей личности, ее устойчивых целей и устремлений.

В отличие от результатов материального производства, четко подразделяющихся в своем функционировании на общественную и индивидуальную части, продукты духовного производства не имеют строго фиксируемой функциональной расчлененности, они совместно, хотя и по-разному, участвуют в формировании целостной универсальной по своим способностям личности.

Функциональная устойчивость, относительная вечность и последовательность в наращивании своей мощности обуславливают и то, что именно духовные образования обеспечивают ближайшим образом преемственность и целостность социального движения. Но это еще не значит, что время не властно над ними. Нет, они в той или иной

части тоже стареют, приходят в негодность. Правда, и этот процесс осуществляется своеобразно. Следует оговориться, что речь идет о действительных идеальных образованиях, а не браке, всякого рода ядовитых отходах, фальсификатах и прочих издержках духовного производства периода господства товарных отношений. Ширпотреб духовный всех профилей функционирует подобно бумаж-

167

ным денежным знакам во время девальвации ⁷⁹. Так что не о них речь. Стареют, превращаются в свою противоположность и прочные духовные конструкции, но не сами по себе, а по мере ухода из объективной реальности их денотатов (и то не всегда). Они стареют, т. е. не отвечают своему объективному содержанию, и вследствие неправильного их применения (то слишком расширительно, то чрезмерно узкого) — догматического или релятивистского. Но самый могущественный губитель духовных образований, злейший враг их есть опошление, т. е. обращение с ними по правилам демагогического, прагматического и тому подобных стилей мышления (своекорыстие их объединяет в борьбе против бескорыстия).

Все приведенные здесь соображения дают основание для вывода об универсальности духовного производства как необходимого компонента социального движения. Эта универсальность (в смысле возможности отражения всего многообразия действительности, проникновения в глубинные процессы, использования различных форм) неоспорима. Правда, она производна от универсальности материального производства, так как духовное производство в своем развитии опосредствованно материальным. Более того, духовное производство имеет одной из своих функций совершенствование методов, средств и целей материального воспроизводства действительности, в том числе и человека на социальном уровне его бытия.

Что же касается регулирования и контролирования духовного производства, то и здесь имеется тенденция к жесткому регламентированию со стороны сил, управляющих материальным производством, особенно в условиях господства частной собственности и товарных отношений. История дает нам массу примеров трагических ситуаций самого жестокого преследования вплоть до физического истребления людей только за то, что они «изобретали» или

В известном смысле функционирование идеальных предметов сопоставимо с движением денег и даже товаров. Оно представляет собой одну из форм движения, функционирования и развития идеологических отношений. Известно, что и вся система идеологических отношений в конечном счете порождается производственно-технологическими и производственно-экономическими отношениями. Но последнее не означает, что содержание всей сферы духовного производства ограничено этими отношениями. Нет, оно равнозначно всем сторонам жизнедеятельности человека, в нем идеально осваивается, воспроизводится весь окружающий мир.

168

якобы изобретали новые, не укладывающиеся в штампы господствующей идеологии представления. Удивительно до парадоксальности здесь то, что духовное производство по самой своей природе призвано вводить новые образования, новые идеи — ему же запрещают это делать, говорят повторяй, разжевывай то, что всем давно известно, что необходимо одним лишь властителям для поддержания однообразия умонастроений и даже действий. Ситуация воистину трагична. Отсюда, вероятно, и произошло стремление представить сверхъестественным ее происхождение, отнести ее по ведомству всемогущего бога. Разве божественное вето на вкушание плодов с древа познания добра и зла не проливает на нее некоторый свет. Напомним, что подробный комментарий на этот счет имеется в поэме Д. Мильтона «Потерянный рай». Точнее сказать, она вся сконцентрирована вокруг этой ситуации. Посланный к человеку, Адаму Рафаил подробно повествует ему о прошлом и будущем и именем всевышнего повелевает: «Удовлетворись дозволенным знанием о земле и даже о высоких небесах, которое тебе

сообщено»⁸⁰. Сам Творец *лично* запретил трогать плоды дерева познания Добра и Зла. Но Сатана добился своего, искусил Еву, а та — Адама. Последствия известны — позорное изгнание из Рая (по мнению Гегеля,— сада для животных), вечное наказание за непослушание, вечный грех, вечное покаяние и т. д.

Библейский сюжет можно истолковать и так: суровость божеской кары (он ведь хотел вообще-то истребить свое творение, но сын умолил его смягчить меру наказания) вызвана тем, что Адам с Евой нарушили его абсолютную *монополию* на знание, на откровение его людям. Дело сложилось так, что наказание-то на человека обрушили, а монополию на производство знаний о добре и зле все равно за собой оставили и продолжают беспощадно карать всех дерзающих (правда, монополию эту присвоили себе хранители и толкователи божественного откровения). «Ограничмся лучше изучением великих правил (вместо непонятого чтения.— А. ф.), которые наш божественный спаситель оставил нам для нашего руководства здесь, на земле; будем стараться следовать им и постараемся убедиться в том, что чем меньше мы будем давать разгула нашему уму, тем мы будем приятнее богу, который отвергает всякое знание, исходящее не от него, и что чем мень-

⁸⁰ Мильтон Д. Потерянный рай. М., 1976, с. 228.

169

ше мы углубляемся в то, что ему угодно было скрыть от нас, тем скорее дает он нам это открытие своим божественным разумом»⁸¹,— пишет Мари Болконская своей подруге. Здесь все предельно ясно, просто до наивности, и толковать нечего. Но вот, что сказано в том же романе от имени самого автора: «В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода дерева познания. Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью»⁸². Данное суждение гениального художника воистину иррационально. Даже в том случае, если учесть его мнение о роли личных интересов, которыми руководствовалась тогда (в 1812 г.) большая часть людей, не обращая никакого внимания на общий ход дел. «И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени». Но ведь творение духовных образований само по себе есть «общее дело», исполняемое личностью, которому она должна беззаветно быть предана, что и есть ее личный интерес. А ей говорят: не прикасайся к плодам дерева, не твое это дело.

Представляется, что именно эта позиция господствующих в эксплуататорском обществе сил и приводит к массовому извращению стимулов духовного производства, заражению их своекорыстием, стремлением к власти, богатству и т. п. чуждым ему страстям.

По самой глубокой сути дела именно в этой сфере человек истинно созидает, творит, когда свободен от власти материальных соображений и потребностей, когда он всецело поглощен потребностью открыть истину, создать красоту, решить какую-то жизненно важную задачу, ничего пока не меняя в самой действительности, по принципу семь раз отмерь, один — отрежь. Индивидуальное материальное бескорыстие, свобода от власти материальных потребностей, своекорыстных соображений и торгашеских расчетов является не только непреложным, необходимым условием духовного производства, но и источником высокой радости, подлинно эстетического наслаждения его процессом, превращающемся впоследствии в могучий личный стимул этого производства. Бескорыстие уходит своими корнями как в пространственно-временной разрыв

⁸¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 14-ти т, М., 1951, т. 4, с. 119. Ч Там же, т. 7, с. 16—17.

170

процесса производства и потребления созданного продукта, свойственный человеческому производству (зачатки его появляются и у животных в виде создания запасов пищи), так и в коллективный способ его осуществления.

Духовное производство с самого начала формируется как сфера всеобщего труда — труда племен и народов, наций и всего человечества⁸³, что не исключает классового характера многих его видов в классовом обществе. Подчеркнем, что в доклассовом обществе этот всеобщий труд выступает в форме непосредственно коллективного производства, творчества родо-племенными объединениями языка, первичных знаний, начальных норм добра и красоты, а также могучих мифологических образований, эпических сказаний, легенд, обрядов и других образцов народного творчества. Изумления достойно не то, что многое из этого могучего потока духовного творчества не дожило до наших дней (кое-что исчезло навсегда, многое подверглось ассимиляции цивилизацией), а то, что мы и доныне испытываем на себе неотразимое влияние этой могучей стихии, которая живет в языке, искусстве, быту, что цивилизация в сфере духовного производства в непреходящих своих достижениях в преобладающей мере вдохновлялась величием и красотой именно эпических творений народов, результатов стихийно-художественной переработки природы в коллективном сознании.

Когда же материальное и духовное производства общественно разделились — стали осуществляться социально-обособленными отрядами людей, когда произошло отделение умственного труда от физического, то духовное производство претерпело глубокие изменения. Конечно, превращение духовного производства в дело специальных групп людей из господствующего, управляющего класса не погасило полностью стихии коллективного творчества народов в сфере развития языка, искусства, литературы, нравов, быта и техники кустарных промыслов и земледелия. Материальное производство по самой своей природе немислимо без дополняющего его духовного производства. И здесь в полном объеме сохраняется сила бескорыстия. Что же касается специализированного духовного производства, подчиненного интересам господствующих социальных сил, то в нем бескорыстие постепенно вытесняется

⁸³ Подробнее об этом см. статью «Из рукописи Б. И. Шенкмана «Духовное производство и его своеобразие». — *Вопр. философии*, 1966, № 12.

171

классовым и личным своекорыстием; продукты духовного производства постепенно вовлекаются в сферу товарного обращения, ими торгуют, их продают и покупают. Создаются секты, корпорации, которые монополизируют те или иные виды духовного производства или даже всю его сферу (церковь, монополии в современном буржуазном обществе).

К. Маркс и Ф. Энгельс четко зафиксировали этот процесс. О буржуазной политэкономии после завоевания буржуазией политической власти в «Капитале» сказано: «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристратные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»⁸⁴. Эти слова Маркс адресовал политэкономам Англии и Франции.

Энгельс охарактеризовал деятелей официальной исторической науки и философии Германии так: «Здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства»⁸⁵.

География подобных процессов в наше время, конечно, изменилась. Да и сама буржуазия, ее методы регулирования духовного производства не остались на уровне XIX в.

Было бы явным упрощением умалять великие достижения во всех областях духовного производства в условиях классово-антагонистических формаций, особенно в

науке, философии, искусстве. Но упрощением явилось бы и умолчание о глубокой его антагонистичности в частнособственническом обществе.

Дело не только в том, что развитие в эту эпоху духовного производства в его специализированных формах не устраняет глубокой пропасти между невежеством масс и высокими достижениями разума, но оно само становится

⁸⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 17.*

⁸⁵ Там же, т. 21, с. 316 — 317.

172

орудием насаждения, культивирования невежества (не только в лице религии), массовых предрассудков и заблуждений. Вместо возвеличения, гуманизации человека оно то и дело унижает человека, развращает его путем насаждения, воспитания низменных потребностей и привычек; являясь орудием достижения истины и красоты, духовное производство не гнушается массовой фабрикацией лжи и всяческого безобразия и уродства; создавая действительно содержательные теории, умножая объективные знания, действительные ценности, оно в то же время порождает потоки суррогатов ценностей, пустопорожних подделок и прочего духовного хлама; продолжая великие традиции бескорыстного служения народам и человечеству, духовное производство перенаселяется массой групп и лиц, превращающих его в орудие беззастенчивой наживы, обогащения, удовлетворения тщеславия и алчных стяжательских страстей. Все эти явления антагонистичной полярности духовного производства, тормозящие его развитие, достигают высшего накала в условиях современного государственно-монополистического капитализма. Все они — грозные сигналы того, что и в духовном производстве властно заявляют о себе тенденции к самоуничтожению, превращению духовного производства в свою противоположность, самоликвидации социального движения. С этими тенденциями мы уже встречались ранее, при общей характеристике универсальности социального движения. Но им, этим тенденциям, противостоят тенденции сохранения — развития социального движения, перехода его от капитализма к социализму и коммунизму.

4.

Удвоение деятельности человека.

Целеполагание как мера
необходимости свободы
и свободы необходимости

Представленную здесь существенную особенность социального движения можно рассматривать двояко: как удвоение всякой деятельности, т. е. выделение в ней двух уровней — объективно-материального и субъективно-идеального (объективные условия и субъективный фактор), или как раздвоение на целеполагание и целеосуществле-

173

ние и вычленение таких ее компонентов, как цель, средство и результат. Оба варианта исследования предполагают качественное отличие этого членения человеческой деятельности от всех выше рассмотренных ее членений. Если основанием указанного деления является структура, логика любой человеческой деятельности (сознательное целеполагание, идеальный образ конечного результата деятельности предшествует процессу его предметного воплощения, направляет посредством воли сам процесс, различие деятельности и ее продукта), то в качестве оснований предшествующих членений выступали различия результатов деятельности (материальные и духовные, идеальные образования), ее функциональной определенности — производство, регулирование, управление и др.

Фундаментальной особенностью удвоения (идеальный и материальный план, субъективный и объективный уровни) выступает его универсальность, т. е. подвластность ему решительно всех видов человеческой деятельности: созидающей и разрушающей; материальной и духовной, исполнительской и творческой и т. д. Столь же фундаментальной его особенностью следует признать и то, что субъектом и объектом,

целью и средством являются не метафизические застывшие, извечно определенные противоположности, а самые различные социальные реальности (не только производство предметов потребления, но и средств производства выступает целью, даже производство как таковое может быть целью, даже разрушение, потребление как таковое превращается порою в цель). Далее. Одни и те же носители социального движения (социальный организм, группа, класс, личность) в зависимости от ситуаций и системы отсчета могут выступать то в качестве объекта, то в роли субъекта, то в качестве средств, то в роли целей и даже самоцелей, идеалов. Ведь социальное движение тем и отличается от всех ему предшествующих уровней и форм, что это самопознающееся движение материи, саморегулирующееся и самоконтролирующееся ее самосовершенствование.

Строго говоря, человеческий, собственно социальный, способ действия и начинается сознательным целеполаганием, т. е. предвосхищением реальному изменению предмета идеального, мысленного его «преобразования». А. Г. Спиркин совершенно справедливо в целеполагании обнаруживает стержень и специфику сознания, а в целенаправленности человеческой деятельности усматривает

174

«ее коренное отличие от поведения животных»⁸⁶. Поэтому лишь условно-образно можно говорить о целях и целесообразности в мире биологического, досоциального движения и развития. Между тем «в науках о живой природе также начинает широко употребляться понятие органической целесообразности,— читаем в статье Н. В. Кузнецовой и А. С. Мамзина,— под которой подразумевается соответствие строения отдельных органов животных и растений выполняемым ими функциям, а также соответствие организмов внешним условиям, в которых они живут (их приспособленность к ним)»⁸⁷. Развивая свое понимание существа дела, они пишут: «В связи с этим по отношению к живым системам можно поставить вопрос: «Для чего (для какой цели) служат те или иные органы? Например, для чего у животных скелет? Для чего у рыб воздушный пузырь? и т. д.»⁸⁸.

Авторы справедливо отмечают, что в таком именно понимании целевой подход проникает в понятийный аппарат наук о живой природе. Безусловно, такая интерпретация целевого подхода несколько отличается от телеологии, которую в свое время высмеивал Гегель. «Например,— писал он,— не только виноградные лозы рассматривают с точки зрения той всем известной пользы, которую они приносят человеку (для чего они? — А. Б.), но продолжают в том же духе и относительно пробкового дерева, назначение которого якобы состоит в том, чтобы доставлять нам приготовляемые из его коры пробки для бутылок с вином»⁸⁹. Конечно, не запретишь применение целевого понятийного аппарата в науках о живой природе для описания некоторых явлений. Но не возбраняется и подвергать сомнению эффективность подобных процедур, а главное обратить внимание на явное несоответствие биологической интерпретации целевого подхода тому его содержанию, которое он приобрел в философии Гегеля и в диалектическом материализме.

Как будет показано позже, целевой подход и соответствующий ему понятийный аппарат существуют не для от-

⁸⁶ Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М., 1960, с. 9. Следует отметить, что в этой работе содержится оригинальная концепция генезиса социальной формы движения.

⁸⁷ Кузнецова. Н. В., Мамзин А. С. К вопросу о сущности органической целесообразности.— Филос. науки, 1978, № 4, с. 77.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 395.

175

вета на вопросы, для какой цели нужны те или иные органы или орудия, а для идеального воспроизведения совершенно нового, неведомого биологическому движению способа возникновения, порождения предметов.

Поэтому невозможно согласиться с утверждением о том, что Ф. Энгельс «не

отрицал существования особой формы целесообразности в живой природе — органической целесообразности»⁹⁰. Целесообразность без сознательного, человеческого целеполагания не существует в природе.

«В природе,— подчеркивал Ф. Энгельс,— (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей»⁹¹. Разграничение в этом классическом положении случайностно-процессуальной и окончательно-результативной (закономерной) сторон изменений в природе имеет принципиальное, методологическое значение. Ф. Энгельс, вероятно, этим подчеркивал достаточность таких категорий, как необходимость, закономерность и случайность для понимания движущих сил природных процессов: ни сознательные цели, ни чьи-либо желания не имеют к ним никакого отношения.

«Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» (т. е. без свободы. — А. Б.)⁹². Сознание, обдуманность, желания, страсти, стремление к определенным целям,— это характеристики человеческих действий, которые отличают их от взаимодействий слепых, бессознательных сил природы. Но это характеристика человеческой деятельности с точки зрения человека как ее субъекта. С позиций же закономерностей, которым подчиняется ход истории, человеческая деятельность получает у Энгельса иную характеристику: «И в этой области на поверх-

⁹⁰ Кузнецова Н. В., Мамзин А. С. К вопросу о сущности органической целесообразности, с. 79.

⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 305—306,

⁹² Там же, с. 306.

176

ности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели каждого отдельного человека, царствует, в общем и целом, по-видимому, случай. Желаемое совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления.

Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершению аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны. Таким образом, получается, что в общем и целом случайность господствует также и в области исторических явлений. Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»⁹³.

Из этой всесторонней характеристики взаимоотношения целесообразной деятельности людей и необходимости следует, что вся человеческая деятельность по способу ее осуществления целесообразна, сознательна, в этом смысле свободна, а по своим результатам, по отношению к закономерностям развития общества (необходимость) она носит случайный характер. Выходит, что сознательность, свобода, целесообразность человеческой деятельности не исключает, а предполагает случайностную форму ее результатов.

Прежде чем приступить к специальному рассмотрению целеполагания как существенной особенности социального движения, необходимо дать хотя бы общее

представление о человеческой деятельности как целостном предмете. Вся совокупная деятельность социальной общности, как и человечества в целом, детерминирована потребностями ее развития и функционирования как системы отношений, связей и взаимодействий реальных индивидов, личностей. Любая человеческая деятельность может осуществляться лишь в конкретно-исторических формах участия в функ-

⁹³ Там же,

177

ционировании общественных отношений. Поэтому понять человеческую деятельность невозможно в отрыве от общественных отношений, законов их возникновения и функционирования. Фундаментальное свойство человека как существа действующего сознательно-целесообразно предопределяет расчленение совокупной его деятельности и соответственно отношений на два уровня: на действия с предметами и действия с образами предметов. Разумеется, генетически второй уровень произведен от первого и должен ему соответствовать согласно закону соответствия общественного сознания общественному бытию. Если взять материальную деятельность в ее целостности ⁹⁴, то базисной здесь окажется производство и потребление материальных средств жизни общества и личности (созидающе-разрушающая и разрушающе-созидающая деятельности). Все другие виды материальных действий (социально-конструктивные-регулятивные, социально-деструктивные, адаптивные, обособительные, компенсаторные и т. д.) так или иначе порождены базисной деятельностью, они фактически опосредствуют движение отношений (и предметов) от производства к потреблению, обеспечивают известную стабильность и эффективность форм их функционирования. Даже самая предельная специализация некоторых видов деятельности (например, военное дело, здравоохранение или спорт) не отменяет этого принципа структуры материальной деятельности.

Особая роль и место в совокупной деятельности принадлежит коммуникативному и оценочному аспектам, которые образуют своеобразные, индивидуально-эмоциональные коммуникации между идеально-образной и материально-предметной деятельностью человека. При этом функционирование (потребление) духовных образований во всех видах деятельности в универсальном, коммуникативно-оценочном аспектах необходимо отличать от их производства — созидания и сохранения в специализированных видах деятельности (познавательная, художественная, оценочная), а также специфического их функционирования в компенсаторной (ритуалы, религиозный культ, развлечения) и адаптационной (воспитание, образование) деятельности.

⁸⁴ Общефилософский, прежде всего мировоззренческий, аспект проблемы «человеческая деятельность» обстоятельно проанализирован В. П. Ивановым в книге «Человеческая деятельность — познание — искусство» (Киев, 1977), с. 7—83.

№

Отличие предлагаемого способа рассмотрения не сводится только к чисто количественному набору видов деятельности, но прежде всего в самом принципе рассмотрения совокупной деятельности, что схематически можно было бы представить как вертикальное и горизонтальное расположение ее видов (действия с предметами и действия с образами). Вертикальное расположение видов деятельности и отношений означает, что они функционируют не только в качестве специализированных деятельностей (статус горизонтально расположенных), но и в качестве аспектов, способов идеального освоения (оценки и т. п.) деятельностей горизонтального уровня. Последнее особенно важно подчеркнуть относительно эстетического и коммуникативного аспектов, присутствующих в любом виде деятельности. Ведь целесозидание — это превращение объективного в субъективное, материального в идеальное на уровне человека, осознание этого процесса, происходящее в той или иной мере в каждом виде человеческой, социальной деятельности. Оно может осуществляться в коммуникативной деятельности на основе членораздельной речи, т. е. открыто или скрыто, во внутренней речи. Других

способов осуществления этого превращения, помимо абстрактного мышления на основе речевой деятельности, использования естественно возникающих и искусственно создаваемых знаковых систем, нам думается, пока еще не существует (на уровне чувственного созерцания, если эти превращения и происходят, то лишь будучи опосредствованными результатами предшествующего абстрактного мышления; не представляет исключения и так называемая интуиция). Следовательно, коммуникативная деятельность принадлежит не к специализированным видам деятельности, а является универсальным свойством любой человеческой деятельности как социальной, т. е. непосредственно или опосредствованно коллективной.

Примерно таков же статут и эстетического аспекта деятельности; он присущ любому виду человеческой активности в той мере, в какой она представляет собой целесо-ществление — превращение субъективного в объективное. Ведь человек способен производить универсально, в меру каждого вида, т. е. по законам красоты; только он способен бескорыстно наслаждаться процессом труда как игрой своих физических и духовных сил, подчинять их по мере надобности целесообразной воле, во имя как можно более адекватного воплощения своей идеальной цели в том или

179

Ином Материале, согласовывать при этом свой цели с природой, мерой этого материала.

Отсюда видно, что абстрактное мышление (сознание и самосознание), речевая и эстетическая способности, эти подлинно социальные способности человека, на основании которых осуществляется преобразование объективного в субъективное и обратно (распредмечивание и опредмечивание, субъективация и объективация), являются продолжением, развитием способности человека к универсальному производству как опосредствованному воспроизводству природы в процессе обмена веществ между ней и человеком. Отсюда следует и то, что постоянное удвоение деятельности, бытие ее на объективном и субъективном уровнях или состояниях и столь же постоянное взаимодействие состояний в сознательной целенаправленной деятельности являются не чем-то внешним, извне привнесенным в социальное движение, а внутренне обусловленным, необходимым его атрибутом, фундаментальнейшим свойством способа существования и развития социального движения.

Целевой подход к деятельности в отличие от генетического фиксирует движение мысли в противоположном направлении: от целеполагания, действия с образами предметов — к целесоуществованию, действию с предметами. Иначе говоря, соотношение уровней деятельности осуществляется и по закону соответствия средств целям.

Рассмотрение проблемы целесообразно начать с напоминания о постановке проблемы целесообразности Гегелем, которая осуществлена им в Логике⁹⁵, а не в филосо-

⁹⁵ См.: *Гегель*. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 392—399; *Он же*. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 185—216. Целеполагание как философская проблема привлекало внимание и других философов, особенно Канта. См. историю и библиографию вопроса в книге А. И. Яценко «Целеполагание и идеалы» (Киев, 1977). Целеполагание как особая отрасль современного общественного производства (проектирование, конструирование, планирование, художественное конструирование-дизайн) стало в последние десятилетия предметом специальных исследований. Отметим из них следующие: *Кантор К. М.* Опыт социально-философского объяснения проектных возможностей дизайна.— *Вопр. философии*, 1981, № И; *Ляхов И. И.* Проблемы социального проектирования.— В кн.: *Модели и методы исследования социально-экономических процессов*. М., 1975; *Паркин В. Ф.* Социальный детерминизм как проблема развитого социализма. М., 1981, с. 161 — 181; *Соломенцев Ю. М., Шеме-нее Г. И.* Методологические проблемы исследования проектно-

180

фии духа или истории. Чисто логический подход великого философа (к тому же с

позиций идеализма) к анализу этой проблемы predetermined силу и слабость, достоинства и недостатки трактовки этого сугубо человеческого способа действия. Цель в системе логики Гегеля есть ближайшим образом особая стадия в саморазвитии понятия, в которую оно вступает при переходе от химизма к телеологии (организм, жизнь). На этом уровне саморазвития посредством отрицания понятие «полностью освободилось от объективной внешности, с которой оно уже соотносится лишь как с несущественной реальностью; это объективно свободное понятие есть цель»⁹⁶. Это понятие, существующее для себя, «для-себя-сущее понятие». Цель определяется как субъективная, вначале абстрактно противостоящая объективности. Рассматривая бытие цели в форме суждений и умозаключений, Гегель настаивает, что оно есть «умозаключение самостоятельного, свободного понятия, связывающего себя с самим собой через объективность»⁹⁷, т. е. это понятие, не порывающее полностью своих связей с объективностью, несмотря на свою самостоятельность и свободу.

Далее. Как понятие «цель есть конкретное всеобщее, имеющее в самом себе момент особенности и внешней проявленности; оно поэтому деятельно и есть побуждение отталкивать себя от самого себя»⁹⁸, т. е. это понятие, стремящееся к воплощению в другом, не понятии. Цель поэтому есть «субъективное понятие как существенное стремление и побуждение к внешнему самополаганию»⁹⁹. Отсюда возникает возможность рассматривать цель как силу, которая «сама себя побуждает к самопроявлению» и причиной, которая есть «причиной самой себя или действие которой есть непосредственно причина»¹⁰⁰.

Словом, цель если уж и понятие, идеальное, субъективное, то особое понятие, способное к самостоятельности, самореализации — в ином, в средствах. В этом процессе «цель, сделав себя иным своей субъективности и объектив-ровав себя, снимает различие субъективности и объектив-конструкторской деятельности в технических науках.— Вопр. философии, 1981, № 11. ^v Гегель. Наука логики, с. 184.

⁹⁷ Там же, с. 182.

⁹⁸ Там же, с. 191.

⁹⁹ Там же, с. 193. ¹⁰⁰ Там же.

181

ностей, смыкается лишь с самой собой и сохраняет себя. Таким образом, это еще одно совершенно уникальное свойство цели — самосохранение.

В размышлениях Гегеля о носителе и механизме движения от субъективной к объективной цели, в понятийном его изображении можно вычленять два уровня: спекулятивно-формальный и научно-содержательный. На первом уровне носителем является понятие, а механизмом — отрицание понятием самого себя, понятие же и опосредствует это движение. «Так как понятие здесь, в сфере объективности, где его определенность имеет форму внешнего безразличия, находится во взаимодействии с самим собой, то изображение его движения становится здесь вдвойне трудным и запутанным, потому, что само это движение непосредственно двойко, и первое всегда есть также второе»¹⁰¹.

Гегель не видит надежных путей преодоления этих трудностей и запутанностей, поэтому целесообразно остановиться на втором уровне, связываемом Гегелем с рассудком или разумом. Здесь соотношение цели со средством рассматривается «не более как механический или химический процесс; в этом объективно внешнем выступают предшествующие отношения, но под властью цели»¹⁰². Дальнейшие рассуждения Гегеля прямо свидетельствуют, что он имеет в виду целесообразную деятельность человека: сюда можно отнести и упоминание о насилии (взаимодействие предметов происходит не само собой), и об опосредствовании (цель имеет между собой и объектом другой предмет) как хитрости разума и др. Особенно показательны высказывания о разумности цели и средства, сохраняющего ее разумность в ином, внешнем предмете: «Поскольку *средство выше, чем конечные цели внешней целесообразности; плуг нечто более достойное, нежели*

непосредственно те выгоды, которые доставляются им и служат целями. *Орудие* сохраняется, между тем как непосредственные выгоды преходящи и забываются. Посредством своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей»¹⁰³. Именно в этих суждениях В. И. Ленин усмотрел зачатки исторического материализма у Гегеля¹⁰⁴.

¹⁰¹ Там же, с. 206.

¹⁰² Там же, с. 199.

¹⁰³ Там же, с. 100.

¹⁰⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

182

Важное методологическое значение в системе Гегеля имеет не только обнаружение органической связи целесообразности как сферы свободы с механизмом и химизмом как областью необходимости, но и провозглашение «цели вещей истиной механизма»¹⁰⁵. А ведь противоположность между телеологией и механизмом — это прежде всего более общая противоположность «между свободой и необходимостью»¹⁰⁶. Следует иметь в виду и важность раскрытия Гегелем диалектики связей цели со средством и продуктом целесообразной деятельности, который есть средство для других целей и т. д.; своеобразия сохранения цели во всех моментах ее осуществления. Диалектику самой целесообразной деятельности Гегель усматривает в том «что в ней конец есть начало, следствие — основание, действие — причина, что она становление уже ставшего, что в ней обретает существование только уже существующее и т. д.»¹⁰⁷

Если не забывать, что сами цели — человеческие образования, а не свободные в себе и для себя понятия, т. е. они суть идеальные прообразы подлежащих созданию предметов, определяющие посредством целеустремленной воли как закон сам процесс их изготовления, то гегелевская характеристика очень удачно схватывает существенные особенности целесообразной деятельности как совершенно нового способа возникновения, порождения несвойственных природе предметов по ее же законам, качественно отличного не только от механических и химических, но и биологических способов возникновения вещей, а именно социального способа изменения человеком окружающего мира, человеческого способа действия вообще.

Строже говоря, сознательно осуществляемая целесообразность по всем позициям прямо противоположна инстинктивно-биологическому способу поведения животных. Хотя слова Гегеля: «Потребность, влечение суть ближайшие примеры цели»¹⁰⁸ и можно толковать в том смысле, что и животные, мол, не чужды цели, но такое толкование вряд ли можно признать убедительным. Потребность, желание становятся целями, будучи опосредствованными способностями к орудийной деятельности.

Противоположность социально-целесообразного и би-

¹⁰⁶ Гегель. Наука логики, с. 200.

¹⁰⁶ Там же, с. 199.

¹⁰⁷ Там же, с. 201.

¹⁰⁸ Гегель. Энциклопедия, с. 393.

183

ологически-инстинктивного способов жизнедеятельности сводится в общем к следующим позициям:

1) если животное взаимодействует с окружающей средой при помощи своих органов, частей организма (или организма как целого), то человек при этом применяет многообразные орудия, которые предполагают предварительное обучение способам их использования;

2) если, следовательно, животное взаимодействует со средой только непосредственно, то взаимодействие человека, как правило, опосредствованно многочисленными материальными и духовными образованиями (орудия, язык, норма, учреждения и т. д.);

3) если животное взаимодействует со средой крайне односторонне, в меру наследственной программы своего вида, то взаимодействие человека универсально, он способен производить по меркам любого вида и целеполагание представляет собой социальный механизм универсальности жизнедеятельности человека;

4) если носителем всей биологически наследуемой программы жизнедеятельности вида является каждая особь данного вида или популяции, т. е. структура его организма, в том числе нервной системы, то носителем программы универсальной жизнедеятельности человека является социальная общность вплоть до человечества как целостного образования, т. е. она вынесена за пределы человеческой индивидуальности и реализуется по мере ее усвоения последней;

5) если инстинктивно-биологический способ взаимодействия со средой отличается жестким однообразием, то для целесообразно-социального способа характерны динамическое многообразие, гибкость, изменчивость, не исключающие сохранения и относительной устойчивости;

6) если первый способ жизнедеятельности является по преимуществу приспособительным, подчиняющимся диктату среды (особь — популяция — должны изменять способ жизнедеятельности с изменением их экологической ниши или погибать), то второй способ путем изменения среды, приспособления ее к потребностям человека обеспечивает константность его органической структуры в самых различных природных условиях;

7) если жизнедеятельность животных осуществляется, как правило, автоматически под влиянием деспотизма необходимости природы (в том числе и самого животного), не исключая при этом проб и ошибок, обходов препятст-

184

вий, отклонений, порождающих некоторую вариабельность поведения, то человек может свободно избирать наиболее эффективный в данной ситуации вариант действия в рамках необходимости, причем осуществлять выбор путем не материальных, а идеальных действий, широко применяя идеальные образы предметов и операций, постоянно имея перед собой идеальный план действия;

8) если автоматизм осуществления инстинктивно-необходимых действий каждым животным, слитность самих действий с их мотивами и результатами не требуют каких-либо сверхбиологических способов саморегулирования (самоограничения), координации и организации животной жизнедеятельности, то сознательное целеполагание человеческой деятельности, расчлененность целей и средств их осуществления, возможность (и даже необходимость) свободного выбора тех и других до начала самой деятельности, предполагающая обмен соображениями, идеальными конструкциями действий и т. д., порождают совершенно новые формы и методы координации, регулирования и организации человеческой деятельности.

Сказанное позволяет заключить, что целеполагание — это такое фундаментальное свойство социального движения, которое пронизывает все его уровни и формы, особенно при рассмотрении его как регулятора человеческой деятельности. Ведь не только отдельные личности, но и классы, и народы в своей деятельности сознательно преследуют свои цели, добиваются осуществления своих интересов. Иными словами, речь здесь идет о конкретно-исторических движущих силах социального развития, народах и классах, мирной и военной, созидательной и разрушительной их деятельности, о сотрудничестве и борьбе народов и классов, революциях, справедливых и захватнических войнах и тому подобным сознательным акциям.

При таком подходе социальное движение в историческом ракурсе поворачивается к нам своим безграничным разнообразием, неповторимостью необходимого, повторяющегося: звездные часы и эпохи прозябания, праздники и будни, прекрасные мечты, идеалы и мрачная действительность, взлеты и падения выдающихся личностей и целых народов, радости и страдания, верования и сомнения сознательных творцов

истории и тому подобные явления социальной жизни. Но, несмотря на эту безграничность многообразия социальных явлений, механизм их осуществления поддается обобщению с позиций целеполагания,

185

предполагающего соотношение в них объективных условий и субъективного фактора (целей, средств и результатов их осуществления, идеального плана действий и материального его воплощения; прошлого, настоящего и будущего), необходимости и свободы.

Естественно, что целеполагание возникает одновременно с утверждением орудийного опосредствования деятельности и абстрактного мышления на основе языка. Вообще процесс формирования целей возможен лишь при наличии абстрактного мышления; слово же — первая форма материализации цели, делающая ее приспособленной к предъявлению исполнителям, что и осуществляется посредством речевого общения. Орудия деятельности выступают решающим средством перехода цели из субъективной в объективную реальность (целеосуществление). Не исключено, что социальная необходимость целеполагания стала главной движущей силой и содержанием процесса формирования абстрактного мышления, языка и речи. Ведь главная задача целеполагания в период завершения становления социального движения (окончательного его выделения из биологического) состояла в том, чтобы уловить потребности формирующейся социальной общности, воплотить их в такой форме, которая позволяла бы довести их до сведения и неуклонного исполнения каждого члена общности. Таким, вероятно, путем и происходило вытеснение, преодоление инстинктивно-биологического способа действия. Более того, на первых порах шло усиленное формирование в языковой форме (возможно, в виде жестов, но главным образом слов) целей-команд: запретов одних (инстинктивных) и разрешение, точнее, предписание и поощрение других, целесообразно-социальных способов действия. В этом и состояла самая насущная, неотвратимо необходимая потребность социальной общности, без удовлетворения которой она не могла ни утвердиться, ни более или менее организованно функционировать.

Здесь необходимо подчеркнуть равносильность целей-команд, разрешающе-поощряющих определенную деятельность (способ осуществления желаемого) и запрещающих некоторую другую деятельность, даже грозящих карой, наказанием за ее осуществление. Такое различие целей не потеряло своего значения и в современных условиях, особенно в процессе воспитания подрастающих поколений. Да и в процессе самовоспитания личности эти двоякого ро-

186

да цели постоянно регулируют нашу деятельность (стремление бросить пить, отказать себе в курении, излишнем комфорте и т. д.).

В эпоху первобытности запреты и разрешения решали не судьбы отдельных людей (что поделаешь, спился человек, пропал или онемел, погряз во взятках — тоже пропал), а социальных общностей и всего человеческого рода. Ведь запрету подлежали инстинктивные, т. е. автоматически, без какого-либо напряжения осуществляющиеся способы удовлетворения жизненных потребностей индивида (пища, жилище, существо другого пола). Надо полагать, что отказ от старых, биологических способов жизнедеятельности и переход к социальным не осуществился автоматически, без напряженной борьбы как между членами сообщества формирующихся людей, так и внутренней борьбы в «душе» каждого. Нам представляется особенно важным предположение о неизбежности, необходимости спонтанного пробуждения, произрастания раздвоения побуждений индивида в подобной ситуации (запрет-разрешение, наказание-поощрение по поводу удовлетворения коренных потребностей), сопоставление этих мотивов, принятие решения и т. д. Подобные действия могут осуществляться только в сознании, пусть еще смутном, рождающемся, но сознании, эволюционирующем к самосознанию.

Мы не утверждаем, что это единственный путь рождения сознания и самосознания, однако систематическая орудийная деятельность должна всегда приниматься во внимание.

Что же касается выяснения того, как именно происходил процесс утверждения целесообразности, этого универсального свойства человеческой деятельности, то здесь, открывается широкое поле для гипотетических построений. В частности, не лишена некоторых оснований гипотеза Б. Ф. Поршнева о суггестии и дипластии, изложенная в уже упоминавшейся его книге «О начале человеческой истории». Во всяком случае дело здесь не обошлось без «чуда, тайны и авторитета». Разве само рождение языка не было подлинным чудом, да и само функционирование языка тысячелетиями не воспринималось как магически-таинственный процесс?

Не исключено, что слова-команды (запреты и разрешения), как и слова-наименования предметов (они же идеальные образы-цели в процессе их изготовления, ориенти-

187

рующие на определенный способ действия), создавали изобретатели — люди, наиболее интеллектуально развитые члены становящейся социальной общности. Причем возникновение первых слов-целей оказывалось «за кадром» повседневности. Операция же применения этих необычных образований в качестве команд-повелений безусловно была долгое время монопольной функцией лидеров общности (руководителей военных дружин, старейшин, самых опытных мастеров и т. д.).

Но это были всего лишь только первые шаги становления системы целеполагания, или субъективного фактора, взаимосвязи и взаимоперехода объективности в субъективность и обратно. Наряду с генезисом абстрактного мышления и языка, питавшимся коллективным опытом первобытной общины, его составляющими оказывались и возникающие художественное творчество, нормы морали и прочие традиционные явления общественного сознания той эпохи.

Тысячелетиями отрабатывались обряды, шлифовались ритуальные действия, возникали культы (предков, солнца, различных видов деятельности), формировались устойчивые традиции их функционирования; и все это со временем выстроилось в сложную, но стройную иерархическую систему целеполагания, которая обеспечивала весь его цикл — от целесозидания до целепроверки, сопоставления реального с ожидаемыми, предполагаемыми результатами ее осуществления (праздничные, торжественные и печальные, траурные действия, гимны и плачи, прославления и проклятия и т. д.). Испытывались, проверялись надежность, действенность всех звеньев процесса целеполагания, всех элементов системы.

Заметим, что в жизни первобытного человека не было чистых игр и развлечений, отличных от общественно-полезных радостей и наслаждений. Все было подчинено социальной целесообразности, и даже совершенно абсурдные, явно иррациональные с нашей, цивилизованной, точки зрения действия занимали свое место в системе целеполагания. Конечно, возникали иллюзорные цели и средства, были мистика и суеверия, ошибки и заблуждения. Но ведь в эпоху первобытности осуществлялся закономерный ход истории человечества; оно достигло гигантских успехов во всех областях материального и духовного производства. Не слишком ли мы пристрастны к своим предкам? Ведь то была *магически-традиционная* система целепола-

188

гания, исторически первый тип системы субъективного фактора, т. е. социального способа стимулирования и регуляции человеческой деятельности. Возникает один важный вопрос, а именно: обеспечивала ли эта система целеполагания хоть в какой-то мере свободу в осуществлении необходимости социального развития или она утверждалась в форме абсолютного деспотизма ритуалов, как об этом пишут некоторые исследователи.

«Надо еще раз подчеркнуть, что первобытный человек был еще более несвободен,

чем раб: он был скован по рукам и по ногам невидимыми цепями. Это был парализующий яд родоплеменных установлений, традиций, обычаев, представлений. Человек не мог влиять на свои отношения: ... в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал»¹⁰⁹,— заканчивает Б. Ф. Поршневым свой приговор первобытной системе целеполагания цитатой из Ф. Энгельса.

Стоит ли опровергать этот антиисторизм, возвышающий раба над свободным членом первобытной общины, противопоставляющий свободу традиционному регулированию отношений между людьми. А разве не имеет значение свобода от угнетающей власти инстинктов, а разве не подготовило первобытное общество всех необходимых условий для дальнейшего свободного развития человечества, не сформировало тип свобододлюбивого человека? «А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямоты, силе характера и храбрости этих варваров»¹¹⁰,— пишет Ф. Энгельс в том же абзаце, из которого вырваны Б. Ф. Поршневым слова о регулирующей функции векового обычая.

Видимо, дело-то как раз в том и состоит, что естественно-возникающая, устойчивая, в деталях отработанная и самодеятельно-эффективно функционирующая система целеполагания (в отличие, например, от повернутой на себя бюрократической системы, в значительной степени работающей вхолостую) порождает необходимость свободы действий (насильственно она не может функционировать) и четко определяет ее содержание (свободная необходимость), т. е. выступает для обеих в их постоянном взаимо-

¹⁰⁹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории, с. 50.

¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 98.

189

переходе. Суровая, жестокая необходимость выжить, выстоять и утвердить себя в единоборстве с могущественной и почти непознанной природой, воплощенная в системе первобытного целеполагания, определяла меру свободы нецивилизованного человека в осуществлении этой необходимости, обеспечивала формирование людей мужественных, стойких и храбрых. Трудно себе представить этих людей скованными «по рукам и по ногам» даже невидимыми цепями. Тут должна идти речь о противоречивости магически-традиционной системы целеполагания. Жестко регламентируя распределение и потребление материальных благ, отношения полов, регулируя различные виды компенсаторной деятельности и процесс целепредъявления, она не в состоянии была осуществлять эти функции на уровне материального целеосуществления, т. е. в самом производственном процессе¹¹¹.

Культ, ритуал и всевозможные магические церемонии— это не те формы организации и регулирования деятельности, которые пригодны для трудовых, производственных операций, особенно исполняемых ручными орудиями. Вот где руки и ноги (и голова, конечно) первобытного хлебопашца и охотника, кузнеца и каменщика были совершенно свободны от «парализующего яда» родоплеменных установлений.

Вот она мера свободы, которая обеспечивала хотя и медленно, но неуклонно (и объективно) прогресс производства, совершенствование и возникновение новых способностей (при ограничении, жестком регулировании удовлетворения и развития материально-органических потребностей). Именно прогресс способностей и средств производства привел в конце-концов к возникновению таких орудий труда (металл), применение которых потребовало

Ценное в этом плане размышление имеется в статье Э. Берзина «Железная революция». Задумываясь над причинами возникновения очагов массового производства железа не в центре, а на периферии тогдашней цивилизации, он высказал следующее соображение: «Дело, видимо, в том, что стоявшие на самой низкой социальной ступени, стиснутые к тому же всякими регламентами ремесленники классических государств

Древнего Востока не имели стимулов к изобретательству. А у варваров кузнецы, напротив, обладали высоким социальным статусом и имели широкие возможности для экспериментирования с металлом. Поэтому они так легко и быстро развернули нужное производство, а затем уже железом занялись **в технически развитых городах Финикии и Сирии...**» (Знание — сила, 1978, № 8, с. 24).

190

новых (лично-индивидуальных) форм ведения хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями (общественное разделение труда, частная собственность, моногамная семья, имущественное неравенство, классы, государство).

Под напором новых социальных отношений магически-традиционная система целеполагания рухнула; ничто не могло ее спасти — ни древность происхождения (десятки тысячелетий длилось ее господство), ни монолитность структуры.

Пришедшая ей на смену религиозно-юридическая система целеполагания (цели-разрешения и запреты предъясняются в форме юридических актов, освящаемых религией) многое от нее наследовала и по форме (культ, ритуал, церемониал, таинственность, чудо, авторитетность), и по содержанию (предпочтение запретам в регулировании потребления, отношения полов, духовной деятельности, игнорирование опыта и т. д.).

Специальное исследование *религиозно-юридической* (рабовладение, феодализм), *юридически-политической* (капитализм) и *научно-самодетельной* (коммунизм) систем целеполагания не входит в задачи настоящей работы. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми принципиальными соображениями на сей счет.

Для классово-антагонистических формаций характерен плюрализм систем целеполагания. Хотя, например, на службе религиозно-юридической системы и были мощные религиозные и политические учреждения, специальные отряды жрецов, чиновников и блюстителей общественного порядка, она в отличие от магически-традиционной не является монопольной, единственной системой целеполагания, хотя и претендует на таковую. Обусловленная возникновением классово-неоднородных общностей (государственно-политических объединений) дифференциация целей и интересов на общие и личные, частные породила лично-индивидуальную систему целеполагания, которая имела своим предметом прежде всего обоснование принципов эффективности материально-производственной деятельности (хозяйство, имущественные отношения, распределения, обмен и т. д.). Истины откровения (мистифицированные, оторванные от личности и социальной общности и приписанные сверхъестественному существу абстрактные знания о некоторых свойствах человека и условиях его бытия) даже в самой утонченной интерпретации теологии

191

и при самой пламенной вере в их абсолютность мало пригодны для обоснования этой системы целеполагания.

Здесь требуются действительно достоверные знания о процессах природы и создаваемых человеком вещах, настоящих его способностях и потребностях, которые даются лишь опытом реального взаимодействия общества с природой. Но не всякий опыт пригоден в качестве строительного материала такой системы целеполагания, а лишь положительный, повторяющийся, не случайный¹¹² т. е. опыт, в котором присутствует необходимость самой природы. Именно о таких целях писал В. И. Ленин, что они «порождены объективным миром и предполагают его,— находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»¹¹². Кажимость эта имеет достаточные основания, ибо цели, реализуемые в процессе взаимодействия человека с природой, воплощают в себе действительные способности и потребности человека. В противном случае они являются чистейшими иллюзиями, наподобие большинства целей религиозно-мистического или абстрактно-утопического происхождения.

Если первые, т. е. опытно-достоверные цели, превращающие необходимость в

свободу, как правило, реализуются в практической деятельности (бывают, конечно, исключения, стихийные бедствия), во вторые (религиозно-мистические), как правило, недостижимы (в лучшем варианте деятельность по их осуществлению имеет компенсаторный характер). Именно о целях такого характера и писал Ф. Энгельс в «Людвиге Фейербахе». В том же случае, когда осуществление первых целей оказывается под угрозой (засуха, эпидемии и другие стихийные бедствия) и люди, потеряв веру в собственные силы и способности, в отчаянии обращаются к религиозно-магическим средствам целеосуществления (молебны и т. п.), то результат оказывается все же отрицательным. Но, несмотря на подавляющее преобладание нулевых, практически непосредственных результатов применения религиозно-магических, также как и абстрактно-утопических, способов целеполагания и целеосуществления или их модифицированных, модернизированных заменителей, человечество не желает отказываться от их услуг вплоть до настоящего времени.

¹¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 171-192

Более того, вся история цивилизации в этом ракурсе есть сосуществование — борьба двух магистральных систем целеполагания: опытно-научно-художественной (частные, личные по-преимуществу цели) и религиозно-утопической (по-преимуществу цели общественные). Костры инквизиции, охота за ведьмами, фантастическая ненависть и страх инакомыслия — вот некоторые исторические формы острых вспышек ожесточенной борьбы этих систем целеполагания как один из аспектов борьбы исторических классов за утверждение своего экономического и политического господства. Но даже самая острая борьба не исключает их сосуществование, известную взаимодополнительность (освящения начальной стадии дела — это ведь ритуал целепредъявления. Имеются и модификации этой процедуры; благодарственно торжественный молебен как процедура целеутверждения тоже имеет свои инварианты и т. д.).

Что это: косность, дурная традиция, непреодолимая привычка, чистая компенсаторная деятельность, т. е. переключение активности, торможение ее возможной разрушительно-отрицательной направленности, превращение в пассивность, покорность, послушание, смирение? Не подлежит сомнению, что все это присутствует в магически-религиозных и светских способах регулирования и оформления важнейших стадий целеполагания в его удачных и неудачных вариантах. Но не совсем ясно: всегда ли мы должны отрицательно квалифицировать присутствие и положительно — отсутствие этого аспекта в целесообразной деятельности?

Практика гибко решает эту альтернативу — необходимы новые церемониал, ритуал, обряд. Теория же не сказала еще своего веского слова, не исследовала реальных конструктивных возможностей компенсаторной деятельности, в частности ее ритуально-церемониального аспекта (состояния психики, настроение, воля, устойчивость и изменчивость и т. д.).

Привлечение внимания к вопросу о соотношении двух систем целеполагания со всеми вытекающими отсюда последствиями не случайно. Дело в том, что и те и другие цели, однажды возникнув, не исчезают, а сохраняются навечно (что заметил еще Гегель). Причем необыкновенной живучестью отличаются цели религиозно-утопические, которые вообще неосуществимы (личное бессмертие — воскресение всех мертвых, вечное благо — абсо-

7 А. П. Велик

193

лютное добро и т. д.). В отличие от целей первого вида (опытно-научных) они прочно укоренились в человеческие души (нет бессмертия — значит все позволено человеку, — заявил Иван Карамзов), навечно поселились во всех видах искусства, народном творчестве. Тяга к религиозно-утопическим целям периодически то вспыхивает ярким пламенем, то еле заметно теплится. Наряду с идеалистами ими интересуются и материалисты, в том числе и диалектические. Напомню, что А. Н. Радищев сочинил в

Илимске философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», а в советской философской литературе активно обсуждается проблема бессмертия не только человечества, но и личности.

Сложнее обстоит дело с вечностью целей, практически осуществляемых, в общем действительной жизнью рождаемых, воплощающих идеальные образцы (модели) огромной массы предметов, человеческих действий, поступков, состояний и т. п. Ведь «здесь ничего не делается без сознательного намерения, без желаемой цели». В том то и дело, что ничего не делается без цели: и великое, и малое. И не исчезают они, а сохраняются, повторяются одни в массовых и единичных действиях современных людей, что не исключает возникновения новых целей, другие — в музейных залах в качестве экспонатов, третьи зафиксированы в бессмертных творениях классиков искусства и народного творчества и в других памятниках материального и духовного производства. Не исключено, что некоторые цели погибли безвозвратно, а иные памятники прошлого мы не в состоянии еще расшифровать как воплощение целей (способностей и потребностей) наших далеких предков. Да и то надо сказать, что подобный взгляд на памятники прошлого пока еще не утвердился в общественном, даже научно-теоретическом сознании. А ведь он весьма продуктивен, позволяет обнаружить совершенно новые аспекты во многих явлениях современности и прошлых эпох. Вот, к примеру, А. С. Пушкин в мадоне Рафаэля обнаружил «чистейшей прелести чистейший образец». Конечно, не очень конкретно, но важен сам принцип подхода — образец чистейший (как бы чистая необходимость).

Суждение А. Н. Островского о поэзии самого Пушкина несколько конкретнее. В его «Застольном слове о Пушкине» есть такое суждение: «Сокровища, дарованные нам Пушкиным, действительно велики и неоцененны. Первая

194

заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть. Кроме наслаждения, кроме формы для выражения мыслей и чувств поэт дает и сами формы мыслей и чувств. Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. Высшая творческая натура влечет и подравнивает к себе все»¹¹³. Вот вам и вечные образцы-цели-формы мыслей и чувств — результаты совершеннейшей умственной деятельности гения, к которым влечет всех способных и желающих подняться в своем духовном развитии. Таков же должен быть метод подхода и ко всем другим (материальным и идеальным) сохранившимся результатам совершенной деятельности.

Но сохраняются не только подлинно человеческие, конструктивные цели созидания, творчества, совершенствующие и облагораживающие человека, утверждающие в его жизнедеятельности Истину, Добро и Красоту. Сохраняются, к сожалению, и бесчеловечные разрушительные цели, унижающие, развращающие человека, насаждающие в его жизни бесчисленные пороки — ложь, зло и безобразия. Ничто не проходит бесследно.

Разве не отлились в устойчивые цели способы злодеяний бесчинства римских императоров — тиранов? О способах управления одного из них (Тиберию) в «Песни исторической» А. Н. Радищев писал:

«Действие, невинна шутка, Одно слово, знак иль мысли,— Все могло быть преступленьем. Там донос, ночное жало, В бритву ядом изошренно, Носит нагло днем во Риме. Сын отцу и отец сыну, Брату брат, супруг супруге, Господину раб — друг другу Чужды стали и опасны...»¹¹⁴.

Сохраняются в социальной памяти и даже совершенствуются, умножаются все старые пороки, порожденные частнособственнической цивилизацией (а может, и первобытностью), характерные как для массовых, так и единоличных злодеяний, как для гражданской, так и для лич-

¹¹³ Русские писатели о литературном труде. Л., 1955, т. 3, с. 13.

¹¹⁴ *Радищев А. Н.* Избр. соч. М., 1949, с. 379.

7*

195

ной жизни. И огромное достижение социального движения надо видеть в том, что оно вместо инстинктивно-биологических механизмов сохранения целей — способов деятельности, удовлетворения потребностей выработало социальные, не связанные непосредственно с организмом индивида механизмы прижизненной передачи индивиду способов деятельности (целей). Последнее означает, что и благие, добрые, полезные людям и бесчеловечные пагубные для них цели осуществляются не автоматически, по необходимости, а свободно, по выбору. Сохраняющиеся социальной памятью цели образуют своеобразный банк реальных возможностей, и люди могут осуществлять те из них, которым они в силу тех или иных обстоятельств отдают предпочтение, а от осуществления других (например, бесчеловечных) могут уклоняться (в известной, конечно, мере). Поэтому людям необходимо знать, какие именно обстоятельства их жизни обуславливают предпочтительность реализации благих, добродетельных, созидających целей, а какие им противоположных.

Вот почему нам представляются сверхутопическими прогнозы о возможности в будущем передачи по наследству полезных навыков (а вредных?). «В широком естественно-историческом и социальном плане,—говорит Забелин,— человеку еще «рано» закреплять те свойства, которыми он сейчас располагает». Когда поток знаний по-настоящему приблизится к емкости нашего мозга, станет достаточно большим, вот тогда полезное закодируется в мозгу, приобретет свойство передаваемого по наследству качества ¹¹⁵, т. е. человек перейдет на инстинктивно-биологический способ жизнедеятельности. Не имело бы смысла упоминать об этом фантастическом прогнозе, если бы не появились его сторонники. «В принципе эта гипотеза не противоречит диалектико-материалистической характеристике взаимодействия биологического и социального в родовой природе человека. В ее осуществлении нашла бы свое полное и самое глубокое выражение социализация биологического уровня» ¹¹⁶. Так, отказ от высшего достижения социального развития — создания совершенно нового механизма сохранения и функционирования способа жизнедеятельности — выдается за полное и самое глубокое выражение социализации биологического уровня.

Келер Владимир. Человек разумный. М., 1964, с. 49—50. *Батенин С. С.* Человек в его истории, с. 99.

196

В этой ситуации методологически важной является позиция Н. П. Дубинина. «То, что человек не имеет врожденных социальных программ, врожденных идей и способностей,— пишет он,— составляет его величайшую силу как нового явления в развитии живой материи. Все виды человеческого труда, чувств, действий, способность жить в очеловеченной природе, участвовать в производственной деятельности, формировать человеческие способности — все это он приобретает в процессе общественно практической деятельности» ¹¹⁷. Так действительная наука решает этот вопрос.

Неужели конструкторы такого прогноза хотя бы интуитивно не чувствуют, что осуществление его означает крушение всей системы целеполагания, сделает излишним культуру, этот необходимый ее компонент? Ведь культура — это не совокупность материальных и духовных ценностей как таковых, а особое, человеческое, социальное качество любой деятельности. Ближайшим образом культура — это сугубо социальный способ сохранения и передачи опыта предшествующих поколений с целью эффективного его применения в процессе преобразования природных и социальных средств в соответствии с современными потребностями общества и личности; она потому и является мерой эффективности любой человеческой деятельности, критерием качества ее результатов. Точнее: культура — это понятие для обозначения меры совершенства,

эффективности применения природных и общественных средств при выработке и осуществлении текущих и перспективных задач в процессе воспроизводства общественной и личной жизни с учетом будущих последствий и объективной природы самих средств. Такое понимание функций, назначения культуры открывает широкие перспективы ее исследования в интересах совершенствования всех видов человеческой деятельности от производства до потребления.

На общезначимость и универсальность культуры для совершенствования коренных условий жизни людей, «их материального производства, форм общения, всех сторон деятельности» обращает внимание Ю. А. Жданов¹¹⁸.

^{XI*} Дубинин П. П. Актуальные философско-методологические проблемы современной биологии.—Вопр. философии, 1978, № 7, с. 50.

¹¹⁸ Жданов Ю. А. Теоретический фундамент социалистической культуры.—Коммунист, 1981, № 6, с. 53.

197

Прогнозируемое же преобразование приобретаемых личностью качеств в передаваемые по наследству вообще снимает проблему удвоения человеческой деятельности на объективный и субъективный ее уровни, их взаимопереходы, соотношения объективных условий и субъективного фактора. Этот аспект анализа деятельности исключительно важен: он предполагает исследование соотношения в ней результатов прошлой деятельности («не только ее опыта, а именно результатов») и нынешних способностей людей эффективно их использовать, т. е. это функционально временной срез деятельности.

Предпринимать специальный анализ соотношения этих сторон человеческой деятельности на всех уровнях ее осуществления (личность, коллектив, государство, система государств и человечество как целое), а тем более делать разбор многочисленных разнотолков этой проблемы не входит в задачу данной работы. Ограничимся лишь попыткой определения понятий, т. е. выражением существа проблемы в общем виде.

Объективные условия - это социологическое понятие для обозначения совокупности природных и социальных, материальных и духовных средств (результатов прошлой деятельности) как обстоятельств современной деятельности, направленной на их изменение, преобразование с целью решения текущих и перспективных задач субъекта деятельности.

Субъективный фактор - это социологическое понятие для обозначения принципов и методов функционирования системы целеполагания - стимулирования, организации и управления человеческой деятельностью, степень совершенства которых, т. е. соответствие объективным условиям, выступает мерой эффективности и целесообразности использования объективных условий, его культуры, способности оптимально овладеть этими условиями, свободно

ими маневрировать.

Обратим внимание на некоторые фундаментальные особенности понятийного аппарата этой проблемы. В отличие от субстанциально-генетических понятий (общественное бытие и общественное сознание, материальное и духовное производство и т. п.), которые фиксируют вечность, необходимость подразделения общественного организма на объективную и субъективную реальность и постоянство принадлежности определенных явлений к той или иной реальности (по происхождению), то понятия «объективные

198

условия», «субъективный фактор», «деятельность» фиксируют постоянство взаимосвязи, взаимопереходов этих двух реальностей друг в друга; вчерашние явления субъективной реальности завтра станут объективными условиями, сегодняшние явления объективной реальности завтра должны стать содержанием субъективного фактора — и так до бесконечности.

Далее. Если понятие структуры (базис, надстройка, формация; класс, личность, социальная общность, нация и т. п.) фиксирует устойчивость взаимодействующих частей, элементов социальной целостности (во всяком случае в одно и то же время), то понятия объект-субъектного подхода к деятельности фиксируют динамизм, относительность этого членения даже в пределах одного и того же отрезка времени — субъективный фактор одного уровня входит в состав объективных условий другого. Например, субъективный фактор революции — одно из объективных условий своеобразия деятельности контрреволюции, и наоборот.

Словом, конкретное, операционное определение содержания рассматриваемых понятий весьма подвижно.

Ранее уже говорилось, что целеполагание имеет отчетливо выраженное циклическое строение. Причем длительность циклов в зависимости от самих целей может измеряться мгновениями и столетиями, а может, и тысячелетиями. Каждый цикл завершается операцией целепроверки (целеиспытания, целеутверждения или целеотрицания), т. е. установления меры соответствия достигнутого результата предполагаемому, предусматриваемому целью. Операция эта по отношению к целеосуществлению выступает отрицанием отрицания. Выдержавшая испытание цель сохраняется в данной системе целеполагания, открывая новые его циклы. В этом случае, а он выражает необходимое строение цепи циклов, целеиспытание выступает связующим звеном следующих друг за другом циклов функционирования одной и той же цели или сменяющейся, родственной по содержанию цели. Независимо от того, сознается ли эта операция в своем подлинном функциональном значении, она является вечным необходимым компонентом целеполагания, компонентом, порождающим относительно самостоятельный вид деятельности, точнее, относительно самостоятельный аспект любой целесообразной деятельности, связывающей отдельные ее звенья-циклы в единую историческую цепь.

Глава четвертая

НОСИТЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ

1.

Оценки и ценности.

Субъективный механизм

временной связи

социальных явлений

В гносеологическом аспекте любая цель — личная или общественная, старая или новая, преходящая или устойчивая, созидания или разрушения, производства или потребления, конкретная или абстрактная, малая или большая, разрешающая или запрещающая, человеческая или бесчеловечная, благая или пагубная и т. д.— может быть представлена своеобразной гипотезой. Такое представление о цели имеет основание не только до ее реализации (субъективная цель по терминологии Гегеля), но и после ее воплощения в объективной предметности, и даже после испытания, проверки ее состоятельности.

Своеобразие гипотезы-цели состоит прежде всего в том, что она не поддается строгой экспериментальной проверке. Не поддается, во-первых, потому, что она есть предположение, идеальное представление не о действительном, существующем, а о возможном, еще несуществующем объективно. Во-вторых, по той причине, что процесс реализации, а тем более испытания любой цели не может быть изолирован от реальной жизнедеятельности людей, их интересов, способностей- и потребностей, других целей в их взаимодействии. Исключение можно сделать лишь для всякого рода технических (технологических) проектов, которые, строго говоря, и не являются целями. Поэтому нам представляется, что ближе к истине находятся те исследователи, которые отрицают

вообще саму возможность натурального, а не модельного или мысленного эксперимента с социальными явлениями; целеосуществление (нововведе-

200

ние, возврат к прежним, ранее отброшенным формам жизнедеятельности), в каких бы масштабах оно ни осуществлялось, является не экспериментом, а действительной, порою невероятно трудной, даже мучительной жизнью людей.

Если реализация цели, частичная либо полная, всегда вплетена в реальный процесс жизнедеятельности, то, следовательно, и проверка-испытание цели также составляет неотъемлемое свойство или состояние этого процесса.

Разумеется, любое испытание целей предполагает их сравнение, оценку и соответствующие необходимые критерии. Целеиспытание в этом плане представляет собой явление исключительной сложности, если сравнивать его с проверкой истинности той или иной научной гипотезы. В самом деле, если в последнем случае задача состоит в том, чтобы установить степень соответствия наших представлений о тех или иных свойствах предмета, (процесса) им действительно, объективно присущим, то задача целеиспытания многопланова. Она предполагает выяснение реализуемости самой цели, полноту реализации и соответствия реального результата предполагаемому, соответствия средств самой цели, способа ее осуществления, а также соответствия полученного результата текущим потребностям и запросам людей, которым он предназначен. Наконец, выяснение того, насколько и как реализуемая цель вписывается в исторический, социальный и национальный контекст той или иной общности как целостного образования и другие аспекты.

Словом, целеиспытание призвано дать ответы на ряд жизненно необходимых для данной общности вопросов, если объектом проверки выступают общественно значимые цели. А общество и берет под свой контроль не личные, а общественные цели, без всестороннего и убедительного испытания которых оно не в состоянии полнокровно функционировать и тем более развиваться.

В известном смысле можно утверждать, что в истории общества одной из неизменных ее составляющих является выработка и постоянное совершенствование оценочной активности, ее критериев для испытания жизнеустойчивости осуществляемых людьми целей. Тернистым был путь формирования критериев оценочной деятельности, великие открытия и глубокие, порою пагубные заблуждения сопутствовали друг другу.

201

Вначале случайно, а потом все более сознательно по необходимости человек, осуществляя цели, оценивал свою деятельность и ее результат, соотнося их со своим представлением, *образом цели* (польза-вред, благо-пагуба, хорошо-плохо). Оценки одних сопоставлялись с оценками других... Постепенно предметами оценок становились обстоятельства деятельности, другие люди, целые общности, да и сами оценки, могли совершаться от имени старейшин, жрецов, просто опытных членов рода, не говоря уже о предводителях боевых дружин или отрядов охотников. Повторяющиеся положительные оценки как-то фиксировались (слово, метка) и, становясь регулятором отношений между людьми как норма, образец, превращались в ценности (польза, добро). Отрицательные оценки тоже накапливались, становясь антиценностями, нормами запрета, порицания, брани (похвала — порицание — оценка, разрешение — запрет — команда).

Видимо, понадобились тысячелетия, чтобы сформировались узловые пункты, ступеньки оценочной деятельности: благо-пагуба, польза-вред, добро-зло, красота-безобразия, правда-ложь, истина-заблуждение и др.

Появление имущественного неравенства, классов, денег и государства усложнило и затруднило этот процесс. Дифференциация личных интересов, порожденных богатством, бедностью, роскошью и нищетой, вызвала раздвоение целей, привела к антагонизму между личностью и обществом, частными и общими интересами, сделала отношения между общностями людей, их членами и даже родственниками исключительно

напряженными в силу недоверия и вражды. Регулирование отношений, оценка поступков стали делом особых групп людей-специалистов (судьи, служители культа). Потребовалось физическое (тюрьмы, полиция, войско, палачи) и духовное (божий гнев, кара) насилие, чтобы поддерживать хотя бы относительный порядок в отношениях между соотечественниками.

Возникновение мощных общностей людей означало становление их целей, интересов как объективной реальности, которая должна была отражаться в оценках и фиксироваться в ценностях (патриотизм, измена отечеству). Выражение и защита этих целей, интересов постепенно оказывались привилегией господствующих классов, которые свои частные цели нередко ставили превыше всего и добивались их реализации под видом достижения общих.

202

Именно в этом находится источник переоценки ценностей, оборачивания, перехода в свою противоположность оценок и содержания социальных функций. Хотя норм-ценностей становилось все больше и больше, но производство их не прекращалось. Наоборот, оно дифференцировалось на ряд специализированных отраслей в соответствии с формами общественного сознания. Возникают такие условные пункты оценок, как «преступление и наказание», «порядок а хаос» (правосознание), «свобода и рабство, зависимость», «справедливость и произвол» (политическое сознание), «грех и покаяние», «святость и святотатство, кощунство» (религия), «добродетельность и порочность», «совесть», «честь и подлость» (мораль), «трагическое и комическое», «возвышенное и низкое» (искусство) и их многочисленные модификации¹. Не следует игнорировать участие в этом процессе и неспециализированного общественного сознания с его традициями, обычаями, устным народным творчеством, языком, общественным мнением и др. Исключительного внимания заслуживает то, что народное сознание едва ли не в совершенстве отработало еще один (наряду с личностью, общностью, человечеством) жизненно важный - для всего человечества критерий оценки социальной жизнедеятельности, а именно *экологический*, т. е. *отношение* людей к природе, гармоничны они с ней или дисгармоничны. Природа во всем ее многообразии,— вот высшая ценность, утверждаемая всеми видами фольклора всех народов земли. И сам человек, его ценность и достоинство измеряются народным сознанием, отношением его к природе, что заслуживает специального анализа с позиций материалистического понимания истории.

Процесс формирования критериев оценки реализующих цели человеческих действий и творчества ценностей, в котором участвуют все виды, уровни и формы общественного сознания, практически бесконечен. Новое время особенно много потрудились над утверждением таких ценностей, как гуманизм, свобода, равенство и братство. Современная эпоха на первый план выдвигает интернационализм, доверие и взаимопонимание народов, мирное их сосуществование, счастье человека и достоинство личности.

Напомним, что очень яркая синтетичная картина этого процесса создана Ф. М. Достоевским в его фантастическом рассказе «Сон смешного человека». См.: *Достоевский Ф. М. Собр. соч.*: В 10-ти т. М., 1958, т. 10, с. 436—439.

203

Исторический материализм не претендует на законодательство критериев оценок, он не имеет функции непосредственного контроля и регулирования функционирования ценностей (мода здесь хозяйничает властно). Но он дает теоретическое осмысление всех имеющихся критериев оценок, обосновывает принципы классификации ценностей, критерии соотношения в них абсолютного и относительного, вечного и преходящего.

Конечно, наука должна внимательно относиться и к неустойчивым велениям моды, особенно если они вторгаются в сферу морально-нравственных оценок, посягают на устойчивые, вечные их критерии. Важно и то, что под внешней оболочкой велений моды

могут действовать более или менее абсолютно вечные критерии оценок — регуляторы поведения (например, увлечение туризмом сейчас модно, но не является ли оно современной формой извечной любви человека к природе; а массовое паломничество к памятникам истории, особенно древней, тоже ведь не просто мода).

Самого пристального внимания заслуживают именно исторически непреходящие критерии целеиспытания, которые путем многократного применения в оценке результатов целеисполнения превратились в вечные ценности. Они-то и становятся сами по себе своеобразными целями-регуляторами человеческой деятельности. Эту свою функцию они осуществляют не в форме понятий: благо, добро, правда, красота, совесть, патриотизм и т. п., а в виде образов соответствующего человеческого действия, синтезирующих полный цикл целеполагания. Создание такого рода образов, вероятно, всегда составляло главнейшую задачу народного и профессионального художественного творчества, важнейшего орудия целеиспытания. Такие образы и становятся вечными ценностями — путеводными маяками народов и всего человечества.

Вот как рассуждал славный Дон Кихот на эту тему: «Скажу еще, что художник, жаждущий славы, старается подражать творениям единственных в своем роде художников, и *правило это распространяется на все почтенные занятия и ремесла, укрощению государства способствующие*, и оттого всякий, кто желает прослыть благоразумным и стойким, должен подражать и подражает Улиссе, в лице которого Гомер... явил нам воплощение стойкости и благоразумия, подобно как Вергилий в лице Энея изобразил добродетели почтительного сына и предусмотрительность

204

храброго и многоопытного военачальника. При этом оба изображали и описывали своих героев не такими, каковы они были, а такими, каковыми они должны были бы быть, и тем самым указали грядущим поколениям на их доблести, как на достойный подражания пример. Так же точно,— заключает свою речь рыцарь Печального образа,— и Амадис был путеводного звездой, ярким светилом, солнцем отважных и влюбленных рыцарей, и мы все, сражающиеся под стягом любви и рыцарства, должны ему подражать»².

Не углубляясь в специальные рассуждения о том, насколько удачен выбор героев и терминологии, отметим лишь, что этот роман и его герой представляют собой уникальнейшее размышление гениального художника о различных типах целеполагания во всей его полноте: с одной стороны, Дон Кихота и вельможной знати и ее лакеев — с другой. Именно в сопоставлении этих двух систем целеполагания, а не в сатире на рыцарские романы, заключено идейно-художественное ядро романа. Ведь не ради красоты автор говорит о «разумных его безумствах», о том, что Дон Кихот был человек «отменно учтивый и весьма предупредительный», по словам же Роке Гинарта (очень своеобразного атамана разбойничьей шайки) это «самый занятный и самый здравомыслящий человек на свете»³.

Разве случайно Сервантес создает своего героя по типу образов народной фантазии — прежде всего мнимых дураков, энергичных и бескорыстных в своих действиях? Пусть герой сказки не всегда так ясно формулирует цели своих подвигов, но он столь же благороден, лично бескорыстен, служит защите слабых или даже попавшего в беду отечества, родной земли.

Показательно в этом отношении русское народное творчество, особенно героическая волшебная сказка и былина. Органическое слияние в нем морально-нравственных, эстетических и экологических (забота о природе, животном и растительном ее многообразии) критериев оценки целе-реализации, прославление трудового и ратного подвига во имя защиты родины,— вот главные особенности народного творчества.

Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец — богатырская застава Земли Русской. Разве не представляют они высоко художественное воплощение вековечных

² *Сервантес. Дон Кихот. М., 1951, ч. 1, с. 231—232 (курс, наш.— А. Б.).*

³ Гам же, ч. 2, с. 10, 123, 484.

устоев-критериев оценки народом своей жизни — нерасторжимое соединение любви к отчизне как родной земле с любовью к ее возделыванию и сыновьей о ней заботы⁴. К разряду нравственно-эстетических ценностей такого уровня следует отнести и многих героев волшебной сказки с их чистосердечным бескорыстием, душевной открытостью, абсолютным трудолюбием, любовью к людям и всему живому. Речь идет прежде всего об Иванушках да Аленушках, младших сыновьях да падчерицах, Матвее Кожемяке, Василисе Премудрой и им подобных бессмертно прекрасных образах народной фантазии.

Именно эти вечные ценности-критерии и составляют несокрушимое нравственно-эстетическое ядро духовного мира общности, в данном случае русского народа (а может быть и всех восточных славян). Функциональная эффективность этого ядра, органическая его сочетаемость с новыми, коммунистическими критериями оценок обеспечивается общедоступностью, понятностью и близостью его содержания фактически всем наличным представителям данной общности; оно действительно объединяет их чувства, мысли и волю, а следовательно, и цели в устойчивое целое. Причем сознание, чувство причастности к этой целостности, общности в той или иной мере свойственно личности каждого ее члена⁵.

* Выдающийся полевод современности Т. Мальцев часто приводит слова Энгельгарда: «Не тот пахарь, который хорошо пашет, а тот, который любит свою пахоту» (Комсомольская правда, 1978, 21 июля). Не от богатырей ли наших идет прославление способности работать красиво и получать радость от такого труда.

О Заслуживают внимания высказывания Юрия Бондарева и Арсения Ларионова о трактовке Л. Н. Толстым стремления русских к целому как национальной народной черты. «Пожалуй, как никто другой из великих художников XIX в., он неистово отстаивал мысль, что труд объединяет людей, умение трудиться — главное достоинство нации. Больше того, постоянно на протяжении всей своей жизни он каждодневно утверждал: где кончается труд, там начинается разврат. По Толстому, человек должен жить просто: работать, любить землю, дело мирское, рожать и воспитывать детей, помогать соседу, не обольщаться роскошью, не впадать в алчность, жить скромно, сдержанно, правдиво перед миром и собой. Он неистово не любил обман, ложь, корыстолюбие, неверность, лицемерие... Он не терпел потребителей...» {Бондарев Ю., Ларионов А. Уроки Толстого. — Новый мир, 1978, № 8, с. 215—216}. Разве не тождественны эти критерии справедливой жизни народному их пониманию, запечатленному в созданных им самим ценностях, разве не в народных

Нравственно-эстетические ценности играют решающую роль в формировании народного, национального характера, психического строя общности. Переходя от поколения к поколению, это ядро связывает этнос, его бытие во времени, превращает его в социальную общность, сознающую свое историческое единство и имеющую свою совесть и память. Так, в горниле собственного бытия, осмысливая свои взлеты и падения, радости и страдания, прозревая и заблуждаясь, каждая социальная общность вырабатывает — испытывая и переиспытывая — множество целей своего исторического бытия. Бесспорно, в условиях классово-антагонистического строения общностей, процесс этот отражает все присущие им противоречия, отличается резко выраженной двойственностью целеиспытания, формированием двух противоположных полюсов (благо-пагуба, добро-зло, правда-ложь и т. д.). Во многом этому способствует участие в процессе идеологов-специалистов, сознательно отстаивающих правоту целей господствующих классов. Подключившаяся со временем наука пока не внесла сколько-нибудь заметных изменений в этот драматический процесс.

Не подлежит сомнению, что целеиспытание объективно стремится, с одной стороны, к наращиванию нравственно-эстетического (конечно, и производственно-технического и т. п.) потенциала общности, расширению сферы действия блага, добра,

правды и красоты, умножению их силы, с другой — к отбрасыванию пагубных, злых целей и средств.

Совершенно очевиден скачкообразный (неолитическая революция, возникновение классового общества и приме-

истоках почерпнул их писатель? Да и вообще возможен ли был могучий взлет национального самосознания русских без приобщения специализированного искусства к творчеству самого народа? Пушкин и Глинка, Гоголь и Мусоргский, Достоевский и Толстой велики в том, что в народном творчестве обнаружили неувядаемые нравственно-эстетические ценности, мощный источник развития профессионального искусства. Своими совершенными творениями, на уровне национальной классики, искусство продолжает необходимую социальную функцию народного творчества, становится незаменимым орудием целеиспытания. Разве не в этом непреходящая ценность творчества названных выше художников, особенно Пушкина, Толстого, Достоевского? Разве не бесстрашной проверкой на правду-справедливость, человечность всех целей человеческого бытия волнуют нас и сегодня произведения этих великих мастеров XIX в., особенно Федора Достоевского?

207

ение железа, промышленная революция и НТР) рост количественной мощи и качественного разнообразия фонда конструктивных, созидательных, общественных и личных целей. Причем целей не только технически конструктивных, но и социально созидающих, совершенствующих общество и личность, обогащающих как материальную, так и духовную жизнь людей. Благотворность таких целей вплоть до последнего времени не вызывала и тени сомнения; их реализация все больше спланивала людей, умножала их силу и богатства, поднимала благосостояние, возвышала дух, мнение человека о собственном достоинстве и т. д.

Ранее уже упоминалось о грозных предвестниках возможной беды, о пагубности бесконтрольного применения новейших достижений науки в производстве во имя извлечения из него все более высоких прибылей. Словом, заведомо благие цели, санкционированные высшими достижениями разума, наукой могут обернуться пагубной своей стороной. Конечно, капитализм ускорил и обострил эту ситуацию. Но она, вероятно, глубже и сложнее.

Не^суровое ли это напоминание человеку, носителю невиданной ранее мощи движения о том, чтобы он более самокритично[^], проанализировал все свои, даже самые благие цели|под углом зрения таящихся в их осуществлении пагубных возможностей. Если с этой меркой подойти ко множеству тоже благих личных целей современного цивилизованного человека, то возникает сразу же слишком много вопросов для серьезных размышлений (цена и последствия комфорта, престижа высокого ранга, но сомнительных целей современной жизни).

Нетрудно заметить, что подобные цели материально-потребительского порядка не столько соединяют, сколько разобщают, атомизируют людей, причем в самых различных социальных условиях, ибо потребление везде и всегда аморально, эгоистично. í·

Но фонд целей не ограничивается одними благими целями: происходит нарастание целей спорных, сомнительных í по своему содержанию и даже явно пагубных для людей. Подобная дифференциация целей безусловно предполагает классовый анализ их происхождения и осуществления. Бесспорно, что эксплуататорские классы в период их деградации вырабатывают сплошь пагубные цели. Но они же в пору своего восхождения выдвигали и благие. При этом следует учитывать, что[^]социальные последствия

208

осуществления тех и других обнаруживаются не сразу, а в длительном и противоречивом их функционировании. Вот где самая обжигающая и труднопостижимая грань проблемы.

Сколько человечество принесло жертв на алтарь борьбы за подчинение одних

народов и государств другими, за мировое господство, которого домогались, а часто достигали эксплуататорские верхи той или иной антагонистической общности руками ими же угнетаемых своих подданных. Персия, Рим, Чингисиды, арабы, турки, шведы, Наполеон, Британская империя, гитлеровский Рейх... И все же, вновь выстраиваются в очередь претенденты на это вакантное место... В истории, не говоря о современности, по-разному оценивали и оценивают войну как цель. Да, абстрактно рассуждая, иной оценки и не получишь. Этот вопрос слишком значительное место занимает в социальном движении, в истории народов. Видно, эксплуататорские классы не спешат расстаться с этой целью, хотя человечество и жаждет всегда мира и благоденствия.

Да ведь и локальные, региональные войны — не лакомство для народов. И тем не менее всего лишь два небольших государства Европы объявили о своем нейтралитете. Скажут о неприсоединившихся,— да ведь они тоже воюют и не создавая блоков. Казалось бы, как можно возражать против очевидности, что война как цель (правда, все политики мира рассматривают ее лишь средством решения спорных вопросов) пагубна. Но ведь были и есть политики и философы, которые относили войны к разряду благих деяний, оздоравливающих народы и все человечество. Ведь освободительные, революционные войны таковыми на самом деле и являются, хотя и не провозглашаются целью. А вот мир все признают самой благородной, понятной и близкой целью, но все к войне готовы, даже Швейцария и Швеция и те имеют мобилизационные планы...

Конечно, разбойничья природа империализма и здесь обостряет до предела ситуацию. Но сами-то войны изобрел не он, даже мировые. Троянская война, говорят (и не без основания), была мировой для своего времени бойней. Конечно, классы и частная собственность — главная причина, хотя и без нее сражались наши предки.

Это, так сказать, глобальные пагубные цели, которые лицемерно признаются средствами. А неисчислимые микроситуации насилия одних людей над другими не только мужчин, но и женщин: убийства, отравления, грабежи,

8 А. П. Велик

209

истязания... Причем все это не обязательно по приказу, а очень даже часто самодеятельно, по личной инициативе, с наслаждением, удовольствием... Опять скажут — это все средства, орудия, а не цели. Какие там средства, а если даже и средства, то какие же стоят за ними цели??? Самые настоящие и довольно устойчивые явно пагубные цели. И от них очень трудно люди отказываются. Разве не странно это? Цивилизация сделала такие гигантские шаги в сторону прогресса, человеческий разум проникает в глубочайшие тайны природы, искусство обрушило на человека столько бессмертных шедевров, люди создали и продолжают создавать столько добра и красоты: и рядом, здесь же, топор и яд, грызня за пустое место, истязания и прочие «художества». Неужели ипые, вполне цивилизованные люди хуже малых детишек разбираются в том, что такое хорошо и что такое плохо? Очень даже хорошо знают и тем не менее творят зло, настойчиво преследуют заведомо пагубные для других цели, а в конечном счете — и для себя.

И человек весьма изобретателен на всякого рода благовидные предлоги и соображения во имя превращения подлых, пагубных, бесчеловечных целей в благие. Было бы явным упрощением действительности все сводить к частной собственности и принадлежности к эксплуататорским классам (хотя они и здесь свою руку приложили, но видно, не только они). Зло, подлости творят представители самых различных классов. Достоевский здесь совершенно прав. Ведь Раскольников — полный пролетарий, типичный разночинец, он стремится облагодетельствовать тысячи, а вджа истребляет двух беззащитных женщин (Лизавета Ивановна вообще батрачка). Сочинение благовидных соображений для оправдания злодеяний индивидуальных и массовых - явление довольно распространенное и теоретически пока еще не осмыслено (хотя Достоевский много уделял внимания этому феномену: Фома Опискин в этом плане — шедевр — истязатель в тоге благодетеля). Субъективное превращение пагубной цели в благо имеет, вероятно, и

неизвестные пока объективные основания. А разве исключена возможность превращения самой благой цели в пагубную, приносящую людям зло? И разве не полна история подобными превращениями («благими намерениями, целями вымощена дорога в ад», «за крестом стоит сам дьявол», «нет таких святынь, которые не осквернились бы человеком» и т. п. суждения что-то ведь обозначают).

Конечно, целеполагание, в том числе и целеиспытание,

210

может быть сильнее других социальных явлений, демонстрирует неодолимость диалектики, взаимопроникновения и взаимопревращения противоположностей. Не исключена поэтому в принципе возможность благотворности какой-нибудь самой пагубной цели. Может быть, от действительной диалектики социальных процессов отчасти и проистекает явная неопределенность в целеутверждении, сомнения, колебания людей в абсолютной правоте, благотворности одних и столь же абсолютной пагубности, злоторности других целей.

Тут следует напомнить суждение В. И. Ленина об относительности практики как критерия истины о том, что «критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления»^в. При выработке критериев "состоятельности человеческих представлений о целях приведенное суждение имеет огромный методологический потенциал, хотя эту состоятельность и невозможно выразить в гносеологических понятиях «истина» и «заблуждение». Цели как специфические суждения-гипотезы не соотносимы с предметом, объектом — его-то еще ведь нет, точнее, есть лишь его идеальный образ. Предмет, действие, событие как реализованная цель бывает, как правило, результатом осуществления не одной какой-либо цели (даже реализация технических целей-проектов сюда подходит), а целого их комплекса, переплетения, что не лишает нас возможности и с этой позиции дать гносеологическую оценку цели как своеобразной гипотезы. Поэтому на любой стадии целеполагания (целесозидание, целепредъявление, целеосуществление, целеиспытание, целеутверждение) и принято применять не понятия гносеологии «истина» — «заблуждение», а нравственно-эстетические оценки: «благо-пагуба», «правда-ложь», «справедливость-насилие, произвол», «гуманность-бесчеловечность», «красота-безобразия» и т. д.

При этом оценки социальных целей, реализация которых происходит в конфликтной ситуации (войны, революции, преобразования), представителей противоборствующих сторон, взаимно исключают друг друга. Полярность оценок целей (и средств) всегда выступает одним из важных механизмов реализации самой цели. В случае, если противоборствующие стороны наряду с ситуационным (или этническим) различием обладают 'и|' социально-клас-^в Ленин В, И, Поли. собр. соч., т. 18, с. 145—146.

8*

211

совой противоположностью, эта роль полярности оценок цели значительно возрастает и сам конфликт приобретает особенно острые формы (сравни отношение воюющих сторон в первой и второй мировых войнах, особенно на русско-немецком фронте).

Оценки целей на любой стадии целеполагания всегда функционально значимы, как правило, они нормативны. В этом плане они могут выступать в качестве регуляторов если не самой целереализующей деятельности, то во всяком случае отношения к ней социальной общности. Как отмечалось ранее, особенно значима интегрирующая функция оценок-ценностей: они-то и осуществляют временное единство человеческой деятельности, выступая предметом устойчивых устремлений личности,— любовь к добру, правде и красоте.

И все же даже самые положительные и повторяющиеся оценки одних целей и столь

же отрицательные других не устраняют окончательно их неопределенности как гипотетических представлений о результатах и характере будущей деятельности, реализация которых таит в себе нечто неизвестное. Не исключено, что именно эта неопределенность заключает в себе огромный эстетический потенциал: новизна, необычность'обычного, неповторимость повторяющегося, вечная прелесть самых обычных, не говоря о сомнительных и противоречивых целях. Во всяком случае ш> давящее большинство личных целей навечно сохраняет эту свою неопределенность, гипотетичность.

Относительно целей социально значимых, общественных переход к социализму и коммунизму вносит существенное изменение. Целеполагание в этой области становится плановым, научно обоснованным на всех его стадиях, здесь необходимость природы и социальных процессов все настойчивее сбрасывает с себя форму случайности, но никогда полностью'этого не достигнет в функционировании и развитии социальных организмов как целостных образований. Статистичность, неопределенность в реализации глобальных, универсальных целей общественного развития (она по самой природе неустранима ни наукой, ни планомерностью) не исключает, а именно предполагает всевозрастающие возможности однозначной, совершенно определенной реализации конкретных, текущих его целей, совершенствования тех или иных частей и сфер деятельности (например, сельскохозяйственного производства, системы распределения материальных благ и т. д.).

212

Итак, система целеполагания, особенно целеиспытание с институтом оценок и ценностей, обеспечивающие сохранение целей, передачи их от поколения к поколению, представляет хотя и субъективный, но постоянно действующий механизм временной связи социальных явлений, важный фактор формирования социальных целостностей или социальных организмов как относительно самостоятельных, устойчивых зон существования социального движения. А каковы же объективные, постоянно действующие механизмы и носители этих целостностей в их единстве и разнообразии? Вопрос этот имеет и такой аспект: что же вечно и преходяще в социальном движении?

2.

Вечное и преходящее.

Носители социального единства
и разнообразия

Ответ на поставленные вопросы предполагает изменение исследовательской позиции. Если раньше мы преимущественно обращали внимание на расчлененность, раздвоенность социального целого, его отдельных частей, подвергали анализу и дифференциации социальные явления, то теперь нам предстоит синтезировать, соединять, интегрировать элементы в целое, единое образование. Для этого придется ввести и некоторые новые понятия, исследовать новые аспекты уже применяемых. Первостепенное значение здесь приобретает выяснение соотношения вечного и преходящего в процессе и результатах деятельности, в деятельности и ее следах, последствиях, соотношении совместности нераздельности, общности и индивидуальности в строении деятельности, соотношении прижизненного (активного) и посмертного (пассивного) бытия индивида, личности, общности НТ. Д.*.-" ~

Обратимся под углом зрения этих понятий вначале к биологическому движению, взаимодействию с природой животных. «Животное,— пишет К. Маркс,— непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*». Его жизнедеятельность такая определенность, с которой (или в которой) оно «непосредственно сливается воедино»'. Поэтому на биологическом

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 93.

213

уровне и не возникает проблемы о соотношении процессуальной и результативной

сторон деятельности животного и отношения к ним его самого; они, по-существу, не вычленены объективно (хотя животные и строят гнезда, муравейники, но в отрыве от создавших их существ они лишены всякого значения в биологическом движении).

Что же касается следов, последствий животной деятельности для природы и для самих животных, то они ими совершенно не интересуются и включаются в последующую их жизнедеятельность лишь в виде изменений их организма или запасов средств существования. Гораздо сложнее вопрос о так называемой зоосоциальности. Совместная деятельность, стадное или роевое существование животных общеизвестны. Есть у них биологически детерминированное разделение деятельности, своеобразная субординация в группе (доминирование), поддерживаемая «лидером» (вожак, матка и т. п.). И все же совместная их деятельность есть всего лишь сложение индивидуальной их деятельности и не больше. Каких-либо отличных от нее компонентов и способов взаимодействия со средой в ней невозможно обнаружить. Потому-то и трудно что-либо сказать об устойчивом соотношении строения и способов функционирования той и другой. Еще труднее говорить о реальном (объективном и субъективном) соотношении прижизненного и посмертного бытия животных, популяций и даже видов. Нет у них проблем отношения живых к мертвым, личного бессмертия и т. п. Гибель любого ранга животного или даже целой популяции есть полное и окончательное выпадение их из функционирования данной популяции или вида как определенных индивидуальностей, именно «этих» особей, а не как биомассы.

В жизнедеятельности человека, социальном движении по всем этим позициям складываются совершенно иные соотношения.

Рассмотрим для начала отношение субъекта деятельности к ее процессу и результату, соотношение их между собой. Заметим, что социальные явления, представляющие все уровни сущности социального движения, интегрируются понятием «человеческая деятельность», потому имеют свою процессуальную и результативную стороны. Возьмем, к примеру, такой вид деятельности, как потребление, где строгое разграничение процесса и результата объективно не положено. И, несмотря на это, субъект

214

деятельности- четко различает в ней" и цель, и средства, в последних же он постоянно разграничивает орудия и предмет потребления. Как правило, человек знает и меру этой деятельности, т. е. границу процесса потребления, насыщение. Правда, бывают ситуации в истории, когда определенные социальные слои теряют эту меру. «Не перепроизводство, а *перепотребление и безумное-потребление*,— пишет К. Маркс,— которое, доходя до чудовищных и причудливых явлений, знаменует собой гибель античной государственности»⁸.

Но не границы потребления, а соотношение в нем преходящего и вечного нас интересует прежде всего. В самом деле, что в этой повседневной, воистину массовой, хотя и обставляемой порою весьма торжественно, деятельности преходящего, текуще, что устойчиво, постоянно, а что принадлежит вечности? Без особого труда можно заключить, что орудия потребления прежде всего составляют вечный, непреходящий его момент. Гегель сказал бы, что они неизмеримо превосходят насыщение, составляющее самый преходящий момент потребления. Ножи, вилки, ложки, тарелки, чайные приборы, огромный набор посуды с ее историческими и национальными вариантами — ведь это же не просто набор, безразличная совокупность вещей, а весьма определенный срез социального движения во всей его конкретности. По одному лишь обломку какого-либо горшка или кувшина специалисты успешно определяют эпоху, уровень развития общества в той или иной части ойкумены. Вместе с орудиями потребления в сокровищницу вечности социального движения входят и сами способы их применения, так сказать, технология потребления, (его культура-эстетика) посредством «приручения» которых, ^выработки

соответствующих способностей каждый ребенок включается с помощью взрослых в жизнь общества, овладевает частично опытом всей истории социального движения. В данном случае вечное оказывается не чем иным, как способом бытия, осуществления преходящего.

А разве самый подвижный, ежедневно преходящий элемент потребительной деятельности — продукты питания — не стоят у врат вечности? Возьмите хотя бы хлеб наш насущный, обыкновенный ржаной, основной тысячелетний продукт питания многих народов. Разве

⁸ Там же, т. 46, ч. 1, с. 417.

215

он — ровестник неолитической революции — не вечный атрибут истории славян? По одним лишь дорогам распространения продуктов питания людей во многом можно проследить пути развертывания социального движения на нашей планете. Так выглядит соотношение преходящего и вечного только в одной отрасли индивидуально-материального потребления (вероятно, сходна его структура и в потреблении других предметов первой необходимости, возможно, предметов роскоши и даже всевозможных наркотических веществ. Но, впрочем, все это надлежит специальному исследованию).

А вот соотношение вечного и преходящего в сфере духовного «потребления» имеет свою специфику. Здесь преходящее, становясь вечным, вступает в борьбу с однородными с ним преходящими явлениями, стремясь преградить им доступ на Олимп. В этой борьбе происходит становление вечных в своем совершенстве форм функционирования и развития духовных образований, будь то знания, нормы или эстетические ценности. Естественный язык, язык скульптурных и живописных образов и другие средства материализации идеального исключительно устойчивы во времени; потребление же духовных ценностей не только не ведет к их исчезновению как таковых, по, наоборот, продлевает их бытие вплоть до вечности. Народная наблюдательность и мудрость, фиксированная в поговорках, сказках, легендах, эпических мифологических сводах, творения титанов художественного слова, кисти и резца, достоверные знания, нормы и другие явления субъективной реальности обретают свою вечность, кроме всего прочего, и благодаря своеобразию их «потребления».

Состоит оно в том, что «потребление» их людьми означает превращение этих произведений в устойчивое достояние их, людей духовного мира, они там как бы оживают, так или иначе участвуют в деятельности личности и, таким образом, переходят из реальности субъективной в объективную. И так происходит из поколения в поколение. На этом основании *ж* возможно заключить, что вечность «Илиады» и «Одиссеи», «Дон Кихота», трагедий Шекспира, «Фауста» Гете, романов Достоевского и Л. Толстого, поэзии Пушкина, Байрона, Шевченко, Есенина и Блока, музыки Баха, Бетховена, Глинки, Чайковского, Мусоргского, полотна итальянских, голландских, испанских и русских мастеров, скульптурных шедевров

216

мастеров Элады и других подобного ранга творений есть в известном смысле невидимый, но прочный *след* и вполне достоверный результат бесконечного их прохождения через души людей. Творение даже сверхгения, минуя это горнило, не обретает статуса вечной ценности.

Не чистое время, а время интегрированное миллиардами человеческих душ превращает идеальные образования в вечные ценности, т. е. вечные реальности социального движения, насущные явления жизни народов или всего человечества. Не все сохраняющееся имеет статус вечных ценностей, есть огромная масса документов, в том числе и произведений различных видов искусства, которые или утеряли, или никогда не имели функции духовной ценности.

Во всяком случае, отсутствие вообще или прекращение восприятия (потребления) идеальных образований никогда не проходит для них бесследно, всегда результативно в

том смысле, что отсеивает потенциальные духовные ценности сомнительных достоинств, не пропускает их в разряд актуальных. Правда, бывают здесь и противоречия, явные издержки, когда потребление хотя и временно, но возвышает до уровня ценностей не только сомнительного достоинства духовные образования, но и явно никчемные вещи, прямо-таки низкопробные изделия. Но подобные противоречия порождаются не потреблением самим по себе, а всей совокупностью социальных явлений своего времени.

Обратимся теперь с этих же позиций к таким видам деятельности, где различие процесса и результата, деятельности и ее следов, последствий объективно положено (имеется в виду деятельность в сфере материального и духовного производства). Как здесь выглядит соотношение преходящего и вечного?

Разумеется, что деятельность производительная, созидание, творение материальной и духовной предметности, а не потребление — вечная стихия социального движения. Как пламя костра зачаровывает нас динамика процесса труда, подвижность инструментов, изменение материала, рождение новой вещи — результата деятельности. Все воспринимается здесь как воплощенное движение, изменчивость, неустойчивость бытия. Очарование динамики уровня явлений, протекания процесса скрывает от нас глубоко диалектическое единство устойчивости, вечности и изменчивости как сущности происходящего.

217

В самом деле, разве структура, логика взаимодействия человека с природой не поражает нас своей устойчивостью, несмотря на бесконечное многообразие трудовых операций? Технология процессов созидания тоже отличается завидной устойчивостью. А инструментальная; часть процесса, орудийная его обеспеченность, его энергетические источники? Правда, и то и другое претерпевают известные изменения, совершенствуются. Но все же посмотрим пристально на эволюцию орудий труда. Нам представляется не лишенным некоторых оснований такого рода предположения: все простые и сложные орудия (и машины, и даже системы машин, и автоматы) и приспособления есть в сущности своей комбинации; простейших технических устройств, таких, как рычаг, режущее-колющее и ударное устройства, соединяемые' различным образом рычагами и колесами. Несомненно, мощным революционером в технике было колесо, обыкновенный материальный круг. Его изобретение было едва ли не равным по своим последствиям открытию огня. Ведь с появлением колеса связано рождение не только боевой колесницы, вообще колесных видов транспорта, но и гончарного круга и множества машин. Колесо — это идеальное совершенное воплощение единства противоположностей, соединения вращательного (довольно распространенного в космосе) движения с неподвижностью, покоем (колесо и ось) и другими видами движения (особенно прямолинейным и спиралевидным — разомкнутое колесо). Колесо — это универсальный посредник между источником энергии, двигателем и рабочей, исполнительской частью машины, великий преобразователь механической энергии в работу. Не исключено, что различные пространственные модификации колеса (вращение вокруг своей оси в одной точке, утолщение, утончение или расширение обода) могли стать прообразом шарообразных и цилиндрических предметов (столб, вал, труба, насос и т. п.). Конечно, это чисто спекулятивные рассуждения, но все же...

Во всяком случае изобретение колеса придало социальному движению космический размах, открыло безграничные перспективы технического совершенствования орудий труда и (что особенно важно для нашего рассмотрения) поселило в самой сердцевине социального движения материального носителя его вечности. Ведь круг, окружность не случайно стал символом, знаком

218

бесконечности (при том разумной), а он-то без всякого сомнения абстрагирован от колеса (обод без ступицы и спиц, разве не круг!).

Конечно, здесь возможны и возражения, упреки в том, что носителя вечности

обнаружил, мол, в формальном образовании, а не в сути дела. Оно-то, конечно, так. Но сути дела без формальных образований не существует, она тем устойчивей, чем больше постоянство воплощающих ее содержание форм.

Именно в формах процессуальной части созидания и надо усматривать вечность. Еще большей устойчивостью характеризуются формы созидания духовной предметности. Категориальный аппарат мышления, «извечные формы» (Гете. «Фауст») художественного творчества, законы логики, методы познания и т. д.— все это представители вечности в духовном созидании.

Как же обстоит дело с диалектикой вечного и преходящего в результате созидания? Ведь и в материальном, и в духовном производстве она объективно положена.

Собственно говоря, эта сторона проблемы, уже затрагивалась ранее применительно к деятельности потребительной. Применение орудий труда в производственной деятельности, конечно, не тождественно по всем позициям личному потреблению предметов первой необходимости. Время жизни орудий труда гораздо продолжительней (порой кажется сравнительно вечным), чем предметов потребления, особенно в ретроспективе, когда орудия труда передавались из поколения в поколение. И все же для большинства орудий вечность есть прежде всего *способ преходящего, повторяющегося их функционирования* в производственной деятельности, порождающей в субъекте многообразные устойчивые специальные способности.

Иная ситуация складывается с результатами (полноценными) духовного созидания, вечность их функционирования иного рода: то уже не способ повторяющегося, воспроизводимого (частыми изменениями) функционирования, а, как говорилось, жизнь в веках, в сознании многих поколений людей именно определенных образований, формирующих в субъекте вечные универсальные способности (абстрактное мышление, творчество, эстетическое видение мира, нравственность, воля и т. д.) и устойчивые цели.

219

Материальная производственная деятельность (не без участия, конечно, духовной) имеет и еще ряд весьма внушительных результатов, которые успешно конкурируют и по масштабам, и по времени с результатами духовного производства. В данном случае имеются в виду объективные следы-последствия человеческой деятельности, прочно остающиеся на поверхности планеты, ее новый, собственно человеческий или социальный лик. Это так называемая ноосфера (по терминологии В. И. Вернадского и Леруа). Так как понятие ноосферы не имеет еще достаточно определившегося содержания, придется воздержаться от его употребления. А вот новый (относительно досоциального) лик планеты — довольно ясное если не понятие, то во всяком случае образ, представление обо всем внесенном человеком в строение, структуру и способы функционирования поверхности планеты.

Прежде всего надо напомнить об 1,3 млрд. га возделываемой земной поверхности — это пашни, луга, сады, парки (правда, всего лишь 10%). Потом следует сказать об опоясавших планету железных и шоссейных путях сообщения (иные из шоссейных дорог имеют возраст не одну тысячу лет). В некоторых местах возникли новые, искусственные водные пути и даже моря. Далее. По всей планете разбросаны (видимо, без особого порядка) могучие сооружения: египетские пирамиды, храмы, современные города-гиганты как символы огромных конструктивных возможностей социального движения. Ученые и до сих пор толком не представляют, например, кто, как и с какой целью соорудил знаменитые «гробницы фараонов» (версий много, а ясности все еще нет). В небо нацелены десятки тысяч труб заводов, фабрик и электростанций, выбрасывающих в атмосферу миллионы кубометров отходов. Тысячи воздушных лайнеров бороздят воздушную оболочку земли, вероятно, разрушая миллиардами лет формировавшуюся ее структуру. Пустыни тоже не все возникли естественным путем, овраги многие, зияющие карьеры — явно производственного происхождения.

Словом, следы производственной деятельности людей, навечно (сравнительно с

человеческой жизнью) запечатленные на планете, оказываются двойкими: одни, согласуясь с законами ее функционирования и развития, совершенствуют ее, а другие, идя им наперекор, оказывают на нее пагубное воздействие, наносят непоправимые

220

увечья, неизлечимые раны. Если первые благоприятны для социального развития, совершенствуют прямо или косвенно социальные связи, структуру человеческой деятельности, то вторые часто отрицательно на ней сказываются, они, по существу, деструктивны.

В строении, структуре деятельности на первый план мы выдвинули соотношение совместности, общности и раздельности, индивидуальности как общесоциальное, вечное ее свойство. Оно имеет, конечно, разнообразные формы проявления в зависимости от конкретных социальных условий. Но вся собственно человеческая деятельность (исключая некоторые сугубо органические функции индивида, а может и не исключая?) по сути совместно-раздельная, потому она и социальная, отличная от биологической. Подчеркиваем: именно совместно-раздельная. При этом здесь обнаруживается одно важное диалектическое обстоятельство, аналогичное... эффекту колеса. Смысл его состоит в том, что управлять вращательным движением можно, лишь соединив его намертво с неподвижностью, точкой опоры (насадка колеса на ось — вот гениальное изобретение человека).

Нечто подобное есть и в совместной деятельности. Она становится социальной по мере управляемости, организуемое™, регулируемости. Но все это оказывается осуществимым благодаря ее раздельности, участию в ней индивидуальностей, личностей. И в то же время социальная общность — это объективная целостность, субъект социального действия. Однако все цели и потребности этого субъекта осуществимы только и только посредством деятельности (совместной и раздельной) индивидов, личностей, отдельных людей. Более того, управление, согласование, организация и регулирование совместной деятельности осуществляются посредством воздействия на каждую личность, отдельность. Конечно, существует эффект группы, толпы, общности, но он не отрицает, а именно подтверждает это положение. Наряду с этим, все средства коммуникаций, управляюще-организующе-регулирующего воздействия на личность сугубо социальны как генетически, так и структурно-функционально. Поэтому и необходимо исходить из того, что социальная общность и личность являются всегда относительно самостоятельными, но абсолютно дополнительными субъектами социального движения.

Отсюда и следует, что личность — не просто винтик,

221

механизм социальной необходимости (социальной общности, целостности), а в принципе самодеятельное существо, возвышающееся до сознания сверх-над индивидуальности своих целей, способностей и потребностей. Благодаря этому она выступает опосредствованным общностью носителем неисчерпаемого многообразия (потенциального и актуального) социального движения в его единстве, мерой социальной зрелости и ценности человека. Общество, социальная целостность всегда являются носителем единства социального движения. Но, подчеркнем, единство опосредствованное присуще и личности, воплощается в ее структуре, фундаментальных свойствах.

Строение, структура социального организма, общности фундаментально разработаны в историческом материализме как в генетическом, так и в функциональном аспекте.

Общесоциологические законы и категории предельно ясно фиксируют именно вечные, всеобщие, непреходящие связи, образующие социальную целостность, фундаментальные элементы или части этой целостности. Здесь имеются в виду взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания, способа производства материальных благ и социальной, политической и духовной жизни, производительных сил

и производственных отношений, базиса и надстройки, периодов восходящего развития социальных организмов (формаций) и др. Специфические законы и категории исторического материализма, частные науки об обществе успешно исследуют преходящие, конкретно-исторические формы проявления вечных связей устойчивых социальных образований.

В последние десятилетия в историческом материализме и психологии большое внимание уделяется также исследованию личности как субъекта социального движения, анализу механизмов ее взаимодействия с обществом, ведется разработка структуры личности

Наши ученые различными путями исследуют структуру личности, ее модели. Но еще не создан общепризнанный синтетический ее вариант. Наука столкнулась здесь с трудностью, которая состоит в том, что и на уровне эмпирических исследований, ни на уровне лишь абстрактного теоретического анализа личности синтетической модели ее структуры не создать. Подобная задача разрешима лишь на путях диалектического синтеза имеющихся знаний о человеке. Он предполагает,

222

на наш взгляд, прежде всего такое соединение диалектически противоположных категорий, обозначающих фундаментальные (противоречивые) свойства предмета, которое давало бы конкретное знание его сущности. Какие же категории необходимы для образования понятийной, идеальной структуры личности, соответствующей ее объективному содержанию? Ведь свойства личности неисчерпаемы, обозначающие их понятия беспрерывно пополняются, их сейчас уже свыше полутора тысяч. Даже на уровне общесоциологическом, в рамках исторического материализма личность рассматривается под углом зрения таких понятий, как «социальность», «классовость», «национальность», «деятельность», «сознательность», «активность», «способность», «потребность», «цель», «интерес», «стимул к деятельности», «гармоничность», «всесторонность», «целостность», «типичность», «неповторимость» и т. д. ."-

Какие же из этих понятий взять за основу структуры личности? Видимо, те, в которых фиксируются самые фундаментальные социальные свойства человека, отличающие его от всех других живых существ и служащие основанием всех других, существенных, но производных личностно-социальных свойств. Это прежде всего те понятия, в которых выражена сущность марксистско-ленинской, производственно-трудовой теории происхождения и развития человека и общества.

Ранее нами специально рассматривалось место целе-полагания в социальном движении, первостепенное значение опосредования потребностей человека (их удовлетворения, развития и совершенствования) его способностями и целями (трудовой деятельностью) как совершенно нового способа связи живых существ с действительностью. Здесь особенно важно понятие «структура, логика трудового действия», согласно которой постоянными личностными моментами его*^ выступают способности, потребности и цели человека. Труд, следовательно, это такой процесс материального или духовного взаимодействия (посредством орудий) человека с внешним миром, в котором по необходимости участвуют его способности, цели и потребности. Сами же подлинно^человеческие способности, цели и потребности возникают и совершенствуются только в труде,^только в деятельности человека, а не даны ему от природы. Причем возникают они и развиваются не в отрыве друг от друга: вне связи с

223

потребностями и целями способности, независимо от них потребности и цели, а в постоянной взаимосвязи, взаимодействии как целостная система. Это справедливо как по отношению к истории человечества, так и по отношению к индивидуальному становлению личности. Отсюда следует, что структура, логика труда со стороны его личностных компонентов могут быть необходимым основанием синтеза структуры личности как феномена социального в антропогенезе и онтогенезе, а не биосоциального,

как пишут об этом многие авторы.

Поэтому ее необходимыми элементами оказываются способности, потребности и цели, многообразные взаимодействия которых и представляют структуру личности. Методологический потенциал этой модели (в отличие от многих описательных или типично аналитических) состоит в том, что все (или подавляющее большинство) личностных свойств человека могут быть интегрированы образующими ее элементами или их взаимосвязями, с учетом их конкретно-исторического содержания. Последнее всегда обусловлено системой общественных отношений, которая характерна той или иной эпохе. Мерой же овладения личностью всей совокупности общественных отношений выступает действенное проявление ее способностей, целей и потребностей.

Можно даже сказать, что все сознательные и даже невольные поступки, действия человека как личности есть прямое или косвенное проявление того взаимодействия способностей, потребностей и целей, которое характеризует личность в данный период ее развития. Предлагаемый вариант структуры личности ориентирует на целостное комплексное исследование этих фундаментальных свойств личности, так как и каждое из них характеризует определенный аспект жизнедеятельности личности как целостного явления. Применяя эту модель, можно превратить в комплексные все специализированные (возрастные, функциональные, профессиональные) исследования человека, ибо способности, цели и потребности представлены так или иначе в любом возрасте, функции, состоянии, деятельности личности, которые надлежит исследовать не как таковые, не сами по себе, а как проявления личности, ее целостности.

Предложенный вариант структуры личности основывается на диалектико-материалистическом решении вопроса о сущности человека как совокупности общест-

224

венных отношений. Ведь все человеческие способности, характер и содержание потребностей и целей человека каждой эпохи обусловлены либо в итоге, либо непосредственно социальными условиями его жизни: уровнем развития материального производства, экономическим строем общества и системой идеологических отношений. От этих обстоятельств зависит и реальное соотношение способностей, потребностей и целей, возможность их дисгармоничного или гармоничного развития.

Ранее нами уже была сделана попытка предварительного определения этих понятий на общефилософском уровне, где речь шла о субординации способностей, потребностей и целей как вечных фундаментальных свойств человека. Здесь же они интересуют нас прежде всего как элементы структуры личности, способ их вхождения в эту специфическую целостность. В связи с этим на первый план выступают органические связи целей, которые ставит перед собой личность, и способностей, обеспечивающих достойное их осуществление во имя удовлетворения потребностей. Сколько заблуждений, трагических порою ошибок происходит по причине переоценки, непонимания собственных способностей на путях достижения желаемых целей. Взаимосвязь эта представляется настолько самоочевидной, что приходится поражаться столь частому к ней пренебрежению!

Оказывается, что все три фундаментальных свойства личности очень прочно связаны между собой как по линии и способностей, так и по линии потребностей (и целей) они постоянно взаимопроникают друг в друга.

Поэтому любой отрыв этих фундаментальных свойств друг от друга, абсолютизация каких-либо их составляющих вообще пагубны для личности.

«Правда,— пишет К. Маркс,— еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные цели, они носят животный характер»^в, т. е. превращаются в свою противоположность. ^вϕ^в-Щ

Намеченные ранее общие взаимосвязи фундаментальных свойств личности в

действительности гораздо сложнее и многообразнее (всякое обобщение в понятиях упрощает жизненные явления). Но синтез структуры личности (ее

а*Я

⁹ *Маркс К.*, *Энгельс Ф.*, Соч. 2-е изд., т. 42, с. 91.

225

модели) невозможен без уяснения законосообразности, некоторой упорядочивающей эти взаимодействия тенденции. В самом общем смысле можно утверждать, что взаимодействие способностей, потребностей и целей как противоречивых сторон целостной личности осуществляется на основе принципа соответствия. Вопрос же о субординации этих категорий решается на том основании, что непосредственным источником саморазвития личности, мерой овладения ею всей системой общественных отношений является прежде всего действенное проявление и совершенствование ее творчески-созидающих способностей, а не удовлетворение потребностей, как бы они ни были разнообразны. Отсюда и делается предположение о том, что именно способности являются ведущим элементом в системе фундаментальных свойств личности. Это находит свое воплощение прежде всего в универсальности способностей человека к труду, к преобразованию действительности в соответствии с потребностями и по законам красоты, способности к абстрактному мышлению и речи, и других его социально-личностных свойствах.

Потребности и цели личности должны диалектически согласовываться, субординироваться с творчески-созидающими способностями, т. е. служить их саморазвитию, самообогащению, совершенствованию, а не наоборот, как утверждает потребительская идеология.

Соответствие потребностей и целей способностям можно рассматривать в качестве общесоциологической закономерности, регулирующей развитие личности на всех этапах истории. Действием этой закономерности обусловлены и основные общесоциологические социальные типы личности, в пределах которых социально-экономические эпохи, профессиональные различия порождают массу видов и разновидностей личности. Различие между ними в конечном счете можно свести к различию в содержании и соотношении свойственных данному типу личности способностей, потребностей и целей. Как закономерная тенденция соответствие потребностей и целей способностям личности предполагает не абстрактные человеческие способности, а прежде всего способности, соответствующие объективной структуре всех подразделений общественного производства. Потребности, цели и способности — исторически-конкретные свойства личности; они подвержены развитию, изменению даже в пределах формаций, периодов и эпох.

226

Устойчивое, постоянно воспроизводимое соответствие потребностей и целей созидающе-творческим способностям формирует *творчески-созидающий* тип личности. Именно этот тип личности, соответствующий социальному прогрессу, и является главным двигателем истории. К нему относятся не только выдающиеся деятели науки, искусства, изобретательства, но и огромные массы людей физического и умственного труда, достигшие высокого мастерства, гордящиеся красотой своих творений, их важностью для людей, а не вещами, которыми они владеют, стремящиеся передать свой опыт своим детям и тем самым оставить добрый след в жизни своего народа и человечества.

Для творчески-созидающего типа личности характерна постоянная устремленность к общественно-полезному труду, забота о совершенствовании своих способностей, мастерства, о сочетании в своей деятельности временных и постоянных целей, обогащение знаний, высокая социальность, самодеятельность и инициатива, смелость в поиске новых решений старых проблем и постановке новых, способность к самоограничению во имя достижения поставленных перед собой творческих целей, терпеливое ожидание их результатов и т. п.

Нарушение соответствия, конфликт между способностями, потребностями и целями, абсолютизация одного из фундаментальных свойств личности, противопоставление и отрыв от других порождают иные, противоположные творчески-созидающему типы личности — *аскетический, фанатический и потребительский*, чему благоприятствуют соответствующие экономические системы. Ясно, что способности (аскетический тип) и цели (фанатический тип) поддаются абсолютизации и даже извращению, особенно если в этом заинтересованы господствующие социальные силы.

Когда же абсолютизируются, выступают на первый план потребности (особенно потребности-излишества), удовлетворение которых становится самоцелью, а забота о совершенствовании способностей уступает место жесткому их подчинению удовлетворению какой-либо одной или нескольких гипертрофированных потребностей, вожделению, пагубным страстям, тогда мы имеем дело с потребительским типом личности. Для него характерна нацеленность только на удовлетворение узкого набора индивидуальных потребностей, стремление обойти су-

227

шествующие порядки или эгоистически использовать их в личных целях (оттеснить ближнего, словчить), страх и неуверенность (как бы другие не обошли его), беспокойство и т. п. Потребительский стиль поведения можно назвать и футлярным, так как овладевшие личностью потребности — страсти — образуют своеобразные ограждения или футляр, сквозь щели которого потребитель взирает на весь мир — он представляется для его «я» всего лишь средством, все люди рассматриваются в качестве орудий осуществления его стяжательских целей. Потребительство — разрушитель человечности и творческих начал личности.

Потребительский тип личности отличается неустойчивостью, пограничностью, особенно на уровне потребителя-издженца, существа откровенно аморального. Последнее не означает^ что другие, более утонченные виды потребителей вполне нравственные люди. В этой пограничной ситуации потребительские цели имеют реальную возможность перейти в разряд преступных, поставить личность в открытый конфликт с обществом. Тогда происходит взрыв, коренная перестройка системы «способности — потребности — цели». Эгоистические потребности, порождая соответствующие им цели (вещи, деньги, карьера любой ценой), формируют подобающие им деструктивно-разрушительные способности (насилие, обман, шантаж). Возникает новая структура, но на сей раз структура антиличности, а не личности.

Современные буржуазные общественные отношения стихийно и сознательно формируют потребительский тип личности ¹⁰. Эксплуататор — это прежде всего потребитель по своей социальной сущности» его способности и цели вращаются в кругу стяжательства и накопительства.

¹⁰ Б. П. Высоцкий хищническое использование природных ресурсов связывает со структурой потребностей. «Проблемы будущего,— пишет он,— надо предусматривать, сегодня и различать естественные и искусственные потребности человека. Было бы поучительно просуммировать и выразить в сумме-эквиваленте потребление алкоголя, табака, наркотиков, явных излишеств, связанных с модой, и т. п. по отношению ко всему потреблению» (*Высоцкий Б. Л. Об основных проблемах геологии социо-сферы.*— В кн.: *Природа и общество.* М., 1968, с. 150). Было бы, конечно, заманчиво^все экологические и социальные неустройства списать по ведомству несовершенств структуры потребностей. Но она ведь не о неба свалилась, имеет свои земные, материально-производственно-экономические основания. О них-то и не следует забывать.

228

Потребительская психология настойчиво внедряется в капиталистических странах и в сознание трудящихся масс.

Социалистическое преобразование общества, ликвидация частной собственности и

соответствующих ей социальных институтов создает объективные возможности и порождает все большую социальную потребность в созидающе-творческом типе личности, как господствующем, соответствующем структуре и сущности нового общества. Ведь всесторонне и гармонически развитая личность как цель коммунизма — это и есть созидающе-творческий тип личности, личности с высоко и всесторонне развитыми способностями, человеческими целями и разумными потребностями.

Социализм создает условия для развития творческих способностей личности, направленных на достижение целей, соответствующих интересам общества, для формирования здоровых потребностей. Социализм требует от каждого члена общества высокой социальной активности и создает возможности для ее формирования, которые юридически закреплены в Конституции СССР.

Рассмотрим теперь в самых общих чертах соотношение вечного, устойчивого и временного, преходящего в деятельности личности с учетом ее структуры.

Подобная постановка вопроса применительно к личности (именно личности, а не индивиду с его устойчивой морфологией, анатомией — органикой вообще) может показаться особенно спорной. Ведь личность — это воплощенная динамика, вечный порыв, изменчивость деятельности, желаний и т. д. И тем не менее фундаментальные свойства ее вечны. Да и вообще при всех изменениях личность должна оставаться сама собой (иначе что же это за личность), целостной и единой. Личность, следовательно, немыслима без чего-то постоянного, в известном смысле незыблемого, вечного, объединяющего не только различные периоды ее жизни, но жизнь разных поколений, соединяющего ее бытие с бытием ее современников. Вопрос этот принадлежит к фундаментальнейшим в теории личности.

В условиях все нарастающей динамики социальных процессов, бурно развивающейся научно-технической революции, захлестывающей человека потоками информации, новых вещей, переоценки моральных и эстетических ценностей, крушения одних стереотипов и появления

229

новых, эта проблема становится жизненно важной, не терпящей отлагательства ее всестороннего рассмотрения и творческого решения.

В чем же непосредственно выражается устойчивость личности? Ранее говорилось, что один из фундаментальных компонентов структуры личности — цели — дифференцируется на вечные, устойчивые, постоянные и преходящие, изменчивые. Именно ансамбль устойчивых подлинно человеческих целей, устремлений, принципов, самооценки собственных действий, поступков, желаний и потребностей и есть самое существенное в личности.

Не только человеческие цели, но и способности, и даже потребности (благие и пагубные) сохраняются, передаются из поколения в поколение по программе социальной наследственности. Верно, что иные способности и потребности, как и цели, забываются, как бы сдаются на хранение, а потом вдруг неожиданно извлекаются оттуда и становятся злободневнее самых что ни на есть современных велений моды. Правда, эти извечные элементы структуры личности тоже подвергаются модернизации, усложнению или упрощению, вступая в контакт с текущими целями и потребностями, подвергаются воздействию всевозможных случайностей, но необходимость берет свое.

Поэтому как в масштабах общностей, периодов истории, так и в масштабе личности взаимодействие вечного, устойчивого и изменчивого уровней целей, потребностей и способностей не однозначно, кем-то раз и навсегда запрограммировано; для личности оно должно быть особенно гибким и подвижным, нуждающимся в постоянной саморегуляции и самоконтроле с целью сохранения, развития, совершенствования в себе созидающе-творческих начал. В формировании этой регулятивной способности (самоконтроль) может и состоит одна из труднейших и важнейших задач воспитания. Именно эта способность и является своеобразным

дирижером ансамбля относительно устойчивых целей-принципов, способностей и потребностей.

Безусловно, им принадлежит особая роль в жизни личности, общества и всего человечества. Они и только они придают действительно человеческий смысл всем преходящим, текущим нашим желаниям и поступкам, соединяя их с прошлыми деяниями людей в целостную цепь истории, предопределяют способ их осуществления

230

и характер дальнейших последствий. Постоянные, незыблемые человеческие цели обеспечивают единство и цельность личности и тем самым образуют нерушимое ядро ее структуры (термины «ядро» применительно к личности достаточно широко употребляется в научной литературе).

Социальная функция этих образований состоит в том, что через них осуществляется связь поколений и времен, передается, сохраняется и совершенствуется нравственный и эстетический потенциал народов и всего человечества. (С этих позиций становится понятной ущербность пропагандируемого в странах буржуазного Запада тезиса, согласно которому наш век — это век изменчивых убеждений.)

Основу ансамбля устойчивых целей-принципов коммунистической личности составляет научное мировоззрение, система социально-политических, эстетических, нравственных убеждений, определяющих жизненную позицию человека. В этом плане приобретает гигантское значение формирование научного мировоззрения советских людей, воспитание их на идеях марксизма-ленинизма — теории революционного преобразования действительности в интересах трудящихся масс. «Ничто так не возвышает личность, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения».

Особенность устойчивых человеческих устремлений в отличие от преходящих состоит в том, что непосредственно текущей действительностью они, как правило, не формируются. Они сначала возникают как результат целеустремленной воспитательной деятельности коллектива, а потом становятся главной целью самовоспитания, активности самосознания, самооценки личностью своей жизнедеятельности и опыта предшествующих поколений. Ведь они — устойчивые цели — есть живой индивидуально неповторимый синтез социального и личностного нравственного и эстетического опыта человечества, прежде всего родного народа и собственных переживаний.

Любовь к истине, добру и красоте — такова вечная формула этих человеческих устремлений. Каждая эпоха

¹¹ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 537.

231

наполняет ее своим содержанием. В классовом обществе эти понятия далеко не однозначны по содержанию и во многом противоположны в буржуазной и социалистической идеологии. Необходимо научно обоснованное дальнейшее развитие этой формулы в том духе, чтобы вечные человеческие устремления обеспечивали гуманную и прочную связь природы и общества (любовь к природе, трудолюбие), поколений (родители и дети), членов общества (патриотизм), людей труда всей планеты (интернационализм), настоящего с прошлым и будущим (благоговение к ратным подвигам наших предков в справедливых войнах, к их трудовым делам и оптимистическая вера в будущее), преемственность периодов индивидуального развития личности (самосовершенствование), сплоченность членов трудового коллектива (человечность в отношениях между людьми) и т. д. Не подлежит сомнению огромная роль в формировании и совершенствовании устойчивых стремлений эстетической способности — потребности и человечности как общих принципов отношения к человеку и природе, к великим человеческим творениям. Заметим, что именно устойчивые цели и устремления формируют в личности человечность¹², побуждают ее к самосовершенствованию,

помогают «найти себя», свое место в обществе.

Из всего сказанного следует, что личность есть социологическое понятие для обозначения общей меры социальности человека ¹³, *устойчивого, повторяющегося единства динамической, индивидуально неповторимой системы способностей, потребностей и целей, формирующейся и развивающейся в сознательной деятельности как способе овладения конкретно-исторической совокупностью общественных отношений.*

В определении и всех рассуждениях о личности как субъекте социального движения постоянно подчеркива-

¹² Ч. Айтматов и Платиус Хейнц, высказываясь о задачах современной литературы социалистического реализма, заметили: «И, может быть, сейчас важнее, чем когда бы то ни было, прежде всего способность литературы сделать узнаваемым чувствования другого человека, научить каждого из нас думать о другом, как о самом себе, заставить увидеть, что он, другой человек, так же любит жизнь, ненавидит смерть, страдает, переживает, отстаивает свое место под солнцем» (*Айтматов Чингиз. Платиус Хейнц. Человек и мир. Семидесятые годы.*— Новый мир, 1977, № 12, с. 259).

¹³ См.: *Смирнов Г. Л. Советский человек.* М., 1971, с. 45.

232

ется органичность связей, обусловленность ее социальной общностью (обществом). Действительно, считая личность явлением социальным, надо признать, что все содержательное, существенное она получает от общности. Однако общность все осуществляет посредством деятельности личностей, людей и не располагает какими-либо иными способами функционирования ¹⁴. Создается впечатление, что общность не обладает объективной самостоятельностью своего бытия как субъект социального движения, является всего лишь суммой, конгломератом индивидов, личностей. Об этом твердили и продолжают твердить все метафизически мыслящие социологи.

Вторая крайность в толковании соотношения «общность-личность» сводится к отрицанию объективной самостоятельности (свободы) личности, сведению ее к чистой функции общности, винтикам и колесикам... Основание есть и для такого явно вульгарного представления. Общность, во всяком случае все до сих пор существовавшие социальные общности, действительно настойчиво добивались (правдами и неправдами, пряником и кнутом, миром и войнами, крестом и мечом) беспрекословного, полного безропотного себе повиновения, стремились формировать личность по своему образу и подобию. И вообще-то достигали немалых успехов. Никогда, правда, не удавалось дойти до полного отождествления личности и общности: личность бунтовала, сопротивлялась, вылезала за пределы, отводимые ей общностью.

В таком случае надо выяснить, есть ли все же границы, отделяющие общность от личности, определяющие пределы влияния первой на вторую? Они есть, они не только возможны, но и необходимы, без них немислимо социальное движение как постоянное взаимодействие двух субъектов, и взаимодействие это всегда осуществляется в виде человеческой деятельности. Деятельность же эта по своей природе универсальна, а сама универсальность имеет реальное бытие в многообразии специализированных отдельно осуществляемых деятельности... опять же индивидов, личностей ¹⁶. Именно здесь и проле-

¹⁴ В одной (не зафиксировал чьей) рукописи мне бросилось в глаза суждение: «Социальная сущность не обладает собственной силой действия» — может быть, автор этим и хотел подчеркнуть личностность проявления социальной сущности.

¹⁵ Не подлежит сомнению социальность всех видов человеческой деятельности. Но вот типичный для буржуазной социологии

233

гуют границы между личностью и общностью. Одни виды деятельности и складывающиеся в их процессе отношения образуют общность, другие — остаются за

личностью. Жизненно важные для определенных групп людей виды деятельности (воспроизводство членов группы, добывание и распределение средств существования, защита и т. д.) организуются и регулируются этой группой непосредственно или посредством выделяемых ею лиц и создаваемых для этого учреждений. В процессе организации и регулирования этих деятельностей и возникает, консолидируется и развивается общность как объективная реальность, отличная от совокупности включенных в поле ее функционирования лиц, индивидов. Отличная уже хотя бы потому, что ни один тип социальной общности (даже родовая коммуна) не имел своим предметом организацию и регулирование решительно всей деятельности входящих в ее состав индивидов, даже взрослых, трудоспособных, не говоря уже о детях и стариках.

В зависимости от соотношения тех видов деятельности, которые организует и регулирует общность (предмет управления) и которые остаются вне ее юрисдикции, формируются типы социальных общностей (формации). Соотношение же это конкретно реализуется в мерах совместного и раздельного участия индивидов в тех или иных видах деятельности. Но здесь необходимо иметь в виду два обстоятельства.

Даже в тех видах деятельности, которые составляют непосредственный предмет функционирования, управления общности (совместная охота, общее потребление, коллективная оборона от нападения или агрессия, массовое участие в политических акциях, общенародные выражения торжества или траура, беды, единообразие в отправлении культа и даже применении языковых средств в речевом общении и т. д.), невозможна полная и всеобщая регламентация процессуально-операционной ее стороны, каждый все же по-своему хоть что-то делает, иначе переживает, реагирует на происходящее. Ведь личность — это индивидуально неповторимая система способностей, по-

взгляд: «Три четверти времени индивидуум появляется как существо физическое... а как существо социальное, только для того, чтобы засвидетельствовать непогрешимость своей церкви и ^отдать дань уважения величию своего государства» (*Тард Г.* Социальная логика. СПб, 1901, с. 82). Как говорится, комментарии излишни.

234

требностей и целей. Никакая, даже самая жесткая регламентация и контроль не могут начисто стереть индивидуальную неповторимость независимо от места или ранга участника деятельности (цезарь он, центурион или рядовой солдат). Слов нет, место в иерархии участников организуемой и регулируемой деятельности (а ее участники всегда иерархически субординированы) во многом предопределяет степень проявления личных качеств. Важен сам принцип несводимости, наличия моментов самодеятельности личности в непосредственно совместной деятельности общности. Разумеется, общность зорко следит (открыто и тайно) за соблюдением своих норм, регламентов, форм и даже ритуалов, на то и существует разветвленная система органов общественного порядка, контроля, безопасности и т. д. Особо выделяющихся или возвышают, или казнят, убирают, иных изолируют от общности (тюрьмы, лагеря, места не столь отдаленные почти везде существуют).

Словом, общность любого ранга объективно заинтересована в поддержании своей целостности, отсюда и ее пристальное внимание к сознательно и стихийно проявляемой личной инициативе в отправлении подвластной ей деятельности. Ведь и личная самодеятельность бывает двоякого рода: одна имеет целью укреплять общность, способствовать ее расцвету и благоденствию, а другая — подрыву ее целостности, пагубному направлению ее общих дел. При этом часто вторая маскируется первой. Ведь личность — тоже противоречивое образование, она способна раздваиваться, принимать различные маски. Шпион, предатель интересов общности может оказаться в самом высшем эшелоне ее руководства и совершать коварнейшие, вероломнейшие злодеяния, прикрываясь маской преданнейшего слуги Отечества. Самый отъявленный провокатор рядится в мундир бесстрашного революционера. Ближайший друг может носить в кармане

яд (Моцарт и Сальери). Измена, предательство, двоедушие, коварство под маской лести и многие подобные им приемы тайной, скрытой борьбы выработали люди. И все они пускаются в ход и против, и в защиту общностей. И то и другое возможно.

Правда, соотношение репрессий и поощрений, инициативы конструктивной и деструктивной зависит от деспотичности и либеральности режимов, управляющей системы общности.

235

В то же время все непосредственно не регулируемые общностью виды деятельности (так называемые свободные искусства в том числе) никогда не осуществляются по капризу, полному своеволию или абсолютной свободе личности. Общность направляет, регулирует и, если хотите, даже в какой-то мере формирует результаты и этой деятельности. Но опосредствованно, путем формирования самой личности (будь-то Александр Македонский, Галилео Галилей, Коперник, Пушкин, Толстой и т. д.), а также путем создаваемых ею средств и форм реализации личностью своих способностей вплоть до гениальности. Выходит, что при всей своей автономии свобода личности оказывается своеобразным органом (или инструментом) общности, всегда питается истоками, текущими в глубинах общности. Чем значительнее личность, тем глубже и полнее она выражает в своей деятельности субстанциональные свойства народа и даже всего человечества (становящаяся общность). Такова диалектика соотношения-взаимодействия (в процессе функционирования) этих двух субъектов социального движения в самом общем виде.

Относительно границ, пределов непосредственного и опосредствованного воздействия общности на личность следует сказать, что они действительно существуют и постоянно изменяются. Прежде всего они фиксируются в юридических актах общегосударственного значения (конституции, манифесты, декларации и т. п.). Причем даже эти утверждения общих целей-обещаний появляются не сами по себе, не от бога снисходят, не даруются доброй волей господствующей в обществе силы, а завоевываются массой личностей, революционными классами.

Надо иметь в виду также и то, что в реальной жизни отношения «общность-личность» осуществляются не на уровне абстрактных, общих норм и прав, а на уровне конкретных, повседневных будничных межличностных связей типа: власть имущие и подданные, начальники и подчиненные, руководители и исполнители и т. д. Эти отношения настолько многообразны, подвижны, в них так много элементов случайного порядка, что они трудно поддаются подведению под общие нормы регуляции декларативными границами-принципами. Поэтому встает вопрос и о других, объективно действующих границах взаимодействия общества и личности. Искать их надо в самой деятельности людей^ прежде всего в деятельности

236

прямо подвластной общности, управляющей ее системе. Эта деятельность характеризуется определенным соотношением в ней инициативы, самодеятельности, энтузиазма и рутины, равнодушного исполнительства, эффективности и показной активности, заботы об интересах общности и личной выгоды и т. п., т. е. соотношение, которое дает объективную картину состояния границ-пределов. Они действительно объективны, хотя никто и никогда их не проводил, нигде они пока не зафиксированы. Но халатность, формализм, безразличие к общему делу, хищения, казнокрадство, взяточничество, различные должностные преступления (оборачивание функций), злоупотребления служебным положением и тому подобные явления — не врожденные пороки личности, а издержки функционирования управляющей системы или свидетельство порочности самих ее принципов. В любых случаях явления такого рода — суть^сигналы о нарушении границ воздействующего влияния общности на личность.

Вообще же вопрос этот крайне сложен и, кажется, недостаточно исследован.

Столь же диалектично и развитие названных субъектов социального движения.

Развитие личности ближайшим образом предполагает совершенствование, универсализацию, разделение, специализацию способностей, потребностей и целей, как и ее дифференциация, т. е. нарастание социального разнообразия. Движение от однообразия личностных свойств в первобытной общности до практически неисчерпаемого их разнообразия^ современных общностях есть необходимая тенденция социального прогресса. Причем тенденция эта осуществляется одновременно с укрупнением (интеграцией) общности в процессе перехода их от одного типа к другому, более совершенному.

Рассматривая динамику соотношения между новой и «старыми» социальными общностями в условиях развитого социализма, В. С. Семенов подчеркивает: «Все более преодолевается деление людей на социально-классовые и национальные общности, усиливаются социально-единые, однородные черты, характеризующие положение людей в обществе, при огромном (все нарастающем.— А. Б.) многообразии и богатстве личностных качеств

237

и проявлений конкретных индивидов»¹⁶. Так наглядно эта закономерная связь не проявлялась ранее ни в одной общности старого типа. Ее необходимо отнести к общеисторическим законам и сформулировать так: *интеграция социальных общностей, как правило, прямо пропорциональна дифференциации личности* ". Причем закономерность эта осуществляется не только сугубо статистически (не каждый акт интеграции общностей сопровождается дифференциацией личности), но и крайне неравномерно, порою зигзагообразно.

При первом же прикосновении к интеграционным процессам, с их жесткостью, истребительными войнами рождается соблазн отнести к разряду интеграционных явлений все многочисленные нашествия кочевников на оседлые народы, истребительные, несшие закабаление многим народам, разбойничьи походы Чингиз Хана, Тамерлана, да и Наполеона (ср. концепцию русской истории Покровского) и подобные им проявления насилия¹⁸. Проблема эта очень сложна в научном и чрезвычайно остра в политическом отношении, поэтому и заслуживает самого тщательного исследования, всесторонней разработки объективных критериев отделения действительной интеграции социальных общностей от различных грабительских захватнических агрессивных движений.

Но не подлежит сомнению, что интеграция общностей и дифференциация личностей — необходимые объективные процессы социального развития, что в их осуществлении одни общности закалялись, утверждались, интегрируя в свой состав другие, этнически родственные и порою совершенно инородные. Не исключено, что в разворачивании этих социальных драм погибали не только огромные массы людей-личностей, но и целые народы-общности (погибоша аки обри — т. е. бесследно).

Семенов В. С. Новые черты социального облика советского общества.— *Вопр. философии*, 1977, № 10, с. 48. И. Забелин прямо касается этой стороны истории, когда говорит об одном из «фундаментальных законов человеческого бытия», который он определяет «как закон *возрастающего обобществления* себя и всего окружающего — вещей, природы, знаний и т. п.» (*Забелин И. Мы и мир, который нас окружает.— Новый мир*, 1977, № 5, с. 214).

Ведь сокрушался же отвратительный лакей по духу Смердяков о том, что французы не победили в 1812 г.: «Умная нация покорила бы весьма глупую». Не один же Смердяков так рассуждает о подобных исторических ситуациях...

238

Вероятно, на сломе истории, при переходе от малых общностей (родовых общин, племен) к более укрупненным образованиям, в условиях массовой неестественной гибели людей и даже общностей особо остро ощущалась потребность в необходимости наглядных форм выражения отношения к общности (сознания ее как целостности), ее членов в текущем, современном и предшествующем, прошлом ее состоянии, а также и

отношения к личности: в ее жизни и после смерти, соотношение того и другого состояния (самосознание, проблема смерти и бессмертия).

Проблема смертности человека давно стала предметом рефлексии; сам факт захоронения трупов наводит на размышления о том, что живых чем-то беспокоили мертвые, причем, вероятно, не их тело, а дух, ушедший из тела. Видимо, чтобы задобрить этот самый дух (кто знает, добрый он или злой, лучше все же не раздражать его) и хоронили, прятали тело в землю, оставляя при этом знак на месте захоронения (сравни украинское: ховать, т. е. хоронить; погребать, но не загребать, закапывать). Ведь от обычая захоронения идет культ предков, складывается система представлений о каком-то участии духов усопших в делах живых, потомков (обряд поминовения не возник же неизвестно зачем, — внимание к духам, напоминание о том, что о них не забывают и т. п.). Допустив возможность посмертного отделения духа от тела, человек настойчиво искал способы обратного воссоединения его с телом, не человеческим, а всякого другого существа вплоть до обыкновенных вещей (ведь куда спокойнее, если духи имеют, наподобие тел, постоянное местопребывание после 40-дневного свободного блуждания по свету). По этой стихийной логике развития представлений и возникает разветвленная система антропоморфизма, пронизывающая все образное мышление вплоть до современного. Все одушевлено, духи мертвых воплощаются в любые явления окружающего мира. Отсюда — забота живых: надо, чтобы не раздражать духов, ко всему относиться по-человечески (этика Швейцера не есть ли наукообразный антропоморфизм?). Так, примитивные представления порождают изумительный по красоте и, вероятно, эффективный субъективный механизм очеловечения природы; объективным механизмом ^является практика.

Но в силе этого механизма заключалась и его слабость: он был общесоциален, едва ли не космичен; он прочно не

239

блокировался с культом предков, потому не способствовал фиксации, концентрированному выражению духа целостности формирующихся новых классовых общностей. Духов надо было собирать, заземлять и как-то организовывать по образцу реальных общностей. Так или примерно так возникла потребность в новой, религиозно-идеологической интерпретации посмертной жизни духов. На первом плане оказывается теперь отбор соответствующих для каждой общности существ и обожествление их, т. е. наделение их сверхъестественными ^полномочиями в естественных, человеческих, а потом и космических делах (целеполагающая деятельность вплоть до сотворения мира).

Обожествление предполагает конструирование жизнеописания деяний божества (мифы, их своды). Им могло оказаться любое существо (корова, бык, коза, жук, змея, орел и т. д.), любое явление (солнце, луна, молния, время) и, конечно, фараон, а не любой человек. Каждая общность создает свое семейство божеств, ее покровителей и защитников. Их сотворение было возвратом якобы к тотемизму. Главная функция божеств — покровительство, защита общности в бурный период первого тура интеграционного процесса. В «Илиаде» это воспроизведено в классически ясной и эстетически совершенной форме: Гера со своей партией горой стоит за ахейян, Зевс и зевсисы самоотверженно отстаивают интересы Трои; они вступают в схватку и между собой... Интенсивный период богостроительства охватывает тысячелетия — от первых мифологических построений до оформления современных мировых религий, последней стадии процесса, когда божеством стал чистый, абстрактный дух (хотя он в лице сына и вознесся на небеса в виде голубины).

Богостроительство имело свою логику: наряду с верховным божеством (покровителем общности, группы родственных общностей) возникает ряд специализированных божеств (отраслевой принцип при централизованном божественном управлении); происходит разделение небожителей на благих (благий боже) и пагубных, завершившееся восстанием Люцифера-Сатаны и низвержением его самого и всего его

воинства в преисподнюю; но эта операция не дисквалифицировала его по линии божественного функционирования, он — вечный антагонист благого бога, хотя благодать эта весьма условна. Следовательно, специализация и поляризация божеств —

240

важнейшие моменты процесса богостроительства, фантастического отражения реальных процессов земной жизни.

Далее. Обязательный момент любой религиозной системы состоит в определении места и образа действия человеческих духов или душ. Тартар, аид, валгала; из айда потом выделяется элизий (елисейские поля), ад, чистилище, рай («Божественная комедия» — бессмертное воплощение вершины этих представлений). Но вот что совершенно поразительно: где-то на задворках ада Данте видит толпу «жалких душ, что прожили не зная, ни славы, ни позора смертных дел», их возглавляет ангелов дурная стая, которые заняли нейтралитет во время восстания Люцифера против Всевышнего. Ни смерти, ни жизни не удостоен «этот жалкий люд вовек не живший»¹⁹. Это суждение нам представляется воистину гениальным^ несравнимым по глубине с прославлением вселенской любви, что движет солнце и светила, и тому подобными реминисценциями. Именно в нем идейно-эстетический ключ к «Божественной комедии», да и не только к ней.

Выходит, что божественное предопределение-разрешение на прописку в вечности (бессмертие) выдается лишь увенчанным славой и покрытым позором земных дел, т. е. тем, кто заработал его в реальной жизни. В этой ситуации привлекает внимание не только элитарность, нравственный релятивизм, безразличие к добру и злу, жестокость к подавляющему большинству — толпе — ни жизни им, ни смерти... но типичный хвостизм предопределения, констатация без него свершающихся фактов. Где же всемогущество, всеблагость, всеобщая любовь (вселенская — она людей обыкновенных не замечает)! Выходит, далее, что рассуждения о всеобщем воскресении мертвых — всего лишь благое пожелание даже в пределах религиозной схематики (Данте отлично знал теологию, до мельчайших подробностей).

Словом, проблему вечности человека, статус его посмертного состояния религия не решила. И не могла решить, ибо не в состоянии была понятно и правдоподобно связать вечность личности с вечностью, судьбами общности. В общем и целом религия оказалась безразличной к общности, не поднялась до понимания ее как Родины, Отечества. Боги оказывались выше родины, абстракция

¹⁹ Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 1950, с. 12. 9 А. П. Велик
241

подавляла конкретность. Зевсизм, культ Римских небожителей в целом себя не оправдали.

Между тем в обыденном, неидеологизированном сознании народа, в стихийном творчестве формировались представления о теснейшей связи судеб личности и общности — Родины, Отечества как при жизни, так и после смерти. Вечность личности ближайшим образом обретает в вечности Родины — верности ей, бескорыстии, преданности. Даже фиксация связи поколений — отцов и детей (отчество) как-то отражает эту тенденцию И. С особенной отчетливостью она выразилась в отношении народного сознания к ратным подвигам во имя защиты Родины от иноплеменных нашествий. Память о павших во имя Родины вечна и священна. Вообще наше [историческое чувство во многом питается этими святынями, будет ли это отношение к прошлому Родины или наших предков. В связи с этим сошлюсь на Пушкина. Есть у него черновик незаконченного стихотворения. Вот оно:

Два чувства дивно близки нам — В них обретает сердце пищу — Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века, По воле бога самого, Самостоянье человека И все величие его.

Животворящая святыня! Земля была б без них мертва, Как пустыня И как алтарь без божества¹⁰.

¹⁰ Относительно отчества мне врезался в память один уникальный случай. В конце мая 1978 г. в Петропавловске-Камчатском (я был там в командировке) коллеги пригласили меня загород. Мы на даче. Представляюсь (по имени отчеству) ее смотрителю, мужчине лет 30, кавказского типа. Обмениваемся рукопожатием. Он отвечает мне: «Роман». «Отчество Ваше»,— настаиваю. «Не заслужил еще»,— совершенно серьезно отвечает он. Оказывается, есть народы, где отчество дается не за факт рождения человека, а как бы в поощрение за образ жизни, достойный его родителей (предков).

¹¹ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 6-ти т. М., 1949, т. 2, с. 119—120. В полн. собр. соч. в десяти томах вторая строфа выпущена

и отнесена в примечания как вариант третьей (Л., 1977, т. III, с. 203).

242

Хотя это и черновик, но с какой глубиной выражена в нем жизненная мощь нашего отношения к тому, что как бы прошло (родное пепелище я понимаю как образ истории Родины) — «самостоянье человека и все величие его»²². Есть у поэта и другое суждение по этому вопросу. В отрывке «Гости съезжались на дачу...» читаем: «Мы так положительны, что стоим на коленях перед настоящим случаем, успехом и... но очарование древностью, благодарность к прошедшему и уважение к нравственным достоинствам для нас не существует. Карамзин недавно рассказал нам нашу историю, но едва ли мы вслушались. Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди или балами двоюродной сестры. Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности»²³. Замечательный это материал для размышлений об отношении к прошедшему, т. е. реально не существующему. Для нас здесь важен механизм превращения лично преходящего в вечно-общностное, а им является деятельность личности в объективном бытии. Деятельность не только военно-патриотическая, но и мирно-созидающая (созидание новых поколений, новых условий и средств жизни). Конечно, в сознании поколений живут и предатели, разбойники-разрушители (Соловей разбойник), мастера пагубной деятельности. И с этим тоже надо считаться — ведь зло пока неискоренимо.

Далее. Народное сознание в арсенал вечности включает не просто знаки-образы (обобщенные или индивидуализированные) отдельных лиц или их групп, а преимущественно образ (структуру) их действий — вот что главное для живых, для общности, а не склад добродетелей и пороков, что нетрудно усмотреть в населении всех ярусов ада и рая. Все поколения ушедших из жизни предков присутствуют в нашей реальной действительности, живут вечно не только в дошедших до нас образах деятельности, но и в обстоятельствах нашего национального бытия (материальных и духовных), в просторах наших, городах и древних, и не только древних сооружениях, языке, сохранившихся обычаях,— решительно во всем нам необходимо видеть живых людей, плоды их напряженного труда, поисков, радостей и страданий.

Так и только так можно и должно решать вопрос о смертности и бессмертии личности, только в теснейшей

²² В варианте (примечания) «залог величия его», т. III, с. 425.

²³ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 6-ти т. М., 1949, т. 4, с. 376.

9*

243

ее связи с жизнью общности, Родины, Отечества, в конечном счете человечества. Правда, человечество в лице очень многих его представителей — общностей — еще весьма далеко от сознания этой очевидной истины. В таком понимании соотношения прижизненного активного и посмертного пассивного бытия личности и общности нет ни грамма мистики и даже идеализма. В нем выражается одна из фундаментальных особенностей социального движения.

Условно эту особенность можно определить как преодоление необратимости времени. В самом деле, азбучной философской истиной является утверждение об одномерности времени, оно идет лишь вперед, никогда не останавливаясь и тем более не возвращаясь вспять; оно необратимо. Но как быть в этой ситуации со всеобщностью фиксации прошедшего, настоящего и будущего во всех языках мира, во всех практических действиях человека? Стоит нам хотя бы на кратчайший момент игнорировать «трехмерность» времени, как мы потеряем способность активно, сознательно действовать. Ведь суть целеполагания и состоит в предельной четкости ориентации во времени (будущее — настоящее — прошедшее), без нее, помимо нее, нет даже намека на целесообразную деятельность. Разве каждый созданный человеком предмет — не явление остановки времени, причем не субъективное, а вполне объективное, материализованное. Разве здесь явно не представлено движение времени из будущего (образ создаваемого предмета) в настоящее. А ведь такова временная структура любой целеполагающей деятельности как движения от будущего к настоящему. Ни шага вы не сделаете, игнорируя это обстоятельство социального движения.

^2"Разве все реально присутствующие в современной жизни результаты деятельности прошлых поколений не представляют типичный феномен обращения течения времени вспять: давным-давно прошедшее есть и настоящее. Да ведь ни шага нельзя сделать, не оборачиваясь в прошлое, назад, не соотнося свое действие с результатами деятельности своих предшественников. Идя вперед, постоянно оглядываясь назад, ибо прошлое — это надежный тыл настоящего и будущего, отрыв от него неминуемо чреват поражением.

На всех досоциальных уровнях движения и развития материи нечто подобное осуществляется стихийно-объ-

244

активно, независимо от сознания субъекта, ибо он не имеет ни сознания, ни воли, ни цели, ни трехмерности времени. Социальное движение по необходимости применяет сознание (целеполагание) для саморегулирования как в пространстве, так и во времени. При этом пространство и время воспринимаются не как абстрактно особые субстанции, независимые от предметной деятельности, а как объективные свойства предметов и самой деятельности, точнее, предметов и деятеля, субъекта в их взаимодействии. Принимая во внимание, что точкой отсчета в пространстве и времени в социальных явлениях всегда выступает не абстрактный (идеализированный) предмет, а реальная, текущая деятельность субъекта, трехмерность является объективной характеристикой как пространственной, так и временной определенности объекта, т. е. всех объективных элементов деятельности.

Рассмотрев фундаментальные свойства социального движения (воплощение единства сущности и явлений), необходимо хотя бы наметить самый общий подход к предмету в аспекте таких категорий, как субстанция и субстрат, и дать определение понятия «социальная форма движения».

3.

Субстанция и субстрат

социального движения.

Определение понятия

В соответствии с одной из трактовок субстанции в диалектическом материализме утверждается, что это понятие применяется для обозначения материи «со стороны внутреннего единства всех форм ее движения, всех имманентных ее различий и противоположностей, включая сюда и гносеологическую противоположность «мыслящей» и «немыслящей» материи... Понимание материи как субстанции как раз и связано с требованием понять («вывести») сознание во всех его формах из движения материи, сознанием не обладающей... В категории субстанции само мышление (сознание) представляется как один из ее атрибутов, генетически связанный со всеми другими атрибутами и их предполагающий. Материя же как субстанция,— подчеркивает Э.

Ильенков,— рассматривается как материя, мыслящая в лице человека «сама себя» и не что-либо «другое»²⁴.

²⁴ Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 152—153.

245

Признавая эту интерпретацию в принципе верной, мы приходим к выводу, что понятие «субстанция» ближайшим образом оказывается тождественным материи только на социальном уровне ее бытия (движения и развития). Внутреннее единство всех форм движения, всех имманентных ей различий и противоположностей, в том числе природы и духа, как действительность, реализация возможностей осуществимо лишь в виде социально самоорганизующейся материи. Лишь одна позиция в этой интерпретации Э. В. Ильенкова вызывает сомнение: его трактовка противоположности мышления и материи, духа и природы. Автор настаивает на том, что в понятии материи как субстанции эта противоположность фиксирована как «лишь одна из бесконечно многообразных противоположностей (к примеру как и противоположность притяжения и отталкивания, симметрии и асимметрии, правизны и левизны и т. д.— *А. Б.*), как лишь одна из фаз «саморазличения», «саморазвития» объективной реальности»²⁵. Он настаивает на относительности этой противоположности, рядовом, так сказать, ее месте в системе преобразований материи (как лишь одна из бесконечно многообразных противоположностей, как лишь одна из фаз). А так ли обстоит дело в действительности? Неужели возникновение человека, сознательно целеполагающего преобразования материи лишь одна из фаз, а не величайшая (может быть, самая грандиозная) революция в развитии материи. Значительно ближе к истине Н. П. Дубинин, когда утверждает: «В истории жизни было два главных события, два случая появления новых форм движения материи — это происхождение жизни и происхождение человека»²⁶ т. е. мыслящей, целеполагающей материи.

Сколько бы мы ни говорили об относительной противоположности материи и сознания, мышления, мы должны же как-то специально выделить то обстоятельство, что возникло не просто еще одно свойство противоположное другому рядовому свойству материи, а родилась противоположность самой материи со всеми ее бесконечно многообразными свойствами. Сознание, мышление, дух противостоит не только в гносеологии как нечто особое всей, всякой материи в ее многообразии и единстве. Может быть,

²⁵ Там же.

²⁶ Дубинин Л. П. Актуальные философско-методологические проблемы современной биологии.— *Вопр. философии*, 1978, № 7, с. 46.

246

и само материальное единство имеет объективное содержание, глубочайший смысл именно благодаря бытию духа, сознания.

Во всяком случае возникновение мыслящей, разумной жизни (человека) привело к раздвоению объективной реальности на «2 формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целеполагающая деятельность человека». Развивая эту мысль, В. И. Ленин ставит вопрос о соотношении этих форм, подчеркивает, что «сознание человека, наука (*der Begriff*) отражает сущность, субстанцию природы, но в то же время это сознание есть внешнее по отношению к природе (не сразу, не просто совпадающее с ней)»²⁷. Утверждение В. И. Ленина о сознании как внешнем по отношению к природе, к объективной реальности имеет, на наш взгляд, огромное общеполитическое значение.

Далее. Социальная форма объективного процесса (целеполагающая деятельность людей), в свою очередь, раздваивается на два субстанциально различных уровня: объективная реальность (общественное бытие) и субъективная реальность (общественное сознание).

Противостояние этих двух уровней реальности как в аспекте общности, так и личности не является чисто гносеологическим вопросом о границе абсолютного значения

и применимости понятий, а представляет собой существенный аспект реальной жизни, действительных конфликтов. Материя и дух, природа и мысль — не безразличные, нейтральные по отношению друг к другу явления, а постоянно противоборствующие силы: социальная жизнь со всеми ее драмами и трагедиями, человеческие сердца — вот широкое поле извечной борьбы материи и духа. Накал, острота этой борьбы временами возгораются, временами затихают в зависимости от глубины противоположности интересов социальных сил, использующих всегда в своих целях это извечное противоречие социального бытия. Но не они его порождают.

Хитрость духа, особенно разума, состоит в том, что он обнажает, вычленяет (очищает, так сказать) и часто обостряет противоречия материи и использует их в своих интересах (опосредствование), стремится доказать материи (остальной природе) свое всеисилие, безграничность своего могущества. Но эта хитрость, действительно могуществен-

?⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 170.

247

ная, имеет и свою слабость — постоянное стремление духа оторваться от своей матери-материи, превратиться в некоего абсолютного демиурга²⁸.

Разве любая религия, бог, как феномен,— не ярчайшее доказательство тому, насколько далеко заходит дух в своем стремлении оторваться от материи (человека, социальной общности), вознестись над нею и управлять. Опять же, это ведь не чистая гносеология, не просто сфера понятий, а реальность, различные модификации которой здравствуют и по сей день. И еще не ясно, в каких формах дальше будет разворачиваться противоборство духа и материи. Ведь электроника и кибернетика, вооружая разум человека мощными современными техническими устройствами, стремятся снять эту противоположность, окончательно материализовать дух, на самом деле углубляют ее, все больше отрывая и противопоставляя мышление (его результаты) мыслящей материи. Сегодня еще не ясно, как будет развиваться этот процесс.

Вопрос этот можно было бы и не поднимать, если бы нарастание духовного потенциала социального движения (современная наука и техника) столь явно не обнажило его глубокую противоречивость, взаимопроникновение его благотворных и пагубных возможностей.

Субстанциальный подход к социальному движению вообще невозможен в отрыве от научного анализа взаимодействия духа и материи, сознания и бытия. Ведь все социальные явления, желательные и нежелательные, предсказуемые и непредвидимые, порождаются сознательной целесообразной деятельностью. Даже те отклонения от необходимости, которые образуются в ходе естественно-природных процессов, происходящих в социосфере, так или иначе с ней связаны (например, экологические осложнения).

В субстанциональном плане социальное движение следует понимать как высший уровень саморазвития материи

²⁸ Порой приходится поражаться глубине мысли, воплощенной в иных фантастических ситуациях искусства древности. Алкиной просит Одиссея сообщить свои координаты и объясняет ему: «Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы нужного каждому судну, на наших судах не имеем; сами очи понимают своих корабельщиков мысли. Сами находят они и жилища людей, и поля их» («Одиссея», с. 513). Что это телепатия, телекинез? Но, бесспорно, преклонение перед мощью мысли, способной якобы прямо порождать действие исключительной определенности.

248

посредством универсального воспроизведения (совершенствования) всех предшествующих видов ее движения в процессе сознательной, целеполагающей деятельности разумных живых существ, как способ их бытия.

Так, трактуемая субстанциальность социального движения предопределяет более

или менее однозначное понимание его со стороны субстрата (социальная форма предметности). Субстратом социального движения всегда выступают активно действующие люди, общности и личности с их органическим и неорганическим телом (преобразованные природные, досоциальные формы материи). Поэтому разногласия здесь возможны в понимании самого человека, его природы, а также природы так называемого неорганического тела общества и личности.

В нашей литературе имеются различные трактовки этих проблем. Широко распространена, например, идея биосоциальной, двойственной природы человека; противоположна ей идея «чистой» социальной его природы.

В статье А. В. Ласточкина и В. В. Орлова «О специфике социального субстрата» дана сводка и интерпретация различных толкований этого вопроса с точки зрения интегральной социальной природы человека. Названная точка зрения заслуживает внимания, хотя и не все ее компоненты достаточно ясны. Имеется в виду прежде всего идея так называемой теневой системы как основы высшего уровня, созданной элементами высшего уровня на низшем. Эта теневая система «служит шаблоном, матрицей собственно высшего уровня, промежуточной системой между низшими и собственно высшим уровнем»²⁸. Пока непонятно, как согласуется тезис об интегральной социальной природе человека с представлениями о его структуре, согласно которым в ней выделяются «фундаментальная биологическая система... теневая биологическая система (приспособленная к социальному образу жизни) и собственно социальная система».

Верно, что специфика человека как социального субстрата — в универсальности его материальной и духовной деятельности. Но весьма спорно утверждение, что «труд и мышление возникают на основе биологических функций биологической жизнедеятельности»³⁰.

²⁹ Ласточкин, А. В., Орлов В. В. О специфике социального субстрата.— В кн.: Философия пограничных проблем цауки, Пермь, 1974. Вып. VI, с. 106, 107.

³⁰ Там же, с 107.

349

Ранее мы показали, что основанием возникновения труда являются не просто биологические функции, не биологическая жизнедеятельность, а преобразование их в органически-социальные и социальные функции и жизнедеятельность. Конечно, человеческий организм функционирует по фундаментальным законам биологии, но человеческим (т. е. социальным по субстанции и субстрату) он становится лишь функционируя в социальной общности, по законам социального движения и развития. Аналогично этому можно утверждать, что входящие в субстрат социального движения биологические, химические, физические и даже механические явления и процессы функционируют по своим законам, но и не только по своим; они включены в такие системы взаимосвязей, которые возможны лишь в социальном движении (технология, хозяйство, экономика и т. д.). Не будь этой двойственной регулируемости воспроизводимых в обществе природных процессов, не было бы самой возможности каких-либо экологических осложнений, нарушения (даже разрушения) отработанных природой круговоротов веществ и подобных им неестественных явлений.

Потому-то и создается реальная возможность столь парадоксальных ситуаций, когда те или иные вещества природы (или синтетические соединения), завершив свой цикл социально-субстратного функционирования (путь вверх), не включаясь в циклы природных превращений (путь вниз), становятся не только антисоциальной, но и антиприродной, антиестественной стихией неразложимых отходов.

Теперь попытаемся дать определение социального (антропогенного) движения как способа бытия социального уровня материи. Социальная форма, вид материи — это понятие философии, обозначающее субстанцию социальной формы движения, высший вид материи, способной к ускоряющемуся саморазвитию, самосовершенствованию при участии и под контролем порождаемой ею же своей противоположности — сознания,

духа, разума, мысли. Социальная форма движения представляет собой процесс и результат постоянно углубляющегося открытого синтеза универсального воспроизведения-преобразования всех предшествующих видов материи и форм движения путем сознательно-целеполагающей, орудийно-опосредствованной деятельности разумных живых существ по мере развития их способностей, овладения законами природы, с целью удовлетворения своих потребностей,

250

Разумные живые существа (личности и общности) являются субъектом и движущей силой этого космического синтеза: процесс этот осуществляется как регулируемый и контролируемый (в принципе) обмен веществ между человеком и природой, функционирующий по законам истины (согласие с природой), добра, справедливости (согласие с человеком) и красоты (гармония природы и человека). Результативной частью этого процесса служит формирование все более адекватных способов совершенствования личности и социальных общностей, в том числе и всего человечества (гуманизирующая социализация живых разумных существ) и глобальных условий их бытия (социализация природы) в их гармоническом сочетании. Социальное движение осуществляется как постоянное противоборство тенденций самосохранения и самоуничтожения (созидание и уничтожение, мир и войны, совершенствование и ухудшение, разрушение среды обитания и т. д.).

Остановимся еще на одном, последнем, вопросе — о месте социальной формы движения в бесконечном развитии объективной реальности.

4.

Место социальной формы движения

в бесконечном развитии природы

Когда мы говорили о социальном движении как об открытом синтезе всех предшествующих форм движения материи, то тем самым подчеркивали особенное его место в развитии, хотя каждая вышестоящая форма тоже представляет собой синтез ей предшествующих. Но это синтез закрытый, т. е. предшествующие формы снимаются последующей вышестоящей и функционируют лишь в пределах ее образований, в связанном, так сказать, виде. Кроме того, синтез на досоциальных уровнях развития был односторонним, специализированным и частичным. Синтез, например, биологического движения осуществлялся за счет преобразования химической формы, да и то особых химических соединений (углеродистых). Ограниченность, узкая специализированность синтеза досоциальных форм движения состояла и в известном однообразии (однотипности) механизмов самого процесса и носителей его результата. Правда, на биологическом уровне наблюдается значительное разнообразие организмов, но механизм их функциониро-

251

вания, характер жизнедеятельности довольно однообразен (наследственная программа).

То, что социальное движение не только открытый, но и универсальный синтез, постоянно углубляющийся, охватывающий все более широкий круг предшествующих ему форм движения, ставит его в особое положение. А если добавить, что он осуществляется посредством таких универсальных механизмов, как производство, труд и сознание, целеполагающая деятельность, то станет совершенно очевидным, что все эти особенности выделяют его из всех предшествующих форм движения как принципиально, фундаментально отличный не только вид движения, но и способ развития (изменения-сохранения).

Уже то, что мы знаем о социальном движении в настоящее время, не позволяет рассматривать его как рядовую, теряющуюся в бесконечном потоке развития форму. И эмпирически, и теоретически мы вправе рассматривать социальное движение как высшую из всех известных нам форм движения. В общих оценках социального движения эта

позиция не подвергается сомнению, но при специальных исследованиях проблемы возникают различные мнения.

В. В. Орлов, например, доказывает, что человек, общество — «наивысшая ступень развития материи», и категорически отрицает мысль о возможном существовании бесконечной последовательности сверхсоциальных ступеней развития.

«Поскольку человек является наивысшей ступенью развития материи, аккумулирующей в себе результаты бесконечного развития материи, он обладает, следовательно, универсальным и всеобщим содержанием. На ступени человека материя получает особого рода обобщение и универсальное выражение своего бесконечного содержания»³², что не исключает и специфического, конкретного содержания человека (выражение универсального содержания). Не считая целесообразным воспроизводить во всей полноте аргументацию автора, заметим, что центральное место в ней занимает тезис о том, что универсальность и всеобщность человека выражаются прежде всего в труде и познании.

В. В. Орлов не сомневается, что человеческое общество есть наивысшая и последняя ступень развития материи.

Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 244.

252

«Если под ступенью развития материи, формой материи,— уточняет он свою мысль,— понимать нечто подобное физической, химической, биологической и социальной, то человечество есть несомненно высшая и последняя ступень развития материи, способная к бесконечному развитию»³², в данном случае — развитию общества (вторая ветвь развития). Следовательно, социальное движение рассматривается как наивысший и универсальный фактор дальнейшего развития материи вообще. «Если до появления человека развитие материи представляет собой непосредственный процесс движения «вверх» от простого к сложному, то с момента начала социальной эволюции оно представляет собой процесс, непрерывно опосредуемый своей собственной историей, оно есть бесконечное движение «вверх» посредством преобразования своего бесконечного основания «вниз»»³³.

Таким образом, социальное движение, общество, согласно В. В. Орлову, есть универсальный, самой материей (человеком) выработанный механизм бесконечного его развития, способный к тому же к самосохранению. «Общество,— пишет А. В. Ласточкин,— является наивысшей формой материи, способной к бесконечному развитию, не выходя за свои пределы»³⁴.

На наш взгляд, такое понимание места социального движения в бесконечном развитии материи созвучно прогрессивным тенденциям науки и космической практике человечества. Во всяком случае здесь признается космический характер социального движения со времени его возникновения, а не только с момента непосредственного выхода человека в космос. Такое понимание проблемы предполагает далее научно обоснованную постановку вопроса о космической функции или миссии человечества, о чем сейчас так много пишут.

В частности, у И. Забелина мы читаем, что «человечество — это орган природы, ею же созданный для управления стихийными силами». Космос необходим человечеству прежде всего для того, чтобы разместить там «базы управления, пункты управления природой»³⁵. Ряд моно-

³² Там же, с. 270.

³³ Там же, с. 253.

³⁴ *Ласточкин А. В. Общество как высшая форма (ступень развития) материи.— В кн.: Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1975, вып. 8, с. 102.*

³⁶ *Забелин И. Человек и человечество. М., 1970, с. 190, 187.*

253

графий посвятил этой проблеме А. Д. Урсул, в том числе книгу «Человечество.

Земля. Вселенная».

По интересующему нас вопросу в ней отстаивается иная точка зрения, согласно которой «на определенном этапе развития должна появиться новая форма на основе социальной, которую можно условно назвать «надобщественной» или «постсоциальной»³⁶. Действие законов диалектики скорее всего предполагает «дальнейшее саморазвитие социальной формы, ее превращение в другую, более высокую, форму движения». Далее автор признает, что такой подход не исключает «бесконечного бытия и развития человечества на уровне социальной формы движения и не предполагает ее уничтожения. Эта последняя в «снятом» виде может продолжать существовать (но не исключена и противоположная возможность.— *А. Б.*) в рамках более высокой формы материи (как, например, химической, животно-биологической в рамках социального.— *А. Б.*). «По-видимому, представлять гибель человеческого рода,— уточняет свою позицию *А. Д. Урсул*,— исходя из положений диалектического материализма (как это утверждают некоторые авторы), нельзя»³⁷.

Сходную позицию по этому вопросу занимает *Е. Т. Фаддеев*. Он признает, что социальное движение — особая ступень; ее возникновение «позволяет преодолеть своеобразный кризис в развитии материи, знаменует перелом в истории мира»; оно выступает своеобразным ферментом развития и т. д. Автор настаивает на реальной возможности вечности, бессмертия социальной ступени развития, человечества. Правда, оно обретает это свойство, «стремясь к бесконечному пространственному расширению»³⁸. И в то же время автор не сомневается в том, что должна возникнуть следующая, «еще более» высокая, ступень³⁸. Его «гипотеза ряда развития» предполагает бесконечность ступеней развития как вниз от социального движения, так и вверх от него. Ясно, что признание бесконечности восхождения ступеней вверх от социального движения значительно ослабляет утверждения автора о бесконечности, бессмертии человечества, о том, что его цели — «это дело

³⁶ *Урсул А. Д.* Человечество. Земля. Вселенная. М., 1977, с. 205.

³⁷ Там же, с. 222—223.

³⁸ *Фаддеев Е. Т.* Космонавтика и общество. М., 1970, с. 30—31; 48.

³⁹ Там же, с. 29.

254

всей материи, всей вселенной»⁴⁰. Предположение это тем более справедливо, что «последовательность возникновения ступеней ряда осуществляется поистине с железной необходимостью»⁴¹, т. е. «постсоциальная» ступень с необходимостью возникает над социальной. Таков лейтмотив второй точки зрения о месте социального движения в глобальном развитии материи.

Хотя эти точки зрения по ряду вопросов и совпадают (особенно в трактовке *В. В. Орлова* и *Е. Т. Фаддеева* но в решающем пункте — социальное движение рядовая или наивысшая ступень — они противоположны, друг друга взаимоисключают. Сторонники этих концепций не сказали еще последнего слова, не исчерпали свою аргументацию. Поэтому невозможно дать и окончательную им оценку. Но все же некоторые предварительные выводы можно сделать.

При всей цельности и последовательности первой точки зрения ей явно недостает согласованности с законом отрицания отрицания, тогда как вторая несколько односторонне трактует его действие. Ведь социальное движение отрицает все предшествующие формы, но совершенно не так, как делали они сами: отрицая, дает им новую жизнь, как бы снимая с них форму случайности. Особенно необычно (сверхдиалектично) отрицание, осуществляемое в процессе перехода, преобразования, материального в идеальное, единичного в общее. Нет сомнения, что идеальное есть отрицание материального, переход его в иную реальность. Но это такое своеобразное отрицание, которое, сохраняя объективный способ бытия единичного, переходящего превращает в общее, вечное, правда, в сфере субъективной реальности. Однако отрицание

отрицания означает обратный переход из субъективной реальности в объективную, якобы к тому же единичному, преходящему, но на новой ступени эволюции материи. Это воспроизводство-удвоение всего досоциального в социальном при участии идеального отрицания есть универсальный и вечный механизм осуществления социальным движением своей вселенской функции, функции нового механизма-двигателя преобразования-сохранения материи вообще.

⁴⁰ *Фаддеев Е. Т.* Некоторые философские проблемы освоения космоса.— В кн.: Диалектический материализм и вопросы естествознания. М., 1964, с. 195.

" Там же, с. 188,

255

Не в этом ли надо видеть ключ к пониманию безграничных и бесконечных возможностей развития материи, не выходя за пределы социального движения? Однако именно этот потенциал социального движения явно недооценивают сторонники второй точки зрения. Разве сегодняшний научно-технический потенциал человечества (включая управляемую термоядерную реакцию, практическое применение которой дело ближайших десятилетий) не в состоянии обеспечить подлинно человеческие условия существования всего населения планеты, если бы не социальные конфликты. Социальные механизмы преобразования материи в принципе способны обеспечить решение решительно любых задач вплоть до образования новых планет, даже их систем, если это, конечно, потребуется. Самая трудная задача — преодоление социальных антагонизмов глобального характера. Словом, не ожидание невероятного наступления «постсоциальной» ступени развития в результате торжества искусственного интеллекта, не поиски контактов с внеземными цивилизациями (если будет нужда, они сами себя обнаружат в один прекрасный, а может и трагический день), а настойчивое совершенствование реального социального бытия планеты,— вот единственный путь развития человечества. Все другие пути ведут назад вспять, к гибели. Но у человечества достаточно мудрости и опыта, чтобы не поддаваться сладкозвучным напевам сирен, а избрать единственно надежный путь — путь подлинно коммунистического движения вперед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование завершено. Его результат — теоретическая, всеобщая модель социальной формы движения, учитывающая экологические, функциональные и субстратно-видовые фундаментальные характеристики (атрибуты) человеческой деятельности, этой вечно живой субстанции социального бытия. Конечно, в предложенной модели фиксируется необходимость. Но она не может быть принята в качестве матрицы реальной деятельности народов, классов и отдельных личностей. И не только потому, что человеческая деятельность всегда имеет формационно-исторические, пространственно-этнические и другие, моделью не предусматриваемые особенности. И даже не потому, что в ней не указаны меры соотношения в деятельности универсальности и специализации, опосредствования и непосредственности, бескорыстия и заинтересованности (порою своекорыстия), сознательного целеполагания и действия по методу проб и ошибок, вечного и текущего и других столь же противоположных свойств. Мер этих мы еще не знаем конкретно.

Невозможно предложенную модель превратить в матрицу деятельности прежде всего по той причине, что эта модель предусматривает такой необходимый компонент деятельности, как свободу выбора. Свобода же не может быть предусмотрена даже самой тончайшей матрицей, ибо матрица всегда фиксирует сущее, свобода же является необходимым условием созидания, творчества нового, чего еще нет в объективном мире. И все же осуществленный в книге анализ социальной формы движения материи свидетельствует о перспективности дальнейшего целостного исследования общественной жизни с общефилософских позиций, синтетического ее рассмотрения как планетарной и космической системы явлений, как высшей формы движения, занимающей особое место в бесконечном развитии материи.

Щ Необходимость такого подхода к исследованию обще-стра настоятельно диктуется как насущными потребностями-

§57

ми практической жизни, так и дальнейшим развитием марксистско-ленинской теории. Сложившиеся во второй половине XX в. социально-экономическая и политическая ситуации на планете жестко поставили вопрос о способе выживания человечества в перспективе ближайших десятилетий. Острота возникшей проблематики столь явно обнажилась, что на пороге третьего тысячелетия человечество будоражит вопрос о бытии нашего мира: каким он будет, да и будет ли вообще?

Действительно, глобальные проблемы современности все вместе и каждая в отдельности (угроза термоядерной катастрофы, экологического кризиса, энергетического или продовольственного голода) предполагают глобальное же их решение, которое требует самого тщательного и всестороннего исследования всех объективных возможностей социального движения и способов их реализации. Теоретико-методологической основой всестороннего исследования общественной жизни как глобального процесса движения — взаимодействия материальных и духовных явлений выступает учение марксизма-ленинизма, которое позволяет детально изучить экологическую надежность всех современных и имевших место в истории технологических способов взаимодействия общества и природы, т. е. синтеза вещественно-энергетических ресурсов природы в явления социального движения и выработать на этой основе принципы вполне надежной глобальной экологической ориентации.

Неотложность решения глобальных проблем современности (не говоря о многочисленных региональных и локальных) настоятельно повелевают в исследовании процессов социального развития обращать особое внимание на взаимосвязь механизмов изменения и сохранения как на сущность развития. При этом центральной задачей в этом случае является всестороннее историко-сравнительное их изучение, обнаружение нарастания качественных отличий их действия на различных уровнях развития природы, ведущее к возникновению в социальном движении сохраняющего изменения — возможности полноценного существования предшествующих форм бытия и сознания наряду и вместе с новейшими формами. Особенно наглядно эта закономерность действует в духовном производстве, но и не только в нем.

Столь же неотложна потребность исследования всех механизмов системы целеполагания, с тем чтобы обнаружить

258

е условия, при которых результаты сознательной деятельности противоречат ее целям, выходят из-под контроля человеческого разума, как бы подчиняют его своей логике, заслуживает особого внимания анализ роли универсальности опосредствования деятельности в этих противоречиях процессах и вообще соотношения непосредственных, прямых и опосредствованных связей человека с природой. Вероятно, категории «развитие как единство изменения и сохранения», «труд как единство универсальных и специализированных видов орудийно-опосредствованной деятельности» и «целеполагание как универсальный способ опосредствования деятельности сознанием» должны занять достойное место как в историческом, так и в диалектическом материализме. Названные категории, а также органически связанные с ними понятия «формы или виды объективной реальности», «преобразование и отражение», «практика и теория» воплощают единство исторического и диалектического материализма, являются концептуальной основой исследования социальной формы движения в ее целостности. Поэтому не исключено, что дальнейшее углубление наших знаний об этом своеобразном предмете поможет обнаружить и плодотворные принципы построения удовлетворительной системы категорий диалектического и исторического материализма.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аболина Я.—11 Агамемнон—141—144 Агошон Л.—112 Адам — 169 Айтматов Ч.— 232 Александр Македонский см.
Македонский Алёнушка —206 Алёша Попович см. Попович Алкиной —248
Амадис —205 Аполлон— 142, 143 Аполлон Бельведерский —99,
118, 157 Ардри Р.—17, 18 Арей— 142 Асеев В. Г.— 123 Афанасьев В. Г.—136, 137
Афина —142, 143 Ахиллес —142, 143
Бакланов Г.—84
Бальзак О.—161
Байрон Д. Г.—216
Батенин С. С—31, 43, 90, 91,
99, 153, 196 Бах С—216 Белов В. И.—79 Беркли Д.—116 Берзин Э.—190
Бетховен Л. В.—216 Блок А. А.—216 Болконская Мари —170 Бондарев Ю.—206
Брежнев Л. И.—9, 70, 98, 231 Бридуа—146 Бризе да—143
Василиса Премудрая —206 Венера Милосская — 99, 157 Вепринцев Б. Н.—71
Вергилий—204 Вернадский В. И. —70, 220 Вилли К.—40, 71
260
Волков Г. Н. —71 Высоцкий Б. П.—228
Галлилей Г.—236 Гальперин П. Я.—39, 49 Гегель Г. В. Ф.—91, 103, 104,
138, 164, 169, 175, 180-183,
193, 200 Гектор —101 Гера —142, 240
Гессе Г.—57, 120, 154, 164—167 Гёте В.-53, 55, 115, 133, 160,
161, 216, 219 Гинарт Роке —205 Гиросов Э. В.—54 Глинка М. И.—207, 216 Гоббс
Т.—15 Гоголь Н. В.—207 Гольдентрихт С. С—77, 78 Гомер—141, 146, 204, 216 Грин М.
Ф.—64 Грибов Ю.—61 Гулливер —164 Гургенидзе Г. С—38 Гурьев Д. В.—45, 47
Давидович В.—И Давыдов Ю. Н.—17, 133 Данте А.—241 Дарвин Ч.—15, 16 Детье
В.—40, 71 Добрыня Никитич — 205 Дон Кихот — 101, 145, 204,
205 Достоевский Ф. М.— 61, 78, 82,
96, 162, 163, 203, 207, 210,
216 Дубинин Н. П.—197, 246 Дуглас У. О.-69, 148
Ева —169 Есенин С. А.—216
Жданов Ю. А. —26, 197
Забелин И. М— li, 196, 238,
253 Зевс —100, 141, 142, 144, 240
Иванов В. П.—178 Иванушка —206 Илья Муромец см. Муромец Ильенков Э. В.
—126, 245, 246 Ильичев Л. Ф.—11, 12
Кантор К. М.—180 Кант И.—29, 159, 180 Карамзин Н. М.—243 Карамазов Иван
—194 Кардашев Н. С—20 Келер В.—196 Керимова Т. В.—130 Кларк А.—56
Кожевникова К.—61 Кожемяка Никита —101, 206 Коммонер Б.—69 Коперник Н.—236
Косолапов Р. И.—94, 98 Куделин Е. Г.—98 Кузнецова Н. В.—175, 176 Кэтле А.—8
Ламарк Ж. В.—70 Ларионов А.—206 Ласточкин А. В.—249, 253 Ленин В. И.—5,
11, 52, 53, 94,
102, 139, 147, 180, 191, 211,
247 Леруа —220
Лизавета Ивановна — 210 Лоренц К.—17, 18 Люцифер — 169, 240, 241 Ляхов И.
И.—180
Македонский Александр —236
Мальцев Т. С—206
Мамзин А. С—175, 176
Маркс К.—10-12, 32, 33, 37, 39, 42, 53, 63, 66, 67, 73, 74, 78, 88, 89, 91, 93, 104, 112,
123, 128, 140, 147, 150, 151, 153, 164, 172, 213, 225
Маркузе Г.—17

Маяковский В. В.—ИЗ
 Мегрелидзе К. Р.—27, 103
 Мелюхин С. Т.—21
 Менделеев Д. И.—115
 Мефистофель—53, 55, 115, 133
 Мещеряков А. И.—49
 Мильтон Д.—169
 Моцарт А.—2И5 Муромец Илья —61, 205 Мусоргский М. П.—207, 216
 Мышкин Л. Н.—162
 Наполеон —209, 238 Ницше Ф.—16—17
 Одиссей—143, 204, 248
 Опискин Фома —210
 Орлов В. В.—21, 22, 31, 54,
 249, 252, 253, 255 Островский А. Н.—194
 Панса Санчо —101
 Панфилов В. З.—114
 Паркин В. Ф.—180
 Песков В.—71
 Плавинус Х.—232
 Платон —159
 П летников Ю. К.—11
 Покровский М. Н.— 238
 Пономарев Я. А.—48, 49
 Попович Алеша —205
 Поршнева Б. Ф.—31, 32, 40, 50,
 51, ИЗ, 115, 133, 159, 187,
 188 Посейдон —142 Протей —55 Пушкин А. С—102, 118, 119,
 194, 207, 216, 236, 242, 243
 Рабле Ф.—145, 146 Радищев А. А.—194, 195 Раскольников Родион —210 Рафаэль
 —194 Рафаил —169 Роман —242 Руткевич М. А.—22
 Сальери —235
 Санчо Панса см. Панса Санчо Сатана см. Люцифер Семенов В. С—237
 Сенокосов Ю. Л. —130, 154 Сервантес С—101, 145, 154,
 205, 216 Сеницын И.—81 Смирнов Г. Л.—232 Смердяков —232 Соломенцев Ю.
 М.—180 Спенсер Г.—16 Спиркин А. Г.—174, 175 Столетов В. Н.—81 Сулла —138
 Глобальные проблемы современности —20, 258
 Гносеологические корни ненаучных представлений о происхождении и сущности
 человека —14
 Гоминиды —41, 45—47, 51
 Государство —4, 105, 110, 112, 138—148, 191
 Грамматика —86
 Грех и покаяние —169
 Движение —21—30
 и развитие —21—22
 как взаимодействие —22—28
 многообразии способов взаимодействия и развития— 22—28 Демистификация
 социальных
 явлений —106 Денежное обращение —105, 146 Детство —84—87 Деятельность
 ее фундаментальные свойства —177—180
 опосредствованность —103— 123
 универсальность —53—56
 сознательная целеполагае-мость 174—198

- бескорыстие и своекорыстие —37, 83, 97—101, 111, 166, 168, 170, 172, 204, 207,
- ее логика, строение —123— 125, 129, 130, 174
- совместно-раздельный способ ее осуществления —124— 125, 150, 221
- раздвоение ее на общественный и личный уровень —124— 125, 132
- на процесс и результат —132, 221
- регуляция ее учреждениями, принципами, законами и нормами —124, 130, 134
- обмен ее результатами —131, 132
- органическая связь с общественными отношениями — 124
- классификация ее видов — 177, 180
- ее последствия —220
- Дифференциация и интеграция в эволюции форм жизни —24, 25, 26 в развитии общества и личности —238—239
- Добро и зло —157, 169, 171, 202, 241
- Добродетели и пороки—16, 146
- Доминирование —214
- Духовное производство —см. производство
- Живые и мертвые —214
- Законы —
- природы и общества —28, 54, 149
- общесociологические —63, 149, 153, 158, 178, 222
- красоты —34, 73—78, 134
- относительной равномерности развития в эпоху первобытности —7
- неравномерности развития в классово-антагонистических формациях —7
- соотношения интеграции общностей и дифференциации личности —238
- соответствия потребностей и целей способностям личности 226 Запреты и разрешения —51, 187, 188
- Захоронения —239
- Игра —188
- Идеология —227, 232, 240
- Иерархия форм движения материи —10
- Изменения социальных явлений —4, 5, 9, 12, 46, 47, 107, 112
- Иллюзии —188
- Инициатива и рутина —82, 86, 227—237
- Инстинкт как механизм биологического типа жизнедеятельности —16, 17, 39
- Инсайт —40, 44, 46
- Интегративные процессы —238
- Интернационализм и патриотизм —203, 232
- Информация —15, 20, 150, 229
- т**
- Искусство —80—81, 118—121 как особый способ социального воспроизводства личности —81 как орудие формирования и разрушения духовного мира человека —118—121 вечность классических его творений —120, 198 Истина и заблуждение —161, 162, 202, 211
- Исторические формы общности людей —37, 125, 131, 135
- Капитализм —65, 72, 114, 122, 130, 132, 141, 144, 148, 163, 208
- Классы—4, 100, 105, 106, 112, 135, 144, 171, 172, 191, 207, 208, 210, 211—212, 257
- Классовая борьба —135, 193, 238
- Клин —13, 40, 46, 75, 122, 123
- Колесо —160, 218, 221
- Коммунизм —65, 112, 113, 148,
- Г 206, 212, 229, 231, 256

Контроль и регулирование —см.
t управление
Космический характер социального движения как глобаль-
[ного процесса —253
Красота и безобразие —202, 211 см. также законы красоты
Критерии оценки социальных явлений —см. оценки
Культ—178, 188, 190, 202,234,
; 239, 240
Культура —8, 197
Личность —4, 81, 97—100, 156, [157, 222—238
[как мера социальной зрелости человека —232 как органическая целост-
ность —225—226 как динамическая сово-
купность способностей, целей и потребностей —97— 100, 232 формирование ее
как процесс овладения всей совокупностью общественных отношений —131, 224, 232
воспитание и самовоспитание —231
соотношение вечного и йрё-ходящего в ее деятельности 229—230
общесоциологические типы ее функционирования:
творчески-созидающий —227
фанатический —227
потребительский —227—228
аскетический —227
структура, модель —222—226
ядро личности —ансамбль устойчивых фундаментальных свойств 229—232
дифференциация —233—237
связь ее с обществом —233— 236
граница этой связи —236— 237
и государство —235—238
Магия —157, 188, 193
Материя (природа) и сознание (дух) -245-248
Матрица и модель —108, 159, 222, 257
Машина —65—67, 122
Мера —73—75, 226 два ряда мер —73—74 сплав мер —75
Механизмы социального развития —12
Мировоззрение — 231
Мода —165, 204, 228, 230
Мораль—81, 138, 150, 187
Мышление —32, 108, 114—116, 125—128, 187-189
Наркотики —97, 113, 228
Народы
землепашцы —60, 61 торговцы —61, 100, 105 кочевники —61
Наука —154
как отрасль духовного производства —154 как непосредственная
производительная сила —154
Наука и невежество —172, 173
Научно-техническая революция — см. революция
Необходимость и свобода —177, 183, 185
Необходимость и случайность— 42, 45, 46, 212, 230
265
Своеобразие их отношения в социальных процессах —45 Нормы социального
действия — 105
Обман и самообман —139, 140, 142, 147
Обучение — 86, 87

Общественное бытие и общественное сознание —38
Общение —32
Объективная и субъективная реальность —28, 38, 144
Объективные условия и субъективный фактор —82, 173, 198, 199
Объект и предмет исследования -3, 105, 106
Обычай —189
Огонь, значение овладения им в становлении социальной формы движения —41,
47
Ойкумена — 215
Опосредование как фундаментальное свойство человеческой деятельности — см.
Труд универсальная форма со-
циальной связи—103—123 всеобщий механизм социальных изменений —103—
123 его границы —121—123
Опыт-30, 114, 116, 160, 192,
197
социальные способы его сохранения и передачи — 196, 197 Отходы —см.
производство Отношения собственности—128,
129 Оценки -201-206, 212
их критерии: —201—206
общечеловеческий и классовый-201-206
общественный и личностный — 204—205
практический и теоретический -201-206
экологический —203
Патриотизм —202, 204, 232 Первобытность и цивилизация—
5—6 Потребление -132, 214-217 Перепотребление — 215
Потребности —6, 7, 72, 88-102 материальное и духовное —
96 личные и общественные —96 необходимые и прихоти —97 созидающие и
разрушающие
личность —97 их соотношения с целями и способностями —97—99
Потребительство —208, 228 Политика —150 Польза и вред —165, 202 Порядок и хаос —
203 Поощрения и репрессии —235 Право —138, 150 Правда и ложь —202, 211
Преступность —8 Приручение животных и растений —56, 57 Производство
способ материального производства —5 производительные силы и
производственные отно-
шения — 11, 36, 37 производство материальное и
духовное —36, 140—172 их специфика по целям —
152, 158 по процессу — 153, 154 результату —153—155 по противоречиям —
156—170 функционированию результатов —160—163, 167 влиянию на них
товарных
отношений —163—166 духовное производство как сфера всеобщего
труда— 171-173 технологический способ производства —57, исторические его
варианты: технически-деструктивный —
57, 63 биологически-конструктивный —57 отраслевое его строение:
промышленное производство как технологический процесс —63 связь с наукой —63
темпы развития —72 энергетические источники -67, 68, 72
266
экологическая неустойчивость —68—69
сельское хозяйство как технологический процесс: его синтетичность —58—61
традиционность —62—63 экологическая надежность— 60-61, 63
строительство как вечная отрасль производства —62
производство вооружений как отрасль современного производства —54, 55, 68,
69, 113, 114

товарное производство —123, 135
и потребление —72, 149
его отходы —57 Постсоциальные формы движения — см. сверхсоциальные
формы движения Пространство и время — 245 Пути сообщения — 220
Рабовладение —НО {Рабочий скот —60 Радость и страдание — 14, 83,
87, 243 [Развитие —21
как единство изменений и сохранения —258 его отношение к движению — 21, 22
Различия между людьми —14 природные —14 социальные —14 I Разум —16, 103, 108,
182 \ Революция — 211 неолитическая —56 современная научно-техническая —85,
ИЗ, 208, 229 I политическая —207 Религия — 150, 193, 241, 248 Речь — 14, 32, 47, 108
Ритуал —178, 188, 190, 193 Родина, Отечество —101, 235, 241, 242, 244
Самодеятельность и формализм—
86—88, 226, 235 Самоограничение — 226 Самосознание — см. сознание
Сверхсоциальные (постсоциаль-
ные) формы развития природы — 252, 254, 255, 258
Свобода и зависимость —203
Своекорыстие, выгода— см. бескорыстие
Святыни — 203, 210
Сигнальные системы, первая и вторая —32, 133
Слава и позор —101
Собственность —128—129
Сознание — атрибут социальной формы движения —13, 47 самосознание —
высший уровень его развития —37
Сооружения —105 технические —105 бытовые —105 культовые —220
Сохранение —6, 9, 12, 150
Социал-дарвинизм —16
Социализм —65, 78, 83, 112, ИЗ, 114, 137, 148, 212, 229
Социальное единство и разнообразие — 213—245
Социальная форма движения — новый тип развития объективной реальности —5—
6
Социальный организм —12
Социальные противоречия —6— 9, 53
Сплав мер —см. законы красоты, мера
Способ производства — см. производство
Способности —5, 8, 9, 88—101 как особые самосовершенствующиеся орудия —
91—92 как знания —91—92 их субординация с потребностями—98—100
Средства массовой коммуникации — 122
Средства связи —65, 105
Стадии социального движения —64—65, 107—113
Страдание—243
Субстанция —245—250, 257
Субстрат —249, 250
Суггестия и контрсуггестия — 51
Сущность первого и второго порядка —3, 4
Сферы общественной жизни —85
Счастье —203
267

Александр Петрович Велик
**СОЦИАЛЬНАЯ
ФОРМА ДВИЖЕНИЯ.
ЯВЛЕНИЯ И СУЩНОСТЬ**

Утверждено к печати Кафедрой философии АН СССР

Редактор В. В. Рукман

Художник И. Е. Сайко

Художественный редактор Н. Н. Власик

Технические редакторы О. Г. Ульянова,

Т. С. ЗКарикова

Корректоры Л. И. Левашова,

Л. Р. Мануильская

ИБ № 25420

Сдано в набор 12.04.82.

Подписано к печати 17.09.82.

Т-14053. Формат 84X1087зг

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,5

Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 5500 экз. Тип. зак. JVS 2253

Цена 1 р.

Издательство «Наука»

117864 ГСП- 7, Москва, В-4 8 5, Профсоюзная у л., 9 0

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

ДИАЛЕКТИКА В НАУКАХ О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ. ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ МИРА, ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. 20 л. 2р. 40 к.

В книге анализируются мировоззренческие и методологические аспекты взаимосвязи проблем материального единства мира и единства научного знания. Обсуждаются тенденции дифференциации и интеграции естественных, общественных и технических наук, их современной классификации. Для преподавателей, специалистов общественных и естественных наук, а также для интересующихся философскими вопросами современного естествознания.

ДИАЛЕКТИКА В НАУКАХ О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ. ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА В ВЕК НТР: Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. 20 л. 2 р. 40 к.

В книге анализируются различные аспекты взаимосвязей человека, общества и природы в условиях НТР, особенности нынешней экологической ситуации и пути ее улучшения, некоторые моменты биосоциальной проблематики. Для преподавателей, специалистов общественных и естественных наук, а также для интересующихся философскими вопросами современного естествознания.

1 руб.

Проблематика сущности бытия человечества, этого космического явления, высшего уровня развития природы, издавна волновала умы людей. Человеческое общество представляет собой совершенно новый тип соотношения сохранения и изменений, процессов созидания и разрушения. Ясное, достоверное знание материальных и духовных, общественных и личных, вечных и преходящих, необходимых и свободных форм и механизмов этих процессов — неперемное условие эффективного решения неотложных глобальных, региональных и локальных проблем современности. Действительный анализ объективной противоречивости функционирования этих механизмов и форм может быть получен лишь при исследовании сущности взаимодействия общества и природы, фундаментальными особенностями которого

являются универсальность, орудийное опосредствование, сознательное целеполагание, т. е. социальный тип жизнедеятельности.